

ISSN 0207-4486

UNIVERSITAS TARTUENSIS

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 656 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

UURIMUSI KÕRVUTAVA
JA RAKENDUSLINGVISTIKA ALALT
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ
И ПРИКЛАДНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

L I N G U I S T I C A

TARTU 1983

Toimetuskolleegium:

**Paul Ariste, Helgi Liin, Oleg Mutt, Rita Tasa,
Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)**

Редакционная коллегия:

**Пауль Аристе, Хельги Лийн, Олег Мутт, Рита Таза,
Юхан Тулдава (ответственный редактор)**

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 656.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ И
ПРИКЛАДНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ.

Linguistica.

На разных языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.

Ответственный редактор Ю. Тулдава.

Подписано к печати 24.10.1983.

МВ 010510.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 9,87.

Печатных листов 10,25.

Тираж 500.

Заказ № III2.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

Paul Alvre

Grammatilised kategooriad oma tänapäevasel kujul on mis tahes keeles väga pika arenguprotsessi tulemus. Nii on ka mitmus kõigis maailma keeltes hilisem kui ainsus. Enne mitmuse tunnuste väljakujunemist kasutati selle märkimiseks leksikaalseid ja süntaktilisi vahendeid, sest sisuline vahetegemine ühe ja mitme objekti vahel on niisama vana kui keeled ise.

Varajases arengujärgus on eri keelkondadel olnud kahtlemata suuri sarnasusi, millest on säilinud käegakatsutavaid jälgi kehaosi märkivate nimetuste numbruse tarvitamisel. Eesti ja teistelgi soome-ugri ning samojeedi keeltele on ainsuse kasutamises mitmuse asemel veel praegugi silmatorkavaid ühisjooni indo-euroopa keeltega (ladina, prantsuse, saksa, inglise, rootsi, vana-islandi jt.), seda isegi kuni terviku poolitamiseni, näit. lad pedem ferre - (oma) jalga viima, sks mit halbem (!) Ohr hinhören - poole (!) kõrvaga kuulama jne. (Alvre 1962, 166 jj.).

Nominatiivis on soome-ugri (resp. uraali) keeled kasutanud muudel juhtudel mitmusevorme siiski võrdlemisi varakult. Sellele viitab mitmuse tunnus t, mis on ühine mitmetele soome-ugri (läänemeresoome ja mordva) ning samojeedi keeltele. Iidset algupära on ka possessiivse deklinatsiooni mitmuse tunnus n. Seevastu küllaltki vana k-aines näib eri keeltes olevat ise algupära. Lapi keeles on k kujunenud t-st: dalok (< *talot) 'majad' nagu mânâk (< *menet) 'lähed', kuid ungari keele k on ilmselt pärit *kk-st, millele vastab soome keele kollektiivisufiks -kko (koivikko 'kaasik'). Lõuna-eesti larüngaalklusili ? puhul (maja? 'majad') on teatavasti oletatud nii ? < t (L. Kettunen) kui ka ? < k (P. Ariste). Endine koha- ja kollektiivisufiks la on kujunenud mitmuse tunnuseks mari (Božla 'juured') ja sõlkupi keeles, kus ka igivana t-tunnus on paralleelselt kasutusel (logala ~ logat rebased). Mitmetele uraali keelkonna keeltele on üldse omane rikkalik mitmuse tunnuste kasutamine. Samojeedi keeltes esineb mainitud t (ka t > 'i) ning la lisaks veel -zan, -zân ning i-mitmuse tunnustena i ~ ii ~ ji ~ je (Kün-

nap 1971, 31 jj.). Mari keeles, kus t-tunnust noomenite deklinatsioonis ei tunta, on la-tunnuse lisaks kasutusel türgi päritoluga sufiks -la, -lak, -šamət's jt. Permi keeltes on mitmuse tunnus kujunenud sõnast 'rahvas, inimesed': udmurdi -jos, komi -jes. Komi keeles esineb ka liitsufiks -jas ja -jan, mille algusosa ja on algselt kollektiivisufiks. Mitmuse tunnuste suurele arvule uraali keeltes liitub teisalt algupärase joonena ainsuse ulatuslik kasutamine. M. A. Castréni järgi on mitmus samojeedi keeltes reeglipäraselt tarvitusel ainult nominatiivist, kuna teistes käänetes tulevad esile ainsuse vormid (Castrén 1854, 107 jj.). Seda seika on oluline silmas pidades ka eesti ja lähissugulaskeelte mitmusevormide päritolu selgitamisel.

Läänemeresoome keelte obliikvakäänetele on omane i-tunnuse kasutamine. Et mitmuse tunnus i esineb ka lapi ja mõnedes samojeedi keeltes ning seoses possessiivsufiksitega ka ungari keeles, peeti varem tema põlvnemist uraali aluskeelest iseenesestmõistetavaks. Selle arvamuse pooldajaid leidub ka praegu (B. Collinder, B. Wickman jt.). Argumendid iidse i kaitseks pole aga küllalt põhjendatud. On väidetud, et ulatuslike häälikumuutuste tõttu järgsilpides polegi kaugemates sugulaskeeltes i enam ootuspärane ja et vanad mitmuse tunnused võisid kaduda nagu indo-euroopa keeltes (B. Collinder 1954, 133 jj.; 1960, 299 jj.). Kui peame silmas mordva keelt, mis määramatu deklinatsiooni mitmuses kasutavad vastavaid ainsuse vorme, siis otse vastupidi on i-tunnus verbide puhul säilinud ka järgsilpides (kandin 'kandsin'). Pole mõeldav, et noomenitest i kadus, kui ta samal ajal säilis verbides. Ka võrdlus indo-euroopa keeltega pole õnnestunud, sest vanad mitmuse tunnused asendusid seal uutega, mida ei saa aga väita näit. mordva keele määramatu deklinatsiooni kohta.

Erinevat seisukohta, eriti lapi ja läänemeresoome keelte i-mitmuse tekkeaja suhtes esindavad D. V. Bubrich ja P. Ravila. Nende arvates on i-mitmus kujunenud alles peale volga perioodi, millise arvamusega võib täielikult ühineda. Tähelepanuväärne on D. V. Bubrichi väide i-mitmuse päritolu suhtes endisest kohta ja kollektiivi osutavast sufiksist ja, jä (Bubrich 1938, 104 jj.). Kahjuks on jäänud i-mitmuse arengukäik ligemalt tõestamata, mistõttu D. V. Bubrichi deklaratiivsel väitel on ainult teoreetilise oletuse väärtus. P. Ravila näeb i-mitmuse teket läänemeresoome aluskeeles i-

lõpulisest mitmuse genitiivist (*kalai 'kalade'), mis kujunes obliikvakäänete põhjaks analoogiliselt eesti keele de-mitmusele (Ravila 1935, 52 jj.). P. Ravila i-mitmuse teooria, mis omab soome teadlaste hulgas tugeva positsiooni, on aga üles ehitatud vaieldavatele argumentidele, mis ei suuda teda küllalt usutavaks teha (Alvre 1963, 92).

Seevastu mitmuse tunnuse arengut endisest koha- ja kollektiivisufiksist on täheldatud paljudest keeltest. Võttes aluseks D. V. Bubrichi eespool mainitud viite, võime tõestada i-tunnuse teket obliikvakäänetes enestes. Käändelõppude konsonanttüveline liitumine e- ja ka a-, ä-tüvede puhul on tuntud tõsiasi. Et ja-, jä-tunnus muutus seejuures i-ks, said esimesteks i-mitmuse vormideks asesõnade me 'meie' ja te 'teie' tuletiste mejä, tejä konsonanttüvelised käänded: lokatiiv-essiiv mei-nä < *mej(ä)nä, tei-nä < *tej(ä)nä ja ablatiiv-partitiiv mei-tä < *mej(ä)tä, tei-tä < *tej(ä)tä. Personaalpronoomenites lisandus i-le sõnade me 'meie' ja te 'teie' tähendusest tingitult mitmuse varjund. On loomulik oletada, et neist suure esinemissagedusega sõnadest üldistus uus tunnus mitmuse funktsiooni kandjana järk-järgult kõigisse noomeneisse.

Kaugematest sugulaskeeltest on esitatud otseseid tõendeid kollektiivse ja-tunnuse kasutamise kohta mitmuse tun-nusena ainult komi keeles (Serebrennikov 1963, 258). Kuid on igati tõenäoline, et ka ungari ja eriti samojeedi keelte mitmuse tunnus i on arenenud endisest koha- ja kollektiivisufiksist ja, jä.

Käesoleva kirjutise seisukohast on oluline teada, et läänemeresoome aluskeeles kujunes koha- ja kollektiivisufiksist ja, jä välja mitmuse tunnus i, mille liitumisest sõnatüvele tekkis mitmusetüvi. Kunagised arvamused, nagu oleks läänemeresoome aluskeeles eksisteerinud veel ainsusetüveline ä-mitmus (J. Mägiste, E. A. Tunkelo) ja teatud sõnatüüpidest ka a-mitmus (L. Kettunen, L. Posti jt.), pole leidnud toetust. Kõigi läänemeresoome keelte praegused mitmusevormid taanduvad otseselt või kaudselt lähtetüübile s o n a t ü v i + m i t m u s e t u n n u s i + k ä ä n d e l õ p p (jalka + i + sna 'jalus', silmä + i + snä 'silmis' jne.). Ainsateks eranditeks on mitmuse nominatiiv (mis juba uurali aluskeeles moodustati t-tunnuse liitumisega sõnatüvele: kala-t 'kalad'), selle põhjal tekkinud ainsusetüveline genitiiv (*kalašen < *kalat-n) ja teatud sõnatüüpi-

dest ka konsonanttüveline genitiiv (*mēsten 'meeste').

Materjali rohkusest tingitult jõuame käesolevas kirjutises jälgida läänemeresoome keelte mitmuse obliikvakändeid vaid peamiselt ühesilbiliselt noomeneis.

Mitmuse tunnuse liitumisest türevokaalile tekkis läänemeresoome aluskeeles (sõnast *mā < *ma *g 'maa') *mā-i-tüüpi mitmusetüvi, mille vokaalid moodustasid peatselt diftongi: *mai-. W. Steinitz'i seisukoht, nagu oleks mitmuses lühike türevokaal säilinud, ei tundu usutav, sest lapi keele esimese silbi vokalism tõendab varasemate pikkade vokaalide olemasolu: vokaalide praegune kvalitatiivne erinevus põhineb nende varasemal kvantitatiivsel erinevusel, näit. i > â, kuid î > i (šâldde = soome silta 'sild' - likkât = soome liikkua 'liikuda') (Korhonen 1981, 96 j.).

Läänemeresoome aluskeelest pärandunud diftongid ai, oi, ui, êi, ei, öi, üi on eri keeltes paarõhulise asendi tõttu sageli säilinud, mistõttu vajadus uute mitmusetüüpide järele on ühesilbilistes sõnades olnud alati väiksem kui kahe- ja enamasilbilistes sõnades, kus häälikulise arengu tulemusel mitmusevormid langesis mõnedes sõnatüüpides kokku ainsuse omadega. Ühesilbilistes sõnades ilmnevaist eriarenguidst kuulub rõhuv enamik pronoomenite valdkonda.

Põhjalikumalt peatume soome keele esinemusel (murded, vana ja praegune kirjakeel), kuna aga teiste läänemeresoome keelte puhul toome erinevate mitmusetüüpide põgusa loendi. Kasutatud ainekist pärineb suurelt osalt Helsingi teadusasutuste arhiivikogudest, mida paiguti on kirjandusandmetega täiendatud (Alvre 1965a, 70 j.; vt. ka seal mainitud kirjandust).

Enamikus soome murretes nagu vanas ja praeguses kirja-keeleski on mitmusetüve diftong säilinud (smE muist maist 'muudest maadest' jt.; W lwista 'luudest' jt.). Diftongi eeskomponent on muutunud harva, näit. vi höil 'nendel', kus muutus ei > öi on toimunud labiaalse m-i mõjul esmalt mitmuse l. isiku asesõnas ja sealt üldistunud mujale. Diftongi eeskomponent on muutunud kõikjal asesõna se 'see' obliikvakändeis (hS niistä 'nendest' jt.). Pronoomenitüvede ainsuse sî- ja mitmuse nî- algupära on vaatamata mitmetele seletuskatsetele jäänud seni rahuldavalt lahendamata. Kuieeldame ja-, jä- tunnusega tuletiste olemasolu ka demonstratiivpronoomenist, seletub sî- ja nî- tüvi reeglipärase arenguna adverbides /*sej(ä)nä >> sinä 'seal', *nej(ä)nä >> nin 'nõn-

da'/, kust i-tüvi üldistus pronoomenite deklinatsioonil ainult läänemeresoome keelte põhjarühmas, kuna seevastu lõunarühmas on algupärase tüved (ainsuses se-, mitmuses nei-) säilinud. Reduktsioonialadel on mitmusetüve diftongi järelkomponent madaldunud (siv vöestä 'vöödest', sp töessä 'töödes' jt.); eranditeks on kõrged diftongid ui, üi, mis pole muutunud. Pronoomeni nuo 'nood' tüves esineb paiguti nii lääne- kui idamurdeis triftong (satY nuoillakit 'noilgi' jt.). Triftongist uoi on murdeti arenenud variandid uo, ui, uo, ua (slv nuo¹sta 'noist', pK nuista 'noist', satY nuossa 'nois', pl nuas 'nois'). Mõned uurijad on oletanud algupärase *nō > nuo-tüve säilimist obliikvakkäändeis, kuid esitatud murdevariandid ei toeta seda arvamust.

Personaalpronoomenite reeglipärase mei-, tei-, hei-tüvede kõrvale on paiguti tekkinud uudisvorme: laial alal soome läänemurdeis smE heitil 'neil' jt. (tüvi on pärit partitiivist heitiä 'neid'); juhuslikena smM meijästä 'meile, meie majja' ja mehillen 'meie juurde', millede algupära on ebaselge. Vanas kirjakeeles torkab iidse joonena silma posesiivsufiksitate sage kasutamine personaalpronoomenites (U heillensä 'neile' jt.). Seevastu tüüp meiti- (: me 'meie') on seal haruldane.

Hilistekkelistest mitmusetüüpidest on soome murdeis kasutusel si- ja loi-, loi-mitmus (smE pyyssi 'püüsid', sav täilöil 'täidel' jt.). loi-, loi-tunnuse abil, mille kasutamine on soome idamurrete omapäraks, on võimalik vahet teha diftongiga ja i-ga lõppevate sõnade ainsuse- ja mitmusevormide vahel. Läänemurdeis (arvestamata harva esinevat si-tunnust edelamurdeis) nagu kirjakeeleski puudub seda laadi sõnaõnne vahetegemisvõimalus.

Eriti variantiderohke soome murdeis ja vanas kirjakeeles on ühesilbiliste noomenite mitmuse g e n i t i i v. Lähtetüübiks on kõljal mitmusetüveline *maisen 'maade', ainult vanimas kirjakeeles ja kohanime puhul läänemurdeis ka *mäsēn 'maade'. sen-lõpu edasiarenguna on murdeis esindatud -den, -jen, -jien, -len, -ren (näit. satY puiden 'puude', pP maijen 'maade', pK muijien 'muude', hP mailen 'maade', pl nuoren ~ nuaren 'nonde'). ren-lõpuline on ka ainsusetüveline kohanimi satY suarenniämi (< *sōsen-) 'Suoden-niemi'. Seevastu pärit teistest käänetest või deklinatsioonitüüpidest või muul viisil erandlikud on genitiivilõpud -hen ja -hin (mõlemad pärit illatiivist), -hin (-in + hin).

-jīn (-īn + -jen), -jin (< -jīn), -tten (pärit e-tüvede kontraheerunud sõnadest), -ten (pärit tüübist veten 'vete'), -nnen ~ -nen (< * -nden) (näit. sīv soehen 'soode', vī puihin 'puude', vL maiīn 'maade', TūtS nāijīn 'nende', sMAL maiīn 'maade', hS tōitten 'tööde', hK maiten 'maade', pK niinnen ~ niinen 'nende'. Vormi sMAL maiīn 'maade' puhul on J. Mägiste oletanud muutust -jen < -jin, mis ei pea aga paika, sest areng -īn > -in on omane kõikidele genitiividele selles murdes. ten-lõpu eraldumist on T. E. Uotila pidanud võimalikuks tüübist kirvesten 'kirveste', kuid vokaaltüvelise genitiivi maiten 'maade' puhul pole see usutav, sest muutus t < tt esineb genitiivi veten < vetten 'vete' lisaks ka verbides süöten 'sööte' jt.). nnen-~nen-lõpu varasematest seletustest (A. Genetz, E. N. Setälä, H. Ojansuu jt.) on kõige tõenäolisem L. Posti oma, mille järgi *nden-lõpp on tekkinud läänemeresoome aluskeele varasel perioodil vormitüüpide *nen 'nende' ja *tēden 'teede' segunemisest (Posti 1937, 282 jj.). Et aga mainitud tüüpide paralleelne esinemine pole kuigi reaalne, on tõesem oletada *nden-lõpu metanalüütilist päritolu genitiividest *pēnden 'väikeste', *matalinden 'kõige madalamate', *onnettoinden 'õnnetute' jt. (Alvre 1965, 205). Vanas kirjakeeles on sen-lõpp veel säilinud nii mitmuse- kui ainsusetüveliste vormide puhul (A Metzepuidhen 'metsapuude', tōdhen 'tööde' jt.). Nende genitiivitüüpide suhteks on M. Agricola *maisen 88%-maſen 12%, nnen-~nen-lõpp liitub tavaliselt mitmusetüvele (A mwijnen 'muude', piiblis 1642 muinnen 'muude' jt.), kuid ka ainsusetüveline tüüp on esindatud (A mwnen 'muude' jt.). Vanale kirjakeelele on omased ka mitmed kontaminatsiooni teel tekkinud käändelõpud: -nnein ~ -nein (-nnen, -nen + ein), -ndhen (-nen + ſen), -dein (-ſen + -ein), -ttein (-tten + -ein), -tein (-ten + -ein) (M päinnein 'nende', K muindhen 'muude', A muidein 'muude', M muittein 'muude', R syttein 'süüde', S muitein 'muude' jt.). Praegune kirjakeel on tüüpidevaene: maiden 'maade' 82 % - maitten 18 %.

Personaalpronoomenite genitiivid (ja akusatiivid) on mitut algupära (Alvre 1978, 258 jj.). *meisen (: me 'meie') tüübile taanduvad jen-, jien ja ren-lõpulised murdevormid (turS meijen 'meie', sMAL meijen 'meie', hL meiren ~ (< ei > ē) mēren 'meie'). *meiſän-tüüp, mille ä on pärit partitiivist, on põhjaks ſän-, ſän-, dän-, jän-, -jjän-, län-, rän-, tän- ~ tan-lõpulistele genitiividele (To meiſän 'meie',

satY meiðän 'meie', smE meidän 'meie', sL teijän 'teie', sL meijjän 'meie', hK heilän 'nende', sata meirän 'meie', To meitan 'meie' jt.). jän-lõpuliste vormide puhul tuleb läänemurdeis võtta arvesse ka lähtetüübi *me(i)jä võimalus. Murdevormid Ke hejän ~ hejän 'nende', satY mijän 'meie' jt. taanduvad lähtetüübile *mejän, *meðän, *mejän. Kuluvorme: sata mein ~ (ei > ē) mēn 'meie' jt. Tüüp meitin 'meie' (tekkinud partitiivi meitiä ~ meitti põhjal) on võrdlemisi üldine läänemurdeis (sata teitin 'teie' jt.). Vana kirjakeele dhen-lõpp võib kajastada nii e-list kui ä-list hääldamist (A meidhen 'meie' jt.). Sama on olukord vormi A meden 'meie' puhul. Ka dentaalita tüüp on esindatud: A teijen 'teie', U teijännä 'teie', L mejän 'meie'. Samuti on tüüp meitin 'meie' esindatud juba alates XVI sajandist (W teitin 'teie' jt.). Praegune kirjakeel viljeleb ä-lisi genitiive ja akusatiive: meidän 'meie', meidät 'meid'.

P a r t i t i i v i ta-, tä-lõpp on nii murdeis kui kirjakeeles järjekindlalt säilinud (hS õitä 'õid', sP nuoi-ta 'noid' jt.; A Häite 'pulmi' jt.). Häme ja edelamurretes esineb personaalpronoomenite reeglipärase tüübi meit(ä) 'meid' kõrval ka meiti-tüve partitiive: hP meitiä ~ meittiä 'meid', (-iä > i) hL meittiä 'meid', (-i > -i) smE meitti 'meid'. See deklinatsioonitüüp oli kasutusel ka vanas kirjakeeles: A meiti (= meiti) 'meid'.

I l l a t i i v i käändelõpu h on säilinud enamikus murdeis ning vanas ja praeguses kirjakeeles, kusjuures mitmusetüvi on sama kui teistes mitmuse käänetes. Praegune kirjakeel viljeleb ainuüksi hin-lõpulisi vorme (maihin 'maadesse' jt.), kuid vanadel autoritel esineb vahel ka -hen (K nijhen 'nendesse' jt.). M. Rapola on arvanud, et -hen on trüki- (pro -hin), kuid tõesem on oletada e säilimist murde- ti, sest -hen esineb eri sõnatüüpidest mitmel kirjanikul. Murdepärane on ka vana kirjakeele hīn-lõpp (-īn + -hin): piiblis 1642 puihiin 'puudesse' jt. Mainitud lõppudele lisaks on murdeis tarvitusel veel -h ja -hēn (ē analoogiline), mis kõik taanduvad lähtetüübile -hen (vI töihe 'töödesse', hS koihin 'koidesse', hK häh 'pulmadesse', smM puihēn, satY maihin 'maadesse'). s-illatiivi esindab smAL puisse 'puudesse'. h- ja s-illatiivide kontamineerumise tulemusel on tekkinud käändelõpud -hisa (-hin + -sa possessiivsufiksi ees) ja -hisi (-hin + -sin): smE puihisas 'tema puudesse', hL puihisi 'puudesse'.

Ühesilbiliste noomenite mitmusetüve diftongi säilimist suuremas või vähemas ulatuses võib konstateerida ka teistest läänemeresoome keeltest (välja arvatud ainult liivi keel): karjala puida 'puid', isuri täille 'täidele', vepsa soid 'soid', vadja maisē 'maadesse', eesti maile 'maadele'. Liivi keeles langeb mitmusetüvi ainsuse omaga kokku; seejuures mitmuse tähenduse kandjaks on käändelõpu i (<< a, ä): püdi 'puid'. Diftongi eeskomponendi muutused on eriti ulatuslikud kesk- ja põhjavepsa murdeis, kuid näiteid selle kohta leidub ka vadja keelest: vepsa miil 'meil', veid 'vöid', vadja tüitä 'töid'. Diftongi muutumine triftongiks on omane mõnede karjala murretele: tiäid 'täisid'. Diftongi järelkomponendi madaldumist või kokkusulamist eeskomponendiga on registreeritud eesti keelest ja lõuna-vepsa murdest: eesti maele 'maadele', näle 'nendele', vepsa vöd 'vöid'. Eriarenguid ilmneb pronoomenites: karjala mejane 'meile', mejesä 'meist', nämil 'neil', tämit 'neid'; vepsa tejale 'teile', sidēn ~ seid 'e nende'; vadja pännē 'nende'; eesti meittiD ~ meitteD 'meid', münde ~ muñde ~ müne ~ muine (~ muinde vanas kirjakeeles) 'muude'; liivi münt 'muude' jt.

Utest mitmusetüüpidest on loi-, lõi-mitmus kasutusel karjala ja isuri keeles: karjala moaloissa 'maades', isuri täilõille 'täidele'. si-mitmust viljeleb soome edelamurrete kõrval esmajoones lõunaeesti murre: koiZist 'koidest'. Mitmuse genitiivil põhinevad mitmusetüved on omased peamiselt eesti keelele: 1) de-mitmus: koiDel 'koidel', māDe ~ māDe ~ mātte ~ matte 'maade', 2) kontamineerunud de-mitmus (Alvre 1981, 3 jj.): päiDest 'peadest', luitte 'luude', meittel 'meil', 3) je-mitmus: puijest 'puudest'. de-mitmust kuigi ainult kolmes käändes - daativis, komitatiivis ja translatiivis) viljeleb ka liivi keel: püdiñ 'puudele', komitatiiv-translatiiv püdiñks ~ pütkñks. Täiesti juhuslik on de-mitmuse esinemine eesti keele mõjul isuri läänepoolseis murrauks: kolkisipüdiñlā 'tema linalõugutitega'.

Ühesilbiliste noomenite mitmusetüve tüüpide arv, kui jäetame arvestamata pronoomenite eriarengud ja *nden-genitiivid, on suurim eesti keeles - 5 (i-mitmus, de-mitmus, genitiivi-põhjaline je-mitmus, kontamineerunud de-mitmus, si-mitmus), karjala ja isuri keel - 2 (i-mitmus, loi-, lõi-mitmus), liivi keel - 2 (i- ja äi-mitmus samas paradigmas), vepsa ja vadja keel - 1 (i-mitmus).

Eri läänemeresoome keeltes on ühesilbiliste noomenite

mitmusetüve tüüpide suhe kahe- ja enamasilbilistesse järgmine: eesti keeles 5 : 7 (i-mitmus, de-mitmus, kontamineerunud de-mitmus, e-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, a-mitmus, si-mitmus), vadja keeles 1 : 5 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, loi-, lõi-mitmus, a-mitmus, lai-, läi-mitmus), soome keeles 3 : 4 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, loi-, lõi-mitmus, si-mitmus), isuri keeles 2 : 3 (i-mitmus, tugevaastmeline i-mitmus, loi-, lõi-mitmus), liivi keeles 2 : 2 (i-mitmus ja dõ-mitmus samas paradigmas), vepsa keeles 1 : 2 (i-mitmus, kontamineerunud i-mitmus).

Läänemeresoome aluskeelde ulatub vaid i-mitmus, kõik teised mitmusetüve tüübid on tekkinud tütarkeelte eriarengu perioodil. Mitmuse obliikvakkäändeist on aga eriline koht genitiivil ja komitatiivil, mille vahendusel on tulnud eesti keelde nii de-, je-, e-, kontamineerunud de- kui ka tugevaastmeline i-mitmus, liivi keelde de- (dõ-) mitmus ning soome, isuri ja vadja keelde tugevaastmeline i-mitmus (Alvre 1965a, 966).

L ü h e n d i d

A = Agricola, e = eesti keel, hK kaguhäme murre, hL = lõunahäme murre, hP = põhjahäme murre, hS = südahäme murre, is = isuri keel, K = Kollanius, Ke = Kemijõe murded, L = Ljungo, lad = ladina keel, ly = liivi keel, M = Martti, PK = Kesk-Pohjanmaa murre, PL = Lõuna-Pohjanmaa murre, PH = Pohja-Pohjanmaa murre, R = Raumannus, S = Sorolainen, sata = Ala-Satakunta murre, satY = Ylä-Satakunta murre, sav = sayo murre, slv = idasavo, välisrühm, sks = saksa keel, SL = lõunasavo murre, slv = lõunasavo välisrühm, smAL = Alam-Luuga murre, smE = soome edelamurded, smM = Kesk-Skandinaavia metsasoomlaste murre, sp = põhjasavo murre, To = Tornijõe murre, turS = Turu sisemaa murre, Tuts = Tütar Saar, U = Upsala evangeliumi fragment, vdj = vadja keel, vi = Viiburi idamurre, vL = Viiburi läänemurre, vps = vepsa keel, W = Westhi tekst.

K i r j a n d u s

Alvre, P. Kehaosi märkivate nimetuste nuumerusest. - Keel ja Kirjandus. Tallinn, 1962.

Alvre, P. i-mitmuse päritolust. - Rmt.: Nonaginta. Tallinn, 1963.

Alvre, P. Morfologis-äännehistoriallinen tutkimus monikko-vartalonn muodostuksesta suomessa verrattuna suokielisiin. Tartto (Käsikiri TRÜ Teadusraamatukogus), 1965a.

- Alvre, P. Pronoomenite iseärasusi. - Emakeele Seltsi Aasta-raamat 11. Tallinn, 1965b.
- Alvre, P. Über die pluralischen Genitivformen des Finnischen (vor allem bei den Personalpronomina). - Советское финно-угроведение XIV. Tallinn, 1978.
- Alvre, P. Kontamineerunud de-mitmus. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 574. Tartu, 1981.
- Bubrich, D. Zur Frage nach der Herkunft der Pluralbildungen in den finnisch-ugrischen Sprachen. - Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXX. Tartu, 1938.
- Castrén, M. A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
- Collinder, B. Proto-Lappish and Samoyed. - Språksvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar. Uppsala, 1954.
- Collinder, B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960.
- Korhonen, M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Künnap, A. System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki, 1971.
- Posti, L. Eräs itämerensuomalainen genetiivimuodostus. - Virittäjä, Helsinki, 1937.
- Ravila, P. Die stellung des lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen sprachfamilie. - Finnisch-ugrische Forschungen XXIII. Helsinki, 1935.
- Serebrennikov, B. A. Formengeschichtliche Untersuchungen. I. Über den Ursprung der Pluralsuffixe *-jas* und *-jan* in der Komi-Sprache. - Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae XIII, 3-4. Budapest, 1963.

ZU DEN MERKMALEN DER PLURALBILDUNG IN DEN OBLIQUEN KASUS IN DEN OSTSEEFINNISCHEN SPRACHEN

Paul Alvre

R e s ü m e e

Die grammatische Kategorie des Plurals hat sich in allen Sprachen bedeutend später herausgebildet als die Kategorie des Singulars. In den ostseefinnischen Sprachen ist das charakteristische Merkmal der Pluralbildung in den obliquen Kasus das i, das aus dem Suffix ja, jä (mit lokaler und kollektiver Bedeutung) der ostseefinnischen Grundsprache hervorgegangen ist. Als Ergebnis des Zusammenschlusses des Suffixes i und des Verbalstammes entsteht eine Gruppe von Wörtern, die im Plural den Stamm *mai- (mā "Erde") aufweisen. In der Regel bleibt in den ostseefinnischen Sprachen der Diphthong im Pluralstamm erhalten (eine Ausnahme bildet die livische Sprache). Von den jüngeren Pluralbildungstypen der einsilbigen Wörter sind vor allem folgende zu nennen: 1) Plural auf loi, lōi im Finnischen, Ishorischen und Karelistischen, 2) Plural auf si im Finnischen und Estnischen, 3) Plural auf de im Estnischen und Livischen, 4) Plural auf de im Estnischen, verbunden mit der Kontamination, 5) Plural auf je, das sich im Estnischen auf den Genitiv gründet. Weitere jüngere Pluralbildungstypen gibt es schon bei zwei- und mehrsilbigen Wörtern. Viele Varianten der Kasusendungen des Genitivs, Partitivs und Illativs stellen Ausnahmen von der Regel dar.

О ПРИЗНАКАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В КОСВЕННЫХ ПАДЕЖАХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Пауль Альтре

Р е з ю м е

Грамматическая категория множественного числа во всех языках является более поздним образованием чем категория единственного числа.

Для прибалтийско-финских косвенных падежей характерно употребление признака мн. числа i, который в прибалтийско-финском языке-основе развился из суффикса ja, jä с местным и собирательным значением. В результате присоединения признака i к глагольной основе появляется тип слов с основной мн. числа на *mai- (от слова ma 'земля').

В прибалтийско-финских языках дифтонг в основе мн. числа, как правило, продолжает сохраняться (исключение составляет лишь ливский язык). Из более поздних по происхождению типов мн. числа от односложных имен следует отметить прежде всего следующие: 1) мн. число на loi, löi в финском, ижорском и карельском языках, 2) мн. число на si в финском и эстонском языках, 3) мн. число на de в эстонском и ливском языках, 4) мн. число на de, осложненное контаминацией в эстонском языке, 5) мн. число на je, базирующееся на генитиве, в эстонском языке. Другие более поздние по образованию типы мн. числа наблюдаются лишь в двусложных и многосложных словах.

Многие варианты падежных окончаний генитива, партитива и иллатива представляют собой особые исключения из правила.

NOCHMAL VON SELTENEN ETHNONYMEN

Paul Ariste

Als ein kurzer Beitrag zu meinem Aufsatz über seltene Ethnonyme (Ariste, 1980) werden folgend noch einige eigenartige schmeichelnde, scherzhafte oder niederschätzige Ethnonyme dargestellt, die sich aus Ausrufs-, Empfindungs- oder Einschubwörtern entwickelt haben. Die entsprechenden Wörter hat der Unterzeichnete in Büchern gelesen oder im lebendigen Gespräch gehört.

Zunächst muß zum Erschienenen hinzugefügt werden, daß nicht nur im russischen Slang ein Este scherzweise кypaт heißt, sondern auch im Lettischen wird er kurrata genannt, da die estnischen Männer äußerst oft in ihrem Gespräch das Wort kurat 'Teufel' anwenden. Die lettische Entsprechung ist lautlich interessant, weil ihr die estnische stark emotionale Form kurrat zum Vorbild gewesen ist.

Die im Spätmittelalter aus Spanien und Portugal vertriebenen sefardischen Juden waren zahlreich im Osmanischen Reich. Ihre Umgangssprache war und ist teilweise auch jetzt eine aus dem Spanischen herstammende romanische Sprache, die Espaniol oder Ladino genannt wird. Im vorigen Jahrhundert war in der Türkei der Spitzname dieser Juden kekereş. Dieses Ethnonym war ursprünglich eine Bewahrheitung der langen Leiden der Juden unter der türkischen Herrschaft. Die einzige Abwehr der Juden gegen die angreifenden Türken war der spaniolische Ausruf: que quieres? 'was willst du?' (Vámbéry, 1876, 251). Da dieser Ausruf oft zu hören war, wurde er als ein jüdisches Charakteristikum wahrgenommen, womit man dieses Volk bezeichnen konnte.

Im großen Wörterbuch der russischen Sprache von Dal (Даль, 1955, I, 26) findet sich ein archaisches Wort асей, асейка 'Ausländer, besonders Engländer'. Dasselbst ist der Ausdruck auch richtig etymologisiert worden: aus dem englischen I say, was nach dem Verfasser 'ich spreche, sage' bedeuten soll. In der Wirklichkeit heißt es aber auch 'a coll. exclamation, indicative of surprise' oder 'an introductory interjection: a mere exclamation' (Partridge, 1953, 199 und 729). Der Ausdruck kann auch einfach 'hör!, hören Sie!' bedeuten.

Im zweiten Teil des Wörterbuchs von Dal (Даль, 1955, II, 209) findet sich ein anderes interessantes Ethnonym кyбa 'Tscheremissin'. M. Vasmer hat in seinem etymologischen Wörterbuch das Wort richtig etymologisiert (Васмер, 1967, 394): aus dem Bergmarischen kußo 'Schwiegermutter'. Das Wort ist allgemein marisch. In der Umgang- und Literatursprache heißt кyбa (-куба) 'Frau, Ehefrau, besonders eine ältere Frau', мапи-кyбa ist 'eine marische Frau'. Mit кyбa oder кyбаван werden ältere Frauen anständig angeredet. Da die Russen diese Anrede der Marier oft gehört hatten, wurde sie in der Form кyбa eine allgemeine Benennung der marischen Frauen. Den marischen bilabialen Engellaut β hat man im Russischen durch den bilabialen Verschlußlaut b ersetzt.

Der wissenschaftliche Mitarbeiter des Instituts für Sprache und Literatur an der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR in Tallinn Adölf Turkin hat dem Unterzeichneten mitgeteilt, daß in seinem Heimatdorf Aikino im Bezirk Ustj-Syssölsk der Komi ASSR Zigeuner чавалö genannt werden. Das Wörterbuch der Komi-Mundarten kennt das Wort nicht (Жилина..., 1961). Der junge Finnougrist Jevgeni Cypanin hat jedoch konstatiert, daß чавалö auch anderswo im Komilande einen Zigeuner bezeichnet. Dieser Spitzname stammt aus der Zigeunersprache, wo čhavo 'Sohn, junger Mann' ist; romano čhavo ist 'Zigeuner'. Ein Zigeuner kann andere Stammesverwandte (laut) mit dem Wort čhavale anreden oder anrufen. Der Vokativ mit der Endung -le wird vor allem dann gebraucht, wenn man sich an seinen Verwandten wendet. Da die Komi diese Anrede oft hörten, wurde sie als ein Kennzeichen der Zigeuner wahrgenommen und als ihr Ethnonym gebraucht. Es sei hier noch erwähnt, daß in der Komi-Sprache das Possessivsuffix für die erste Person im Singular -öй ist (вокоёй 'mein Bruder'). Der Nominativ mit dem Possessivsuffix wird allgemein als Vokativ gebraucht. Deshalb haben die Komi auch das zigeunerische Wort čhavale für einen Vokativ gehalten, wie A. Turkin es mir mitgeteilt hat.

Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR Viktor Maamägi, der aus einer estnischen Siedlung im früheren Petersburger Gouvernement stammt, hat dem Unterzeichneten erzählt, daß während des ersten Weltkrieges zahlreiche chinesische Hausierer im Russischen ходя und im Estnischen

hodja genannt wurden. Die chinesischen Hausierer sprachen stark kreolisiertes Russisch und haben anstatt Я ХОЖУ 'ich gehe, wandere' Я ХОДЯ gesagt. Dieser Ausdruck war für die Chinesen typisch und wurde als ihr Spitzname gebraucht.

Tallinn besuchen oft Ungarn, die meistens im Hotel "Viru" sich aufhalten. Die höflichen ungarischen Reisenden und Touristen, die kein Estnisch sprechen können, danken für die Bedienung im Ungarischen kössönöm 'ich danke'. Bald wurde das ungarische Höflichkeitswort im Estnischen als kössönöm für alle Ungarn gebraucht. Heutzutage ist kössönöm in Tallinn ziemlich verarbeitet: kes on see kössönöm? 'wer ist dieser Ungar?'; kössönömid tulevad '(die) Ungarn kommen'.

Der schwedische Finnougrist Björn Collinder hat in einem Gespräch dem Unterzeichneten im Jahre 1980 erzählt, daß in Schweden ein Finne sehr oft kolex genannt wird. Dieses Ethnonym stammt aus dem Finnischen Ausdruck kuuletkos? 'hörst du?'.

L I T E R A T U R

Ariste, P. Einige seltene Ethnonyme. - *Linguistica XIII*. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 544. Tartu, 1980, 3-6.

Partridge, E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Colloquialisms and Catch-phrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames, Vulgarisms and such Americanisms as have been naturalized. London, 1953.

Vamberg, H. Sittenbilder aus dem Morgenlande. Berlin, 1876, 251.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка I-II, Москва, 1955.

Жилина Т.И., Саханова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения А.А. Трубачева, II. Москва, 1967.

ДОПОЛНЕНИЯ К НЕКОТОРЫМ РЕДКИМ ЭТНОНИМАМ

Пауль Аристе

Резюме

В статье, опубликованной в XIII номере сборника "Linguistica" приведены данные о том, как часто употребляемые междометия, паразитические или уничижительные слова преобразуются в этнонимы в языке тех народов, которые пользовались этими словами. В настоящей статье приведены дополнительные данные о таких этнонимах. В датшском языке эстонец уничижительно называется kurrata < эстонского kurat 'черт'; в турецком языке сефардский еврей называется kekereş < эспаньолского que quieres? 'что хочешь?'; русское асей, асейка 'иностранец, англичанин' < английского I say 'я говорю, скажу'; русское куба 'марийка' < марийского куба 'баба, пожилая женщина'; коми-зырянское чавалё 'цыганин' < цыганского čhavale 'цыган'; русское диалектное ходя, эстонское hodja 'китаец' < креолизированного русского я ходя 'я хожу'; эстонское kõssõnõm 'венгр' < венгерского köszönöm 'спасибо'; шведское kolex 'финн' < финского kuu-letkos 'слышишь ли?'.

УДВОЕНИЕ В ЯЗЫКЕ АФРИКААНС

И. Б. Братусь

Под удвоением (редупликацией) принято понимать способ создания новых лексических единиц и словоформ, заключающийся в повторе исходного слова (полное удвоение) или его части (частичное удвоение). Как грамматическое средство удвоение не свойственно современным языкам германской группы*. Встречающиеся в них окказионально удвоенные образования представляют собой повторения отдельных слов с целью усиления экспрессивности, носят эмфатический характер и лежат за пределами слово- и формообразования (ср. англ. long long ago 'давным давно'; нидерл. naar een ver-ver land 'в далекую-далекую страну'); звукоподражательные повторы типа англ. choo-choo 'ту-ту', snip-snap 'вжик-вжик' находятся на периферии языковой системы.

В то же время в языке африкаанс** - самом "молодом" из германских языков - удвоение широко распространено и охватывает все основные части речи: существительное, глагол, прилагательное, числительное, наречие. Естественно, возникает вопрос о происхождении этого явления.

История языка африкаанс, сложившегося в XVII - XIX вв. на основе нидерландских диалектов, можно сказать, прошла на глазах современной лингвистической науки. Но несмотря на это среди лингвистов нет единства в вопросе о времени появления языка африкаанс как самостоятельного, отличного от нидерландского (De Voous, 1936; Kloeke, 1950). Это связано с тем, что африкаанс возник и долго существовал только в устно-разговорной форме наряду с нидерландским, обслуживавшим официальные сферы жизни. Литература на африкаанс начала появляться лишь во второй половине XIX века. Отсутствие до того времени письменных памятников в значительной мере осложняет установление того, когда и каким образом возникло удвоение, неизвестное в нидерландском.

* Известно, однако, что в готском существовал особый класс так называемых редуплицирующих глаголов, образовывавших формы претерита при помощи повтора части глагольного корня, т.е. путем частичного удвоения.

** Африкаанс является одним из двух, наряду с английским, официальных языков ЮАР.

В период формирования африкаанс испытывал влияние со стороны других языков, в частности малайского (Hesseling, 1923; Vosman, 1923), в котором удвоение представляет характерную особенность, являясь одним из важных способов словообразования (Gonda, 1950; Демидюк, 1969). Не исключено, что явление удвоения возникло в африкаанс именно под влиянием малайского, однако, чтобы обсуждать это предположение и проследить механизм возможного влияния, прежде необходимо выяснить значение и функции удвоения в африкаанс. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

В плане выражения африкаанс знает лишь один способ удвоения — полный повтор исходной единицы, которая представляет собой корневое или производное слово. Для определения роли удвоения в словообразовании естественно сопоставить исходные слова с удвоенными. Предварительные наблюдения показывают, что повтор может преобразовывать исходное слово в другую часть речи или оставлять принадлежность этого слова к определенной части речи неизменной. Эти два случая вместе с семантическими изменениями, возникающими в результате удвоения, мы и будем рассматривать при анализе материала*.

I. Удвоение существительных.

Слово-повтор, образованное удвоением существительного, обладает, по сравнению с неудвоенным, совершенно новыми синтаксическими свойствами, выступая в предложении в качестве обстоятельства.

Siena, plek-plek vat die graan al so aan my knie (AP, 188).

‘Сина, местами зерновые уже доходят мне до колена’ (plek ‘место’).

En stuk-stuk het die laatste jaar oor sy gedagteveld gerol (AP, 91).

‘Последний год по частям прокатился перед его мысленным взором’ (stuk ‘часть, кусок’).

Иными словами, удвоение существительного дает наречие (со значением места и способа действия).

Адвербиализацией, однако, не исчерпывается то новое, что появляется в слове в результате удвоения. Повтор влечет

* Материал почерпнут из произведений современных прозаиков ЮАР, пишущих на африкаанс, а также из толкового словаря языка африкаанс (см. “Список сокращений”).

за собой также семантическую модификацию. Удвоенное слово приобретает дополнительное значение разделительной множественности:

kol 'пятно'; kol-kol (AP, 195) 'пятнами, тут и там';
raar 'пара'; raar-raar (EL, 33) 'парами, попарно'.

В тех случаях, когда множественность уже выражена в исходном существительном при помощи форматива, удвоенное слово имеет дополнительное значение распределительности:

Hier gaan hul klompies-klompies op die hoogste
rotsputte angstig sit en rondkyk (AP, 115).

'И тут они небольшими группками сели на самые высокие вершины скал и пугливо осматривались по сторонам' (klomp 'группа', ie - деминутивный суффикс, s - окончание множественного числа).

Насколько позволяет судить имеющийся материал, лишь ограниченное количество существительных подвергается удвоению. При этом часть слов-повторов фиксируется толковым словарем (AW), а часть - нет. Поэтому вопрос о том, относятся ли повторы существительных к воспроизводимой лексике или создаются в процессе речи, и в связи с этим вопрос о продуктивности удвоения существительных как словообразовательном средстве остается неясным и требует дальнейшего исследования.

2. Удвоение глаголов.

Для глагола в африкаанс характерно отсутствие показателей лица и числа, так что инфинитив и презенс совпадают в одной форме. Именно эта форма и способна подвергаться удвоению.

а) В результате удвоения глагола возникают обстоятельно-процессуальные слова, носящие двойственный характер. По своим синтаксическим функциям они, подобно обстоятельным наречиям, определяют в предложении сказуемое. С другой стороны, эти слова семантически тесно связаны с исходными глаголами и обозначают второстепенное действие, сопутствующее основному, выраженному сказуемым.

Hu is wakker en voel-voel soek hy na die baadjie (AP, 163).

'Он проснулся и ощупью искал рубашку' (voel 'ощупывать, чувствовать').

Spring-spring klouter Kees teen die krans op (AP, 112).

'Прыжками Кейс забрался на скалу' (spring 'прыгать').

Таким образом, в обстоятельно-процессуальных словах, образованных путем удвоения глагола, совмещаются при-

наки глагола и наречия. Поскольку кроме специфически лексического значения они не сохраняют каких-либо глагольных черт, есть основание квалифицировать их как особый тип отглагольных наречий, характеризующих протекание процесса.

Отглагольные наречия имеют ряд дополнительных значений, связанных с удвоением как "иконическим" средством. Наиболее четко выраженным оказывается значение многократности, проявляющееся при удвоении как глаголов действия, так и глаголов состояния. Менее четко выражено значение длительности.

Ek was bang dat jy in gevaar is. Jy het so snaaks omkyk-omkyk gehardloop (FL, 95).

'Я боялся, что ты в опасности. Ты так странно бежал, все время оглядываясь' (omkyk 'оглядываться').

Hulle het staan-staan geloop en redeneer (AP, 59).

'Они шли и рассуждали, то и дело останавливаясь' (staan 'стоять').

Dan druk hy alweer die blaasbalk se koue asem onder die gloeiende kole in dat vlamtonge wankel-wankel omhoogsteier (AP, 96).

'Потом он снова направил холодное дыхание мехов на раскаленные угли, так что языки пламени, колеблясь, поднимались вверх' (wankel 'колебаться, шататься').

Отглагольные наречия могут приобретать переносное значение, теряя при этом непосредственную связь с выражением действия. В таких случаях они фиксируются толковым словом:

speel 'играть'; speel-speel 'играючи, легко';
kruip 'ползти'; kruip-kruip 'ползком, тайно, скрытно'.

В остальных случаях отглагольные наречия, как правило, не находят отражения в словаре (ср. сходное положение с деепричастиями в русском языке).

Исходные глаголы, преобразуемые удвоением в наречия, принадлежат к самым разнообразным лексико-грамматическим группам: sit 'сидеть', vlieg 'летать', skaam 'стыдиться', mank 'хромать', srog 'важничать', vloek 'ругаться', dryf 'дрейфовать'. Лишь глаголы, передающие действие, направленное на объект, и сочетающиеся с прямым дополнением, не образуют наречий путем удвоения. Поэтому единственным ограничением возможности повтора является, по-видимому, переходность.

б) Повтор может оставлять неизменной категориальную

принадлежность исходного глагола. В этом случае получившийся удвоенный глагол сохраняет свои грамматические функции и выступает в предложении в роли сказуемого. Его отличие от исходного сводится к появлению дополнительного значения многократности. Иначе говоря, совершаемое действие представлено как складывающееся из отдельных повторяющихся актов. В отличие от а) здесь возможно удвоение переходных глаголов, тогда как глаголы состояния не образуют удвоенных форм.

Saggies drup-drup die water van sy rarnat
klere af (AP, 170).

'Вода медленно капает с его насквозь промокшей одежды' (drup 'капать').

Nul kloue krap-krap teen die boomstam (AP, 115).
'Их когти царапают ствол дерева' (krap 'царапать').

Die kat-oë is wyd oop, die ore gespits, en gedurig
snuif-snuif hy die lug (AP, 113).

'Глаза у кошки широко раскрыты, уши торчком и она все время обнюхивает воздух' (snuif 'нюхать').

Таким образом, удвоенные формы глаголов указывают на количественную характеристику обозначаемого действия.

3. Удвоение прилагательных и наречий.

Словарные формы качественных прилагательных и наречий в африкаанс совпадают: gou 'быстрый, быстро'; kort 'короткий, коротко'; vroeg 'ранний, рано'. Поэтому при удвоении установить принадлежность исходного слова к той или иной части речи не представляется возможным – она проявляется лишь на синтаксическом уровне.

Результатом удвоения прилагательного/наречия является наречие образа действия или времени.

...begin hy styf-styf rondstap – so styf dat selfs sy
voorpote nie die minste buig nie (AP, 120).

'... он стал ступать очень скованно, так скованно, что даже его передние лапы нисколько не сгибались' (styf 'скованный, негибкий').

Hulle sukkel die lewe om en sterwe in armoede as die
see hulle nie vroeg-vroeg insluk nie (AP, 92).

'Они тащились по жизни и умирали в нищете, если море не проглатывало их слишком рано'.

Elkeen besef dat die vinnig neersakkende donker die
laatste vonkie hoop gou-gou sal uitblus (AP, 86).

'Каждый понимал, что быстро надвигающаяся темнота очень скоро погасит последнюю искру надежды'.

Из примеров видно, что удвоение слов, обозначающих качество, имеет значение усиления степени этого качества. Повторы рассматриваемого типа синонимичны сочетаниям исходных слов со словами, указывающими на увеличенную интенсивность: baie, erg, seer 'очень, чрезвычайно'.

В отдельных случаях удвоенные наречия переосмысляются, приобретая новое лексическое значение:

Kort-kort kyk hy leegte se kant toe (AP, 189).

'То и дело (через короткие промежутки времени) он смотрел в сторону ложбины'.

4. Удвоение числительных.

Примеры повтора количественных числительных немногочисленны. Удвоением числительных образуются наречия образа действия с распределительным значением.

Aanpak kan julle, ja, maar kom een-een dan sal ek jou 'n ding wys (AP, 82).

'Нападать все вместе вы умеете, конечно, а подходите-ка по одному, тогда я вам покажу' (een 'один').

Вероятно, возможности удвоения числительных весьма ограничены.

Подводя итог, следует заметить, что удвоение в языке африкаанс, как правило, изменяет категориальное значение исходного слова, превращая его в наречие. Таким образом, удвоение выполняет транспонирующую функцию. Вместе с тем удвоенные формы обладают по сравнению с неудвоенными рядом дополнительных значений, которые, выражая общую идею количества и меры, реализуются для различных исходных частей речи по-разному: для существительных - как разделительная множественность, для глаголов - как многократность или длительность, для прилагательных и наречий - как усиление качественного признака, для числительных - как распределительность. По своим функциям и значению удвоение сравнимо с аффиксацией и должно рассматриваться как один из способов словообразования.

Л и т е р а т у р а

- Демидюк Л.Н. Удвоение в современном индонезийском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
- Bosman, D.B. Oor die ontstaan van Afrikaans. Amsterdam, 1923.
- De Vooys, C.G.N. Geschiedenis van de Nederlandse taal in hoofdstukken geschetst. 2-e druk. Groningen-Batavia, 1936, p. 200 - 207.

- Gonda, J. The Function of Word Duplication in Indonesian Languages. - *Lingua*, 1950, vol. 2, N 2.
- Hesseling, D.C. Het Afrikaans. Leiden, 1923.
- Kloeke, G.G. Herkomst en groei van het Afrikaans. Leiden, 1950.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

- AP - Afrikaans verhalend proza. Amsterdam-Brüssel, 1953.
- AW - Terblanche, H.J., Odendaal, J.J. Afrikaanse woordeboek. Johannesburg, 1966. (1396 c.)
- EL - Leroux, E. Sewe dae by die Silbersteins. Kaapstad-Pretoria, 1978.
- FL - Linde, F. Die Rooi Haan. Kaapstad, 1968.
- KS - Schoeman, K. By fakkellig. Kaapstad-Pretoria, 1977.

REDUPLICATION IN AFRIKAANS

Igor B.Bratus

S u m m a r y

Afrikaans, one of the official languages of the Republic of South Africa, is the youngest Germanic language. It is closely allied to Dutch, from which it developed in the course of the last three centuries.

The paper presents a discription of meaning and functions of reduplication in Afrikaans. The analysis suggests the following conclusions: being a widely used method of wordbuilding reduplication, as a rule, transposes the primary word (a noun, a verb, an adjective) to an adverb; depending on what part of speech the primary word belongs to, the reduplicative words gain various additional meanings (plurality, frequentativity or durativity, intensity) which are connected with the general idea of measure and quantity.

О ДВУЯЗЫЧИИ В КАНАДЕ /2/: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КВЕБЕКЕ

Тифу Каганова

Квебек является не просто одной из десяти провинций Канады. Отличие Квебека от остальных провинций представляет интерес для лингвиста, поскольку оно основано на языке и культуре, предопределяющих его своеобразие. Известно, что в сохранении и развитии культуры того или иного общества значимость языка велика. И Квебек не составляет в этом отношении исключения.

Осознание Квебека как провинции, отличающейся от других, относится к началу 60-ых годов. С того времени франкоязычные жители Квебека начинают рассматривать себя не как меньшинство Канады, а как большинство Квебека. Канадский социолингвист, профессор университета Британской Колумбии Бернар Сен-Жак раскрывает основополагающую силу этого нового движения. Он отмечает, что основным элементом, поддерживающим, оживляющим и объединяющим это новое общество, эту новую квебекскую нацию, является его язык. Язык, который не только отражает обновление культуры этого общества, но является основным условием его существования. По мнению Б.Сен-Жака господство английского языка в Квебеке означало бы конец самобытности этой провинции, самобытности, основывающейся на характерной для нее культуре, которая не может сохраняться и развиваться без своего языка (Saint-Jacques, 1976, 60).

Следовательно, судьба Квебека как самобытной провинции Канады зависит от способности его жителей сохранять французский язык, несмотря на все увеличивающуюся тенденцию к усилению влияния английского языка на всей территории Канады. Б.Сен-Жак раскрывает в своем исследовании причины этого явления в Квебеке, провинции с преимущественно франкоязычным населением, и приводит свои соображения относительно улучшения положения французского языка, к рассмотрению которых мы и переходим.

Квебек всегда придавал большое значение численности своего населения, в первую очередь по сравнению с соседней англоязычной провинцией Онтарио. Как показывают результаты переписи, население Квебека в последний раз превышало насе-

ление Онтарио в 1851 г., и, начиная с того времени, разрыв достигает все увеличивающихся размеров в пользу англоязычного Онтарио. Р. Арес дает следующие данные переписи населения /приводятся по Saint-Jacques, 1976, 61).

Таблица I

Население Онтарио и Квебека и разница между ними

	<u>Онтарио</u>	<u>Квебек</u>	<u>Разница</u>
1931	3 431 683	2 874 662	557 021
1941	3 787 655	3 331 882	455 773
1951	4 597 542	4 055 681	541 861
1961	6 236 092	5 259 211	976 881
1971	7 710 106	6 027 764	1 675 342

Как видно из таблицы, темпы увеличения разрыва между населением Онтарио и Квебека заметно возросли начиная с 1951 г. Б.Сен-Жак приводит в дополнение данные Статистического центра Канады на 1974 г. Оказывается, что население Онтарио достигло численности 8 143 000, которой Квебек отвечает цифрой 6 153 000, что означает разницу в 1 990 000. Приведенные цифры показывают, что в 1971-1974 гг. пропорция разрыва между населением упомянутых провинций возросла в три раза по сравнению с разрывом в 1961-1971 гг. Причины такого большого разрыва следующие:

1/ Резкое уменьшение рождаемости в Квебеке. Так, коэффициент рождаемости на тысячу жителей упал с 28,8 в 1958 г. на 15,2 в 1971 г., что означает уменьшение на 13,6. Квебек занимает по рождаемости одно из последних мест среди канадских провинций, и его естественный прирост населения скоро может достигнуть нуля.

2/ Возрастание населения за счет иммиграции также не обнадеживает. Онтарио принимает ежегодно более половины иммигрантов, прибывающих в Канаду, в то время как Квебек принял в 1971 г. лишь 19 222 иммигранта, что составляет 15,7 % от их общего числа.

3/ В миграции населения Квебека преобладает эмиграция. Так, например, в 1970 г. 57 000 жителей Квебека покинуло эту провинцию в противовес 23 000 прибывшим иммигрантам.

Но больше чем общее уменьшение населения Квебека беспокоит канадских ученых языковая характеристика жителей Квебека, так как процентное соотношение франкофонов уменьшает-

ся постоянно, начиная с 1951 г. Данные Р. Арэс /приводятся по Saint-Jacques, 1976, 62) дают следующую картину:

Таблица 2

Франкоязычное население Квебека /лица, называвшие родным языком французский/

	<u>Количество</u>	<u>Процентное соотношение</u>
1951	3 347 030	82,5 %
1961	4 269 689	81,2 %
1971	4 667 250	80,7 %

Для сохранения этих 80 %, отмечает Р. Арэс, необходимо, чтобы в число франкоязычных вошло большинство, если не все из тех 371 329 жителей Квебека, которые во время переписи 1971 г. заявили, что их родным языком не является ни французский, ни английский. Для выявления сущности языковой ситуации Б.Сен-Жак сравнивает показатель родного языка с показателем языка, на котором чаще всего говорят дома (Saint-Jacques, 1976, 62). Последний показатель был впервые введен в переписи 1971 г.

Таблица 3

Данные по округу Монреаль

	<u>Родной язык</u>		<u>Язык, на котором говорят дома</u>	
	<u>Число жителей</u>	<u>Процентное соотношение</u>	<u>Число жителей</u>	<u>Процентное соотношение</u>
Общее	2 187 155		2 187 155	
Англо-язычные	494 950	22,6 %	572 675	26,2 %
Франко-язычные	1 382 320	63,2 %	1 383 785	63,3 %
Остальные		14,2 %		10,5 %

Приведенная таблица вызывает целый ряд комментариев. Прежде всего, 77 725 жителей Квебека, родным языком которых не является английский, заявили, что говорят дома чаще всего по-английски. Этой цифре противопоставляется 1 465 жителей Квебека, родным языком которых не является французский, но которые используют этот язык в качестве средства общения дома. Следовательно, к англоязычному населению округа Монреаль добавилось 3,6 %, в то время как сильно преобладающее франкоязычное население ассимилировало лишь 0,1 % "остальных". Количество "остальных", ассимилированных англоязычной

группой, можно еще увеличить за счет престижа английского языка как языка работы и языка экономики в округе Монреаль. Б.Сен-Жак приводит некоторые вопиющие факты насчет ответа на вопрос о языке, чаще всего используемого дома. Ему лично приходилось быть свидетелем факта, когда многие представители разных этнических групп заявили, что они используют дома в качестве средства общения свой родной язык, в то время как с трудом могли объясняться на нем. Другие заявили, что поняли вопрос не очень хорошо, то есть, что их родители и дедушка с бабушкой говорили дома на родном языке, но они нет. Определенная группа высказывалась в пользу родного языка, как языка, используемого дома, из-за национальной гордости. Приведенные факты достаточно проясняют существующую тенденцию: группа "остальных" по существу ассимилирована англоязычной группой, представляющей собой языковое меньшинство в Квебеке. Б.Сен-Жак предсказывает с уверенностью, что большинство из 10,5 % группы "остальных", заявивших, что используют дома чаще всего свой родной язык, уже стало англоязычным на уровне языка работы, и что полная ассимиляция англоязычной средой произойдет через одно или два поколения (Saint-Jacques, 1976, 63). Таким образом, сила ассимиляции франкоязычной группы является практически равной нулю. В масштабах провинции в целом, где процентное соотношение англоязычного населения, согласно родному языку, уменьшается до 13 % /22,6 % в округе Монреаль/ и процентное соотношение франкоязычного населения согласно этому же критерию поднимается до 80 % /63 % в округе Монреаль/, контраст между силой ассимиляции двух языковых групп является еще более резким.

Приходится согласиться, что ситуация, в которой меньшинство, составляющее немногим более 10 %, обладает притягивающей и ассимилирующей силой, превышающей силу 80 % большинства, является не просто ненормальной, но обеспокоивающей с точки зрения будущего языка этого большинства. Изучив тщательно округ Монреаль, где концентрируется большинство иммигрантов, прибывающих в Квебек и где процентное соотношение франкоязычного населения постоянно уменьшается начиная с 1951 г., Б.Сен-Жак опасается, как бы самый большой французский город Квебека и второй по величине франкоязычный город в мире не оказался в один прекрасный день городом с франкоязычным меньшинством.

Подытоживая причины слабости позиции французского язы-

ка в Квебеке, Б.Сен-Жак перечисляет такие уже названные факторы, как уменьшение рождаемости, слабый приток иммигрантов, сила ассимиляции англоязычной группы, но заключает, что не в них заключается основная причина слабости позиции французского языка в Квебеке. По его мнению даже повышение рождаемости и усиление притока франкоязычных иммигрантов в Квебек не решили бы проблемы.

Б.Сен-Жак видит главную причину слабости позиции французского языка в Квебеке в характере билингвизма, одержавшего верх в этой провинции /Saint-Jacques, 1976, 64/. Но в настоящее время об этом явлении следует говорить уже в прошедшем времени, поскольку претворение в жизнь двух законов, изданных провинциальным правительством в 1974 и 1977 гг. в целях урегулирования языковых проблем в Квебеке, многое изменило, хотя знать существовавшее положение необходимо для понимания сущности дела. По мнению Ализон д'Англежан, другого известного канадского социолингвиста, профессора Монреальского университета, билингвизм в Квебеке был "улицей с односторонним движением" /d'Anglejan, 1979, 55/. Ведь до недавнего времени французским языком пользовались в основном лишь франкофоны, и даже у них этот язык часто уступал первенство английскому, поскольку в Монреале французский язык как язык работы был как бы второстепенным, по сравнению с английским. Из-за значения английского языка на рынке труда большинство франкоязычных билингвов предпочитало использовать на работе скорее английский язык или оба языка, чем только родной французский язык. Следовательно, для большинства франкоязычных в ситуации билингвизма языковые условия на работе, как и требования к ежедневному использованию языков были таковы, что родной язык мог быть вытеснен английским как предпочтительным средством коммуникации. Следует отметить, что франкоязычному работнику труднее было подняться по служебной лестнице, чем англоязычному, так как от первого требовали двуязычия, в то время как в отношении второго обычно довольствовались одноязычием. Так у франкофонов развилось представление об английском языке как о подразумеваемом условии труда. По этой причине легко понять, почему иммигранты в Квебеке ассимилировались с англоязычной группой.

Как бы это ни казалось парадоксальным, билингвизм в Квебеке, в провинции с франкоязычным большинством, благоприятствовал распространению английского языка и ставил француз-

ский язык в неблагоприятные условия. Для того, чтобы жить в Квебеке, можно было вполне обойтись без французского языка. Специальная комиссия, которую называют по фамилии ее президента Комиссией Жандрона, изучившая положение французского языка в Квебеке, установила, что большинство англоязычного населения Квебека находилось при удовлетворении любых практических потребностей в ситуации одноязычия. В Квебеке имела двойная сеть учреждений и служб, которые позволили организовать всю жизнь посредством английского языка. "Идет ли речь о законодательстве, юриспруденции, образовании или здравоохранении; о средствах массовой коммуникации и развлечений /газеты, журналы, радио, телевидение, и т.д./; о культуре или даже об административной деятельности /поскольку провинциальное правительство обращается к гражданам как по-английски, так и по-французски/; о частных учреждениях, таких как банки или даже некоторые виды торговли, англофоны обладают определенной социальной автономией, дающей ключ к широкой языковой независимости, которой они пользуются в Квебеке" /Gendron, Livre I, 1972, 139/.

Б.Сен-Жак подчеркивает, что результатом такой ситуации является не равноправие двух языков в ежедневной жизни, а превосходство и неоспоримые преимущества в сфере труда и экономики английского языка, языка меньшинства. В итоге знание французского языка не являлось необходимым для того, чтобы жить в Квебеке. Знание английского языка оказывалось более полезным /Saint-Jacques, 1976, 64/. На рынке труда в Квебеке французский язык выступал как менее полноценный.

Б.Сен-Жак приходит к заключению, что когда язык какого-либо общества больше не используется как средство коммуникации в самой важной сфере деятельности этого общества, то есть, в сфере труда и производства, его значение как языка культуры уменьшается. Язык, использование которого ограничивается семейной сферой и сферой развлечений, играет второстепенную роль, он не имеет уже никакой ассимилирующей силы, и даже его существование находится под угрозой /Saint-Jacques, 1976, 65/. Именно так обстояло дело с французским языком в Квебеке, где он начиная с 1951 г. постепенно терял свои позиции.

Рассматривая пути улучшения положения французского языка, Б.Сен-Жак сразу же отбрасывает школу. Изучив франкоязычные меньшинства, как и другие этнические группы, вне Квебека, он установил бессилие школы перед социальными и эконо-

мическими факторами. Так же обстоит дело и в Квебеке. Ученики не будут прилагать старания к изучению французского языка, если вне школы, в округе Монреаль, например, необходимо говорить на работе по-английски и владеть этим языком в совершенстве, чтобы продвигаться дальше по служебной лестнице. Ведь между изучением языка и возможностями его использования в будущем существует очень тесная связь. Изучить язык еще недостаточно, надо, чтобы им можно было пользоваться. И именно в процессе работы имеет место пользование языком, и повышение уровня владения им.

Следовательно, важнее всего, чтобы французский язык стал в Квебеке главным языком общения на работе. Б. Сен-Жак считает, что именно в этой сфере следует разорвать круг билингвизма /Saint-Jacques, 1976, 66/. Это и было сделано законом 1974 г., изданным провинциальным правительством Квебека. Оно не ограничилось декларацией, объявляющей французский язык официальным языком Квебека, а провозгласило его рабочим языком на всех уровнях коммерческой деятельности и промышленности. Например, для получения диплома специалисты должны были отныне продемонстрировать свое умение пользоваться французским языком при выполнении работы. Закон потребовал от фирм свидетельств "офранцузивания", которые выдавались на основе нескольких критериев, таких как использование французского языка в качестве рабочего, наличие франкофонов в правлении, составление всех письменных инструкций для персонала на французском языке. Таким образом, активное владение французским языком становилось действительно жизненной необходимостью для любого человека, живущего в Квебеке.

Разрешило ли внедрение названного закона языковые проблемы в Квебеке? Можно утверждать, что позиции французского языка в этой провинции укрепились, но, с другой стороны, этот закон повлек новую серьезную проблему, изучением которой занималась, в частности, А. д'Англежан. /d'Anglejan, 1979./. Речь идет о языке обучения. Если до 1974 г. все жители Квебека могли свободно выбирать язык обучения своих детей, то закон 1974 г. ограничил доступ к получению образования на английском языке. В школу с английским языком обучения могли отныне поступать только дети, уже достаточно владеющие языком. Все остальные дети, каким бы ни был их родной язык, должны были поступать во французские школы. Это означало, что школа с английским языком обучения практически стала не-

доступной для детей иммигрантов из неанглоязычных стран или для детей франкоязычных канадцев, если только они не владели уже в достаточной степени английским языком. Тем самым правительство Квебека хотело уменьшить вероятность ассимиляции иммигрантов англоязычной группой. Закон содержал множество неясностей, как, например, использование языкового теста для определения степени владения английским языком у детей, что было осуждено преподавателями и обществом в целом. Осуществление закона 1974 г. крайне осложнялось отказом школьных властей заниматься тестированием детей.

Но закон 1977 г. еще более ограничил доступ в английские школы. Согласно этому закону, к образованию на английском языке допускаются лишь три группы детей: а/ дети, у которых хотя бы один из родителей получил свое начальное образование в Квебеке на английском языке; б/ дети, отец или мать которых получил свое начальное образование на английском языке вне Квебека, но которые во время издания закона жили в Квебеке, и в/ дети, которые уже посещали английскую школу, а также их младшие братья и сестры. Следует отметить, что в законе нет специального положения насчет англоязычных переселенцев из других провинций Канады. Следовательно, такие люди должны посылать своих детей во франкоязычные школы.

На примере ситуации в Квебеке наглядно видно безуспешность попыток решения языковых проблем многонационального общества в условиях капиталистического строя. В этой связи уместно вспомнить ленинское положение о государственном языке. Известно, какой жестокой критике подвергал В. И. Ленин тех, кто ратовал за объявление русского языка государственным. В статье "Нужен ли обязательный государственный язык?" В. И. Ленин, отвечая либералам, писал: "Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского - велик и могуч... И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку."

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о "культуре" вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием" /Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 294-295/. "Вот почему, - подчеркивает в той же работе В. И. Ленин, - русские марксисты говорят, что необходимо: - отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школ с преподаванием на всех местных языках..." /Там же, с. 295/.

Л и т е р а т у р а

Ленин В. И. Полное собрание сочинений.

Anglejan, A. French in Quebec. - Journal of Communication, 1979, vol. 29, No. 2, 54-63.

Gendron, J.-D. (président). Livre 1: La langue de travail (Rapport de la Commission d'enquête sur la situation de la langue française au Québec). - Québec: Editeur officiel du Québec, 1972.

Saint-Jacques, B. Aspects sociolinguistiques du bilinguisme canadien. - Québec: Centre international de recherche sur le bilinguisme, 1976.

BILINGUISME AU CANADA (2): SITUATION LINGUISTIQUE AU QUEBEC

Титл Kaganova

R é s u m é

Cet article est consacré à l'étude des problèmes linguistiques au Québec, province à majorité francophone qui doit son identité à sa culture d'origine française ne pouvant se maintenir et s'épanouir sans sa langue. Mais le régime de bilinguisme, favorisant l'anglais et défavorisant le français, y a créé l'insécurité linguistique. En 1974 le gouvernement du Québec a déclaré que le français serait la langue officielle au Québec. Cette loi mérite d'être louée comme un facteur pouvant favoriser l'épanouissement du français au Québec, car elle crée déjà une certaine nécessité d'apprendre le français pour quiconque veut s'établir et demeurer au Québec. Mais les articles de cette loi aussi bien que de la loi de 1977 portant sur la langue de l'enseignement sont particulièrement vulnérables.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Карл Лепа

Одним из основных направлений фразеологических исследований последних лет стало изучение функциональных свойств разных видов устойчивых словесных комплексов /УСК/ в текстах разных функциональных стилей и их жанровых разновидностей /Сегалюева, 1980, 93/. Несомненный интерес в этом отношении представляют и художественно-публицистические тексты, стилистические особенности которых пока мало изучены. Целью данной статьи является выяснение основных черт жанровой специфики использования УСК в произведениях художественной публицистики политической направленности, выявление связи использования разных типов УСК с политической тематикой текстов, а также определение индивидуально-стилистических особенностей разных авторов. Материалом исследования послужили публицистические работы Й.Р. Бехера, Е.Е. Киша, К. Тухольского и А. Абуша в объеме по 40 000 словоупотреблений каждый.

Как известно, характерной чертой художественной публицистики является оперативность и документальность, с одной стороны, и элементы художественного описания, с другой /Рахимов, 1980, 4/. Автор не только описывает объективную действительность, но вместе с тем выражает и свое личное, партийное отношение к объекту описания, оценивая его, используя при этом разные способы образно-эстетического отображения действительности и эстетического воздействия на читателя /Рахимов, 1980, 5/. В выражении трех основных черт публицистического произведения – достоверности, публицистичности и художественности – вместе с другими средствами языка активно участвуют и разные группы УСК.

Частотность разных разрядов УСК у анализируемых авторов показывает следующая таблица:

Автор	Фразеологические УСК				Итого	Нефразеологические УСК			
	ФЕ	из ПСС	них УС	ФВ		АК	ФШ	ЛЕ	Итого
Бехер	345	77	1	41	386	179	21	53	253
Киш	170	40	-	12	182	102	11	10	123
Ту- холь- ский	243	39	7	39	282	90	12	6	107
Абуш	172	36	2	5	177	80	24	130	234

/ФЕ - фразеологические единицы, ПСС - парные сочетания слов, УС - устойчивые сравнения, ФВ - фразеологические выражения, АК - аналитические конструкции, ФШ - фразеоматрены, ЛЕ - лексические единства/.

Сравнивая приведенные здесь результаты с соответствующими данными по использованию УСК в текстах художественной литературы и газеты /Černyševa, 1980, 106 - III, 126 - 128/, можно прийти к заключению, что художественная публицистика занимает среднее положение между художественной литературой и языком газеты. К художественной литературе ее приближает относительно высокая частотность фразеологических УСК, их перевес перед нефразеологическими УСК. Это, безусловно, связано с такими характерными чертами публицистики, как художественность, выражение автором оценки описываемого. С другой стороны, к языку газеты художественную публицистику приближает более частое, чем в художественной литературе, употребление нефразеологических УСК. Это, наверно, можно объяснить тем, что публицистика как актуальная реакция на разные события общественной жизни предполагает использование "готовых речевых формул", какими являются нефразеологические УСК.

Рассмотрим теперь основные функциональные особенности главных групп УСК и их зависимость от политической тематики исследуемых текстов.

Численно самую большую группу среди всех видов УСК в публицистике образуют фразеологические единства. Выполняя в языке в первую очередь не столько номинативную, сколько номинативно-экспрессивную, оценочную функцию, они являются одним из важнейших лексических средств выражения оценки изображаемого со стороны автора, выделения каких-то моментов изображаемой действительности, индуцирования данной оценки и у читателя. При этом преобладает негативная оценка: фразеологизмы чаще всего используются для разоблачения сущности политического /классового/ противника, критики социальных не-

порядков. Очень часто при помощи фразеологизмов в политической публицистике выражается ироническое, сатирическое отношение к объекту критики, который показывается во всей его смехотворности. Реже фразеологизмы используются для выражения положительной оценки /примером может служить описание мужества и стойкости Г. Димитрова в произведениях Й.Р. Бехера и А. Абуша/, а также для оформления политического призыва /также более часто у Бехера и Абуша, что, видимо, связано с общей направленностью их публицистики – борьбой против фашизма/. Для создания актуальных связей оценки к конкретному лицу или объекту часто используются разные окказиональные изменения компонентного состава ФЕ.

Относительно высокой частотностью отличаются и парные сочетания слов – структурная подгруппа ФЕ. Особенно типичными они являются для индивидуального стиля Э.Э. Киша и Й.Р. Бехера. В творчестве последнего они нередко занимают ключевую смысловую позицию. Это проявляется в частой встречаемости некоторых парных сочетаний слов, выражающие центральные для публицистики данного периода автора понятия: *Scham und Schande*, *Schande und Schmach*, *Scham und Zorn*. Каждое из них повторяется неоднократно в разных работах и призвано пробуждать у немецкого читателя периода второй мировой войны чувство стыда за существующие в Германии порядки, причастности к преступлениям нацистов. При описании упадка немецкого народа в результате правления Гитлера нередко встречается сочетание слов *Sterben und Darben*. Призыв к изменению положения дел в Германии сопровождается с апелляцией к *Fühlen und Denken*. Все эти парные сочетания слов выполняют задачу экспрессивно-эмоционального выделения центральной идеи писателя, влияния на чувства читателя, а через них и на его мировоззрение.

Фразеологические выражения – пословицы, поговорки, различные междометные и модальные выражения – наиболее часты в произведениях К. Тухольского и Й.Р. Бехера. Для первого характерно использование междометных и модальных выражений для усиления эмоционального воздействия изображаемого и авторских рассуждений на читателя, при этом нередко усиливается иронический эффект. Бехер, напротив, часто использует слоганы и крылатые выражения из словарного запаса фашистской идеологии, а также злоупотребленные ею пословицы /напр. *Alles für das Volk*, *Einstehen für Deutschland*, *gedeckter Volkstisch*, *Gemeinnutz geht vor Eigennutz*/ для разоблачения жи-

ности этой идеологии. Для этой цели данные выражения сопровождаются анализом подлинного положения дел в Германии, не соответствующего, а часто и прямо противоположного тому содержанию, которое этим выражениям дали фашисты. Так как пословицы, как известно, являются продуктом жизненного опыта народа, выражением народной мудрости, они всеми авторами используются для придавания большей категоричности своим оценкам путем опирания на данный жизненный опыт; одновременно достигается и большая народность изложения.

Полемический характер публицистики предполагает во многих случаях критику точек зрения других авторов. Для этой цели иногда требуется приведение их цитат, которые используются как исходный пункт своей аргументации, полемики против цитируемых взглядов. При этом нередки случаи, когда в таких цитатах встречаются фразеологизмы, выражающие оценку каких-то событий или личностей автором цитаты и выполняющие задачу создать у читателя определенное эмоциональное отношение к изображаемому. Автором публицистического произведения такой фразеологизм может повторяться, обыгрываться, чтобы раскрыть несостоятельность этой оценки, показать, что использование данного фразеологизма в данном контексте является манипуляцией читателя.

Использование нефразеологических УСК также весьма характерно для художественной публицистики. Здесь наблюдается довольно четкая зависимость использования определенных УСК от конкретного содержания произведения. Так, в описаниях ужасов войны, ответственности немцев, мечты немецкого народа о мире встречаются выражения *in Schrecken versetzen*, *in Mitleidenschaft ziehen*; *Verantwortung tragen*, *Antwort stehen*; *Schluß machen*, *ein Ende machen*, *ein Ende setzen*, *ein Ende nehmen*, *zu Ende gehen*; призыв к сопротивлению фашистским главарям сопровождается выражениями *sich zum Kampf stellen*, *sich zur Wehr setzen*. Но в рамках художественной публицистики данные единицы языка могут выполнять и выразительную, художественную функцию. Примером этого может служить "Protest gegen eine Verurteilung" Э.Э. Кипша, где часто встречающиеся аналитические глагольные конструкции /вместе с другими элементами канцелярного стиля/ передают атмосферу безвыходности положения человека, попавшего в ловушку бюрократической полицейской машины.

Сильными индивидуально-авторскими различиями отличается использование лексических единств. Это, как можно пред-

положить, непосредственно связано с конкретным содержанием и назначением публицистических работ разных авторов. Так, работы А. Абуша непосредственно включаются в политические дискуссии первой половины 30-х годов, анализируют деятельность определенных политических партий и группировок, что требует и частого их названия. Нередко он использует и терминологические словосочетания /как *die Diktatur des Proletariats*, *proletarischer Internationalismus*/. Иной характер использования лексических единств наблюдается у И.Р.Бехера. Число разных единств у него невелико /всего 8/, но некоторые из них отличаются высокой частотностью. Так, в нескольких работах, посвященных героической борьбе Советской Армии, словосочетание *Rote Armee* встречается 34 раза. При этом автор избегает прономинализации данного словосочетания или синонимических возможностей выражения. Такой лексический повтор, видимо, служит достижению определенной торжественности.

Л и т е р а т у р а

Рахимов Х. Лингвостилистическая характеристика прогрессивного художественно-публицистического репортажа как типа текста. Автореф. канд. дисс. М., 1980. - 22 с.

Cernyševa I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. М.: Vyssaja škola, 1980. - 144 S.

EINIGE BESONDERHEITEN DES GEBRAUCHS FESTER WORTKOMPLEXE IN DER DEUTSCHEN POLITISCHEN PUBLIZISTIK

Karl Lepa

R e s ü m e e

Die Publizistik nimmt hinsichtlich des gebrauches fester Wortkomplexe eine Stellung zwischen der schöngeistigen Literatur und der Sprache der Zeitung ein, hier funktionieren aktiv sowohl nichtphraseologische als auch phraseologische FWK. Das ergibt sich daraus, daß die politische Publizistik einerseits eine aktuelle Reaktion auf verschiedene politische Tagesereignisse ist, sie andererseits jedoch in künstlerische Form umsetzt und mit einer Bewertung durch den Autor verbindet. In der Häufigkeit und in den Funktionen von verschiedenen Gruppen der FWK zeigen sich beträchtliche individualstilistische Unterschiede.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АВСТРИЙСКИ МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ОБЩЕНЕМЕЦКИМИ

В.Т. Малыгин

Предметом настоящей статьи являются фразеологические выражения* (ФВ) австрийского национального варианта современного немецкого литературного языка. Задача состоит в описании структурно-семантических особенностей некоторых устойчивых и воспроизводимых междометных и модальных выражений, выявленных нами в результате анализа ряда немецких толковых словарей** . Для уточнения национального своеобразия анализируемых единиц проводится их сопоставление с общенемецкими образованиями подобного рода.

Основой для образования австрийски маркированных фразеологических выражений служит собственно австрийская лексика. Например, глагол *picken* (омоним немецкого *picken* "durch Zustoßen mit dem Schnabel (Nahrung) aufnehmen) означает в Австрии "kleben, klebenhalten" и употребляется в выражении *Wenn man ihn an die Wand haut, bleibt er picken!* (*Er ist ein Mensch von gerüchtigem Ruf*). Глагол *auskegeln* употребляется в Австрии не только в известных немецкому языку значениях, но и в собственно австрийском значении "ausrenken": *eine Hand, einen Arm auskegeln* (но: *einen Fuß überknöcheln*). Можно предположить, что это значение глагол *auskegeln* приобрел по аналогии с глаголом *auskugeln*. Отсюда и австрийское фразеологическое выражение *Dabei könnt man sich die Zunge auskegeln!* (*Es läßt sich schwer aussprechen*).

В некоторых характерных только для австрийского узуса фразеологических выражениях сохраняются диалектальные австрийско-баварские элементы. Например, в выражении "*Krall' oba von die Sprüch!*" (*Mach einen Punkt!*) это оба "oben". В отличие от немецкой нормы предлог *von* употреблен здесь с именем существительным *Sprüch* в винительном падеже.

Однако чаще всего отличительными элементами австрийс-

* Термин заимствован из работы И.И.Чернышевой (1970, с.45).

** Duden (1972); Duden (1969); Jakob (1972); Österreichisches Wörterbuch (1972); Sassmann (1905); Schranka (1905); Wahrig (1972); Wörterbuch der bairischen Mundarten (1970).

ких выражений выступают имена существительные австрийского происхождения. Например:

Mit ihm ist's immer oben ein G'frett! (Mit ihm hat man immer nur Unannehmlichkeiten! das G'frett, Gefrett, Gfrött "Ärger, Mühe, Plage"); Bei ihm, wenn er stirbt, muß man die Goschen extra totschiagen. (Er ist ein großer Schwatzer! die Gosche "Maul"); Das ist ein Vieh mit Haxen! (Das ist abscheulich! der Haxen, Haxn грубо: "Bein (des Menschen), Nachse").

Значительная часть характерных для австрийского узуса выражений основывается на употреблении слов иноязычного происхождения. Участвующие в образовании этого пласта австрийской фразеологии иноязычные слова могут быть, с одной стороны, свойственными только австрийскому варианту, с другой стороны, известными обоим вариантам, но в разных значениях, и, наконец, известными обоим вариантам, но не участвующими в немецком варианте в образовании фразеологических единиц. К выражениям первой группы относятся, например, следующие выражения: Es ist bridsch! (Es ist verloren! bridsch чешск. прыс "fort" ср. русское 'прочь').

Das futiert mich nicht! (Das bekümmert mich nicht!) futieren фр. foutre "стоßen" ср. фр. il sen fout "er pfeift darauf").

К выражениям второй группы относятся, например, такие выражения: Sei nicht so extra! (Sei nicht so wählerisch!), Das ist (nicht) mein Gusto! (Das gefällt mir (nicht), Dafür habe (keinen) Appetit!). Здесь латинское extra выступает в значении "wählerisch", а имя существительное der Gusto (ит. gusto), известное в австрийском узусе наряду со значениями "Geschmacktichtung, Neigung, Lust" - в значении "Appetit".

Примером фразеологических выражений третьей группы может служить следующее: Das ist mein Kaffeehaus! (Das gefällt mir).

В образовании австрийски маркированных фразеологических выражений участвуют и имена собственные иноязычного происхождения. Например, в выражении Erzählen Sie das der Frau Blaschke! (Erzählen Sie das meiner Großmutter!) ставшее нарицательным имя собственное Blasche восходит к чешскому Blazka, blaha "glücklich" (ср. русское "блаженный"). А в основе следующего выражения, означающего поддержку, одобрение кого-нибудь или чьих-либо действий, - Na, Servus, Brežina!, - лежит заимствованное из чешского выдуманное имя соб-

ственное Brezina, известное австрийскому узусу также в формах Pschesima, Pschesina.

Фразеологические выражения австрийского варианта сопоставительно с единицами такого рода в немецком языке выступают как ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ или БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ образования. Среди австрийски маркированных фразеологических выражений, имеющих эквиваленты в немецком языке, можно выделить ФВ-ВАРИАНТЫ и ФВ-СИНОНИМЫ.

ФВ-ВАРИАНТЫ характеризуются тождественностью значений, общей структурой и различаются по одному конституенту. Например, немецкому выражению Alles wieder in Ordnung! соответствует его австрийский вариант Alles wieder Leinwand (mhd. linwat, wat "Kleid"). В ФВ-ВАРИАНТАХ могут варьироваться различные части речи. Ср.:

Немецкий вариант

Mach keine Umstände!
Das ist toll!
Das geht mich nichts an!

Австрийский вариант

Mach keine Mäuse!
Das ist leinwand!
Das regardiert mich nicht!
(фр.) regarder "sehen, ansehen, interessieren"; Gela ne me regarde pas!)

Многие австрийски маркированные ФВ-ВАРИАНТЫ немецких характеризуются вхождением в их состав австрийских синонимов соответствующих компонентов в немецких выражениях. Например:

Das ist mir Wurst!

Das ist mir Blunzen/Butten!
(Die Blunze, Blunzen, "Blutwurst"; Butten фр. boudin "Blunzen, Wurst", ср. ahd. butin, mhd. büte).

Machen Sie kein leeres Gerede!

Machen Sie keinen Balawer (Palawer)! (ит. palabra "die Rede" palabreria "das leere Gerede").

ФВ-ВАРИАНТЫ могут различаться также несинонимичными компонентами. Ср.:

Es ist mir Wurst!

Es ist mir Powidl!

Das ist ein Durcheinander!

Das ist ein Ramafuri! (исп. rama "Zweig, Ast", ramado "verzweigen").

Will ich Meier/Schulze/
Emil heißen!

Will ich Veitl heißen! (Veitl, Veide, Veit "verächtlicher Mensch", "Geizhals").

Многие австрийски маркированные ФВ вступают в синонимические отношения с аналогичными единицами в немецком языке, то есть представляют собой образования, общие по значению с последними, но различные в плане выражения. Например, наряду с немецкими выражениями *Um keinen Preis! Auf keinen Fall! Nicht für Geld und gute Worte!* в Австрии известно синонимичное им *nicht um die Burg!*, образованное путем использования существительного *die Burg*, представляющего собой усеченный вариант от существительного *Burgtheater* (театр в Вене, пользующийся большой популярностью).

Основой для образования в австрийском варианте ФВ, синонимичных немецким, служит собственно австрийская лексика. Например, немецкому выражению *O du meine Güte!* в австрийском варианте соответствует синонимичное *Behüt dich Gott, Lakerl!* (диалектный вариант: *Pfüat di Gott, Lakerl!* в котором *Behüt dich Gott* — это широко распространенная в Австрии формула прощания, а *Lakerl* — неизвестное немецкому языку австрийское имя существительное *die Lacke* в уменьшительной форме (*Lache, Pfutze; zu kleine Menge (einer Flüssigkeit)*).

ФВ-СИНОНИМЫ представлены как одноструктурными, так и разноструктурными образованиями.

Одноструктурные ФВ-СИНОНИМЫ характеризуются совпадением структур и синонимичными (чаще всего) компонентами. Например, немецкое *Eile dich, du schwarze Kamintaupe!* и австрийское *Schleun' dich, du schwarze Rauchfangtaube!* Здесь немецкому *sich eilen* соответствует австрийское *schleun'en sich* (немецкому языку известно только прилагательное *schleunig* ("rasch, sofort"), а немецкому *Kamintaupe* соответствует его австрийский синоним *Rauchfangtaube*. Примером одноструктурных ФВ-СИНОНИМОВ с несинонимичными компонентами, выступающими в качестве семантического стержня, могут служить немецкое *Ja, am Sankt Nimmerleinstag (Nimmertag)*, австрийское *Ja, am Schnuaster-Sonntag!*

Разноструктурные ФВ-СИНОНИМЫ представляют ядро фразеологических синонимичных образований, характеризуются несовпадением структур и совершенно разным компонентным составом. Австрийски маркированные ФВ-СИНОНИМЫ немецких могут создаваться как на базе общенемецкой лексики в собственно австрийском употреблении, так и на базе общенемецкой лексики с включением австрицизмов. Например:

Немецкий вариант

Kopf hoch!

Hast du nicht alle Tassen
im Schrank?

Австрийский вариант

Nehmen Sie halt die Haxen in die
Hände! (der Haxen "Bein (des Men-
schen) Hachse").

Hast du denn narrische Schwam-
merl gefressen? (das Schwammerl,
der Schwamm "Pilz").

Характерные для австрийского узуса ФВ, не вступающие с немецкими в отношения вариантности или синонимии, представляют собой БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ собственно австрийские ФВ. Они создаются в первую очередь на базе собственно австрийской лексики. Например, в разговорном австрийском *eh* употребляется в значении "ohnehin, sowieso" и в сочетании с глаголом *wissen* и австрийским *scho(schon)* образует выражение *eh scho wissen* (wie ja ohnehin bekannt ist; die Schliche kennt man zur Genüge!).

Известное в Австрии наречие *nimmer* (результат контаминации отрицания *nicht* и сравнительной степени неопределенного местоимения *viel*) лежит в основе австрийского ФВ *Das ist bald nimmer wahr!* (Das ist schon lange her).

Приведем еще несколько выявленных собственно австрийских безэквивалентных ФВ:

Ehe das fertig ist, wird man ein Laberl. (Es dauert sehr lange; das Laberl "kleine, runde Brotform, Laibchen").

Er hat dem Dreck eine Watsche gegeben! (Das, was er gemacht hatte, hat keinen Sinn; die Watsche, Watschen "Ohrfeige").

В состав безэквивалентных ФВ австрийского варианта нередко входят имена существительные - морфологические дубликаты немецких имен существительных. Например: *Wenn ihm kein Beindl mehr wehtut* (Wenn er gestorben ist; das Beindl "der Bein").

Для образования безэквивалентных австрийских ФВ могут использоваться и характерные только для австрийского варианта немецкого языка иноязычные заимствования: *Er ist mit ihm gut special* (Er ist sein Busenfreund; lat. *specialis* "extra" ср. также австр. *Spezi* "der beste Freund"), *Tschuschen raus!* (Raus mit Fremden ср. русск. "чужак" *). Нередко это и общенемецкая лексика в характерных только для Австрии значениях и комбинациях. Например, глагол *ausstopfen* помимо общенемецкого употребления "stopfend füllen" (*ich stopfe die*

* Этимологию слова *Tschuschen* см. подробно: Dor Milo.

наassen Schuhe mit Papier aus; ein Tier ausstopfen "den Balg eines toten Tieres füllen so daß es wie natürlich aussieht"; переносно: die Hirne der Leser mit Sensationen und Klatsch ausstopfen) известен австрийскому уязу в выражении "Laß dich ausstopfen! (Sei einfacher, bescheidener, nicht so merkwürdig!). Ср. также: Und so was schläft in einem Bett! (Es ist eine unglaubliche Person). Verkauft's mein G'wand, ich fahr in den Himmel! (Ausdruck der Heurigenseligkeit: Ich bin glücklich, ich besitze nur das, was ich anhave und brauche nichts mehr auf der Erde!).

Многие безэквивалентные собственно австрийские фВ отражают различные факты австрийской действительности. Например, со времен Кайзера Иосифа II (XVIII век) бытует в речи австрийцев выражение (Dies (Das) ist gewiß in der Hirschau geplant worden! История этого выражения такова. Иосиф II издал специальный указ об открытом доступе в парк Вены (Prater) всех жителей города. В отдаленных уголках парка, где он имел обыкновение охотиться на оленей и косуль (Hirsch und Rehe) стал собираться народ и развлекаться самым различным образом. Там устраивались свидания, турниры, дуэли, заключались сделки и т.д. и т.п. Само это место получило в народе название Hirschau (Hirsch + Au "Tal"), а выражение "Das war in der Hirschau geplant worden" стало широко употребительным в значении "Здесь что-то не так; это что-то интересное, пикантное; здесь что-то не чисто". Известно это выражение и в форме "Das ist ein Hirschauerstückl!"

В ы в о д ы :

1. Австрийский национальный вариант современного немецкого литературного языка располагает значительным пластом фразеологии, обнаруживающим его национальную специфику. В отношении австрийских фразеологических выражений вполне справедливо замечание В.Г. Белинского, который писал, что "неисчерпаемое богатство идиомов" составляет "народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство" (Белинский, 1954, 151).
2. Национальное своеобразие австрийских фразеологических выражений является следствием ряда интралингвистических и экстралингвистических факторов. В первую очередь они создаются на базе собственно австрийской лексики, но в их состав могут входить также общенемецкие слова в несвойс-

твенном собственно немецкому языковому стандарту употреблении.

Многие австрийские фразеологические выражения являются отражением в языке австрийцев каких-либо явлений их истории, быта, культуры, обычаев, нравов.

3. Австрийски маркированные фразеологические выражения находятся в определенных отношениях с общенемецкими образованиями такого рода. Среди них выявляются эквивалентные и безэквивалентные единицы. Эквивалентные единицы представлены ФВ-СИНОНИМАМИ и ФВ-ВАРИАНТАМИ, безэквивалентные единицы не имеют общенемецких фразеологических аналогов.

Л и т е р а т у р а

Белинский В.Г. Басни Ивана Крылова. Полн. собр. соч., т.IV, М., АН СССР, 1954.

Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.

Dor Milo. Tschuschen raus. - In: Merian. Österreich. Das Monatsheft der Städte und Landschaften im Hoffmann und Campe Verlag. Hamburg, Heft I, 29 Jahrgang.

Duden. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten. Duden-Taschenbücher, Band 8, von J.Ebner, Mannheim-Wien-Zürich, 1969.

Duden. Wie sagt man anderswo? Landschaftliche Unterschiede im deutschen Wortgebrauch, von Wliefried Seibicke. Duden-Taschenbücher, Band 15, Mannheim-Wien-Zürich, 1972.

Jakob J. Wörterbuch des Wiener Dialektes. Wien und Leipzig, 1972.

Österreichisches Wörterbuch. 32. durchgesehene Auflage, Jugend und Volk, Wien, 1972.

Sassmann H. Wienerisch. Was nicht im Wörterbuch steht. München, 1935.

Schranka E.M. Wiener Dialekt-Lexikon. Wien, 1905.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann-Lexikon-Verlag, 1968, 1972.

Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich. Wien-Graz-Köln, 1970.

STRUKTURELL-SEMANTISCHE BESONDERHEITEN
DER ÖSTERREICHISCH MARKIERTEN PHRASEOLOGIS-
CHEN WENDUNGEN IM VERGLEICH MIT DEN GE-
SAMTDEUTSCHEN

Viktor Malygin

Resümee

Die österreichische nationale Variante der modernen deutschen Schriftsprache läßt sich durch eine Reihe Besonderheiten von der Sprache in den beiden deutschen Staaten (BRD und DDR) unterscheiden.

Die Untersuchung dieser Besonderheiten ist seit einiger Zeit zu einer aktuellen Aufgabe der Germanistik geworden. Es erlaubt das Wesen der nationalen Spezifik der deutschen Sprache in Österreich eingehender zu erschließen.

Ein derartiger Versuch ist der Artikel, dessen Aufgabe in der vergleichenden Analyse der österreichisch markierten und gesamtdeutschen phraseologischen Wendungen vom strukturellen und semantischen Standpunkte aus besteht.

ZUR KONKRETISIERUNG IN DER ÜBERSETZUNG DER "KARTOFFELSCELLEN"

Tiiu Mikenberg

Kornej Čukovskij vergleicht den Übersetzer mit einem Schauspieler: Gleich der Schauspielkunst, deren Gipfel nicht in der Abweichung vom Willen des Dramatikers, sondern in vollem Einklang damit zu erreichen sind, beruhen auch die Höchstleistungen der Übersetzungskunst in der Übereinstimmung der Übersetzungstätigkeit mit dem Willen des Autors (Чуковский, 1968, 50 - 51). Eine weitere Gemeinsamkeit beider Tätigkeiten liegt in ihrem schöpferischen Charakter, der ein Wesensmerkmal sowohl der Schauspiel-, als auch der Übersetzungskunst ist. Das schöpferische Herangehen an das Übersetzen, vor allen Dingen im Bereich der schönen Literatur, ist eine unabdingbare Voraussetzung zur Erreichung eines äquivalenten Translats, das mit voller Klarheit schon seit dem 18. Jahrhundert von Goethe, Schiller, Puškin, Gogol, Belinskij, Dobroljubov, Černyševskij, Turgenev u. a. als Idealleistung angestrebt wurde (Ljudskanov, 1972, 19). Bei einer äquivalenten Übersetzung kommt es darauf an, den Inhalt schöpferisch wiederzugeben, wobei die vollwertige funktionalstilistische Entsprechung des Inhalts berücksichtigt werden muß (Федоров, 1968, 15). Der Übersetzer ist bestrebt, das Original in der Einheit von Inhalt und Form unter Bewahrung des nationalen, sozialen und historischen Kolorits sowie der künstlerischen Eigenart des Originals wiederzugeben. Das stellt viele Anforderungen an den Übersetzer: Einfühlungsvermögen, literarische Begabung, stilistische und sprachliche Kompetenz, Kenntnisse über den nationalen, sozialen und historischen Hintergrund des Werkes, über die potentielle Reaktion des Lesers u.a.m.

Ein Mittel zur Erreichung einer äquivalenten Übersetzung besteht in angemessener Anwendung von Übersetzungstransformationen, deren eine Art, die Konkretisierung, wir in der von Helga Viira gelieferten Übersetzung des Romans "Kartoffelszellen" von Aimée Beekman behandeln. Dabei bedienen wir uns der konfrontativen Methode, die von V. Gak als die beste Methode für die Übersetzungstheorie angesehen wird (Гак, 1979, 17). Die konfrontative Analyse zeigt, welche Veränderungen bei der Übersetzung möglich sind; diese

Veränderungen werden durch Transformationen auf morphologisch-syntaktischer und lexikalischer Ebene vorgenommen.

Unter Konkretisierung versteht man die Substitution eines Wortes (einer Wortverbindung) der Ausgangssprache mit einer weiteren referentiellen Bedeutung durch ein Wort (eine Wortverbindung) der Zielsprache mit engerer referentieller Bedeutung (Barchudarov, 1979, 231). Oft tritt die Konkretisierung kombiniert mit einer anderen Art der Übersetzungstransformation (z. B. mit Ergänzung) auf.

Die referentiellen Konkretisierungen in den "Kartoffelschellen" zerfallen in kontextuelle (redebezogene) und lesergebundene Fälle.

Stärker ist die Subgruppe der kontextuellen Konkretisierungen vertreten. Sie beruhen auf Faktoren, die im Kontext wirksam sind. Es handelt sich dabei meist um stilistische Erwägungen, wie Forderungen nach Abgeschlossenheit, Vermeidung von Wiederholungen, größerer Anschaulichkeit. Motiviert sind zahlreiche kontextuelle Konkretisierungen im verbalen Bereich: ... Ent käe silmade kohale tõstmud ja hoolega vaadanud, nägi Benita, et hobused tulevad omapäi ... (KK, 102) / ... Doch als sie ihre Augen mit der Hand beschattete und unverwandt hinschaute, sah sie, daß die Pferde herangeloppten ... (KS, 107); ... Kas pulmalistel oli häbi, kui nad aita tulid ja noorpaari magamise pealt röövikupritsis üle kallasid ... (KK, 224) / ... Hatten sich die Hochzeitsgäste geschämt, als sie in den Speicher eingedrungen waren und das junge Paar vollgespritzt hatten ... (KS, 233); ... Talle meenusid Riiki sõnad, kui nad kord lõpuklassis olles ühelt peolt koos koju tulid ... (KK, 146) / ... Ihr fielen seine Worte ein, als er sie mal von einer Schulfete nach Hause begleitet hatte ... (KS, 152). Das estnische Verb 'tulema' wird durch drei deutsche Verben wiedergegeben, die eine spezifischere Bedeutung haben: 'galoppieren' charakterisiert die Bewegungsart der Pferde, 'eindringen' zeigt, daß die Gäste unerwünscht waren, 'begleiten' weist darauf hin, daß Riiki und Benita nicht zufällig zusammen nach Hause gekommen waren. Weitere Beispiele: ... Küllap seal aeg-ajalt liikus noor perenaine ... (KK, 12) / ... Bestimmt wirtschaftete dort die junge Bäuerin ... (KS, 15); ... kuulis Mollart kedagi oma pea kohal sõitmas ... (KK, 48) / ... hörte Mollart jemanden über die Brücke poltern ... (KS, 53); ... Et sina oled va vilets vanapoiss, kellele surres tehakse

korstnaga kirst ... (KK, 178) / ... Du bist ein jämmerlicher Hagestolz, dem nach dem Tod ein Sarg mit Schornstein gezimmert wird ... (KS, 187). Natürlich beschränken sich die kontextuellen Konkretisierungen nicht nur auf die Verben: ... Üksvahe mõtlesin teda abiliseks võtta ... (KK, 18) / ... Ich wollte sie einmal als Hausgehilfin nehmen ... (KS, 20); ... Korraga ilmus põõsapuhmast nagu nägemus üks suur lammas ... (KK, 23) / ... Plötzlich trat wie ein Gespenst aus einem Gebüsch ein großer Schafbock hervor ... (KS, 26); ... Ta hoidis lüpsikut kõrgel nõu kohal ... (KK, 9) / ... Sie hielt den Melkeimer hoch über die Milchkanne (KS, 12); ... Ütle, mis mul viga on ... (KK, 123) / Sage doch, warum habe ich eigentlich keinen Schlag ... (KS, 128).

Bei der Bewertung des Translats auf den Äquivalenzgrad hin wird neuerdings immer öfter vom Vergleich der Reaktionen des Ausgangssprachlichen und Zielsprachlichen Adressaten ausgegangen (Найда, 1978, 114 ff.; Иветтер, 1973, 65; Латышев, 1981, 19). Zur Erreichung der funktionalen Äquivalenz dienen in den "Kartoffelschellen" zahlreiche (vielfach mit Ergänzungen kombinierte) leserbezogene Konkretisierungen, die zusätzliche ort- und zeitgebundene Informationen enthalten: ... Eesti aja lõpul ... (KK, 8) / ... Gegen Ende des bürgerlichen Estlands ... (KS, 11); ... haiglad sõjaväe kões ... (KK, 59) / ... die Wehrmacht hat Krankenhäuser beschlagnahmt ... (KS, 64); ... Ta laotas trikoloori Riksi ees lahti ... (KK, 235) / ... Sie bereitete die blauschwarzweiße Fahne vor Riks aus ... (KS, 245); ... pärast märtsirünakut ... (KK, 247) / ... nach dem Luftangriff der sowjetischen Flieger auf Tallinn im März 1944 (KS, 259); ... kas sina olid see, kes mõõdunud sügisel "Eesti sõnas" kuulutas ... (KK, 263) / ... hast du im vergangenen Herbst in der Zeitung "Eesti Sõna" inseriert ... (KS, 275); ... sest liiga selgesti on meeles neljakümne esimese aasta südasuvi, kus eesti mehi ja naisi vagunitesse aeti ja külmale maale küüditati ... (KK, 145) / ... denn wir erinnern uns nur zu gut an den Sommer einundvierzig, als estnische Männer und Frauen in Waggonen gepfercht und ins frostige Sibirien verschleppt wurden ... (KS, 150). Im letzten Beispiel betrifft die Transformation nicht nur die referentielle, sondern auch die pragmatische Bedeutung der Wortgruppe.

In einigen Fällen steht die pragmatische Transformation im Vordergrund, daher erachten wir als notwendig, den Be-

griff der pragmatischen Konkretisierung einzuführen. Als pragmatische Konkretisierung betrachten wir bei stilistischer Charakteristik Abweichungen von stilistisch neutraler Charakteristik zu stilistisch markierten Charakteristiken hin, beim Register Abweichungen von neutralem Register zu markierten Registern hin und bei emotioneller Färbung Abweichungen von emotionell neutraler Färbung zu emotionell negativer oder emotionell positiver Färbung hin. Die pragmatische Bedeutung hängt sehr eng mit der stilistischen Eigenart des Verfassers zusammen. Daher ist es einleuchtend, daß pragmatische Transformationen relativ selten vorkommen, dies gilt auch für die Übersetzung der "Kartoffelschellen". Auf Textebene lassen sie sich als gegenseitiger kompensatorischer Ausgleich interpretieren: ... puskaripudelid ... (KK, 169) / ... Fuselpullen ... (KS, 177); ... ausveisiplanke ... (KK, 283) / ... Ausweisformulare ... (KS, 296); ... üksildases talus ... (KK, 25) / ... in ... einem Krähwinkel ... (KS, 28); ... igapäevaste toimetuste keskel ... (KK, 67) / ... von der täglichen Tretmühle ... (KS, 71); ... kolmnurkselt paljad oimukohad ... (KK, 45) / ... Geheimratsecken ... (KS, 50). Einige pragmatische Konkretisierungen sind jedoch unmotiviert: ... poiss (KK, 236) / ... der Knabe ... (KS, 245) und ... kõrtsi ... (KK, 151) / ... ein Restaurant ... (KS, 158). Das Wort 'der Knabe' gilt heutzutage im Deutschen als veraltend, 'poiss' im Estnischen läßt sich aber ohne Einschränkungen in allen Textgattungen verwenden; das Übersetzen des sowohl der stilistischen Charakteristik, dem Register als auch der emotionalen Färbung nach markierten Wortes 'kõrts' durch das neutrale deutsche Wort 'Restaurant' in der gepfefferten Rede Parabellums ist nicht am Platz, zu verwenden wäre hier 'die Kneipe'.

Auch einige referentielle Konkretisierungen sind unmotiviert: ... ning hobused hakkasid astuma (KK, 292) / ... dann setzten sich die Pferde in Trab ... (KS, 306). Die Wendung 'sich in Trab setzen' = 'zu laufen beginnen' ist nicht der Situation angemessen, neben den vollbeladenen Fuhrwerken der Flüchtlinge g i n g e n größere Kinder. Richtig wäre: 'dann setzten sich die Pferde in Bewegung' oder 'dann zogen die Pferde los'. Einen Übersetzungsfehler hat eine mit Ergänzung kombinierte referentielle Konkretisierung hervorgerufen: ... Nad tuiskavad, sabad sirged ... (KK, 43) / ... sie flitzten mit kerzengerade erhobenen Schwänzen ... (KK, 48). Es handelt sich hier um Ratten.

Die überwiegende Anzahl der Konkretisierungen in der deutschsprachigen Übersetzung der "Kartoffelschellen" dient zur funktionalen Äquivalenz. Am häufigsten werden kontextuelle und lesergebundene referentielle Konkretisierungen verwendet.

L i t e r a t u r

Barchudarow, L. Sprache und Übersetzung. Moskau, 1979.

Ljudskanov, A. Mensch und Maschine als Übersetzer. Halle (Saale), 1972.

Гак, В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ. - В: Тетради переводчика 16. М. 1979.

Латышев, Л. К. Курс перевода. М., 1981.

Найда, Ю. К. науке переводить. - В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.

Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.

Чуковский, К. И. Высокое искусство. М., 1968.

Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

A b k ü r z u n g e n

KK - Beekman, A. Kartulikuljused. Tln., 1968.

KS - Beekman, A. Kartoffelschellen. Berlin, 1973.

О КОНКРЕТИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА "ГЛУХИЕ БУБЕНЦЫ"

Тийу Микенберг

Р е з ю м е

В статье рассматривается применение конкретизации как одного вида переводческих трансформаций при переводе с эстонского языка на немецкий язык в романе Э. Вээкман "Глухие бубенцы". Переводчица Х. Вийра пользуется разными видами конкретизации: референциальными и прагматическими. Для достижения функциональной эквивалентности перевода особое значение имеют референциально-контекстуальные конкретизации и конкретизации с учетом интерпретатора-получателя.

ЛЕКСИКО-СИНТАКТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Мирский

Руководствуясь пониманием аспектов предложения как "тех сторон, которые, обладая какими-либо формальными показателями, объективно свойственны предложению как особой синтаксической единице" (Адмони, 1971, 3), нужно назвать среди прочих его объективных сторон аспект лексического заполнения предложения. Теоретически он является звеном большой проблемы обусловленности (и соотношения) лексики и синтаксиса, значимость которой для изучения предложения отмечают многие современные исследователи. Суммарно их точка зрения отражена в следующих словах В.Н. Ярцевой: "Синтаксист хотя и изучает соединение форм слов, должен учитывать, что это соединение облечено значением." Только в случае, если сводить синтаксис к простому перечислению конструкций, окажется возможным "игнорировать лексический материал." (Ярцева, 1968, 43).

Исследование лексической наполняемости предложения не может пройти мимо того широкого круга языковой проблематики, который называют теорией валентности. Теперь уже при его разработке имеются в виду не только валентность глагола, но и валентность других частей речи, прежде всего существительных (см. в этой связи работу: Степанова, Хельбиг, 1978).

В данной статье предпринимается попытка изучения лексического заполнения моделей предложения на основе одноместных глаголов (Nn - Vf; Nn - Vf pass*) с учетом функционально-стилистической специфики этого заполнения, а сам анализ проводится в соответствии с принятыми в немецкой грамматике лексико-семантическими классификациями существительных и глаголов и нацелен на обнаружение общих закономерностей лексико-синтаксической репрезентации предложений в различной текстовой реализации; т.е. в функционально-стилистическом плане.

Материалом анализа явилась общая совокупность предложений в количестве 15 000, сформированная в виде трёх выборок (5 000 каждая) по каждому из трёх функциональных стилей современного немецкого языка - литературно-художественному, газетно-публицистическому и научно-техническому. Конкретно это

* Nn - существительное в номинативе; Vf - финитный глагол; pass - пассив. 53

были произведения современных писателей ГДР и ФРГ, номера газеты "Neues Deutschland" за 1975-76 годы, научные журналы по физике, электронике и радиотехнике.

В статье принят принцип классификации моделей предложения по глаголу-сказуемому, вследствие чего для анализа приводится таблица, отражающая количественные показатели лексико-семантических групп глаголов, участвующих в структурировании той или иной модели.

Таблица I. Частотность (в процентах) лексико-семантических групп глаголов в моделях с одноместными глаголами (ГПС - газетно-публицистический стиль; СХП - стиль художественной прозы; СНП - стиль научной прозы).

Модели : Значение глагольной группы :		ГПС	СХП	СНП
		%	%	%
Nn - Vt	а) свойство или признак субъекта	2,1	28,6	7,3
	б) постоянное занятие субъекта	14,3	11,2	-
	в) состояние субъекта	13,1	7,3	16,0
	г) переход из одного состояния в другое	22,7	31,1	24,8
	д) световые и звуковые эффекты	5,9	6,3	2,0
	е) существование, бытийность	41,9	16,5	50,8
Nn-Vt-pass	а) действие, видоизменяющее объект	13,5	31,4	28,7
	б) действие, в результате которого объект создается или возникает заново	9,8	11,3	25,4
	в) различные виды обработки и переработки материальных объектов	1,1	0,7	29,4
	г) перемещение объекта в пространстве	14,3	32,8	11,3
	д) прямое контактирование - приглашение, встреча и т.п.	30,8	1,3	-
	е) эмоциональное или моральное воздействие на человека	3,2	10,4	-
	ж) виды действий, связанных с интеллектуальной или духовно-эмоциональными сферами	27,3	12,0	5,2

Как показывает таблица I, лексико-семантические группы глаголов неодинаково распределены по трем указанным функциональным стилям. Они, о чем и пойдет речь, неоднозначно соотнесены с моделями предложений в таблице.

В стиле художественной прозы заметной активностью обладают глаголы, выражающие свойство или признак субъекта (rauschen, duften, schmecken и др. - 28,6%), в стиле газеты и научной прозы - глаголы, выражающие переход из одного состояния в другое.

Модель Nn - Vfi и в стиле научной прозы и газеты чаще всего структурируется глаголами, обозначающими существование, появление, исчезновение (existieren, verschwinden, eintreten и т.п.), а в стиле художественной прозы - глаголами, обозначающими переход из одного состояния в другое (einschlafen, aufstehen и др.).

Для модели Nn - Vfpass в стиле научной прозы более характерны глаголы, обозначающие различные виды обработки и переработки материальных объектов (schmelzen, verarbeiten, aufbauen и т.п. - 29,4%), и действия, видоизменяющие объект (umwandeln, vergrößern, lösen и др. - 28,7%). В стиле художественной прозы в этой модели более высокие процентные показатели имеют глаголы, обозначающие перемещение объекта в пространстве (holen, bringen, anziehen и др. - 32,8%), и глаголы, выражающие действие, видоизменяющее объект (31,4%). В стиле же газеты данную модель большей частью образуют глаголы со значением приглашения, встречи (einladen, empfangen и др. - 30,8%) и глаголы, выражающие виды действий, связанных с деятельностью интеллекта или духовно-эмоциональной сферы (verurteilen, betrachten, hassen, brandmarken и т.п. - 27,3%).

Также отчетливо выражена тенденция в заполнении субъектной позиции: в стиле научной прозы это в основном неантропоним (84,8%), в стиле художественной прозы в этой позиции находится большей частью антропоним (78,2%), при этом личные местоимения и имена собственные помечены большим процентным показателем. Стиль газеты стоит ближе к стилю научной прозы: субъектная позиция в большинстве случаев заполняется неантропонимом (72,3%), но отмечается и антропонимное заполнение, составляющее примерно четвертую часть всех субъектоупотреблений (например: die DDR-Mürger, die Fachleute, die Giesser, die Mitarbeiter, die Mibkämpfer и др.).

В субъектной позиции стиля научной прозы преобладают имена действий на -ung (39,0%) и другие отглагольные существительные, а также "исконные" абстрактные (40,4%), в стиле художественной прозы более активны существительные с конкретной

семантикой. Стиль газеты в этом отношении находится ближе к стилю научной прозы. В нем часто в качестве субъекта выступают имена собирательные (17,9%).

Субъект в исследуемых моделях выражается инфинитивными группами, придаточными предложениями, имеющими обычно обязательный коррелят в главном предложении. Их частотный показатель в стиле научной прозы выше, чем в стиле газеты и составляет 11,2%.

Субъектную позицию замещают двухчленные субстантивные группы и блокообразования, формируемые отглагольными существительными, деадъективами и "исконными" абстрактными. Они в большей степени характерны для стиля научной прозы (например: *die Registrierung der Elektronen, die Divergenz des Elektronenstrahles, der Einfluss der Bragg'schen Reflexion auf die unelastische Steuerung* и т.п.).

На основе проведенного анализа могут быть сделаны выводы относительно тенденций заполнения позиций в моделях предложения лексическими разрядами слов и относительно всей структуры предложения.

Прежде всего необходимо отметить, что модели предложения структурируются лексико-семантическими группами глаголов при их неодинаковом удельном весе в разных стилях. В самой лексической семантике глаголов в стиле научной прозы наблюдаются явные тенденции к абстрактности: здесь очень мало обнаружено глаголов конкретного действия; указанному стилю противостоит стиль художественной прозы, а стиль газеты занимает своеобразное промежуточное положение: он то сближается по одним показателям со стилем научной прозы, то обнаруживает ряд общих черт со стилем художественной прозы. И это, кажется, не случайный вывод. Исследователи часто обсуждают проблему, двойственного статуса данного стиля" (Брегина, 1978, 71-72).

В научной речи в глаголе взаимодействуют с абстрагированными грамматическими абстрактные лексические значения, а в художественной же прозе — конкретизированные. Внешне одна и та же глагольная форма в двух стилях регулярно наполняется различным содержанием (ср. *Der Schnee blieb liegen; die Frau blieb liegen; die Arbeiten blieben liegen*).

Чётко прослеживается и противопоставленность стиля научной прозы стилю художественной прозы по замещению приглагольных позиций антропонимом и неантропонимом. В большинстве мо-

делей стиля научной прозы субъектная позиция заполняется не-антропонимом. Значение лица здесь оказывается очень ослабленным. Как деятель может мыслиться любой, каждый, или же он совершен - но неконкретен, неизвестен и даже вообще не может предполагаться, что и отвечает задаче отвлеченно-обобщенного описания.

В научном стиле процентный показатель абстрактных существительных в позиции субъекта наиболее высок. В моделях этого стиля возрастает активность девербативов, в том числе и производных на -ung. Большая часть этих существительных называет понятия движений, процессов, состояний вещей, отношений, они имеют более обобщенно-отвлеченное значение по сравнению с соответственными глаголами (например: die Abstimmung, die Messfassung, die Vertonung, der Abgleich, der Antrieb и др.). Все эти слова способствуют конденсации смысла, понятийно-смысловой насыщенности текстов научного изложения.

Как известно, блокообразование способствует полипредикативному усложнению линейной структуры предложения и утверждению именного стиля. Наиболее заметно именной тип выражен в стиле научного изложения. Блоки представляют собой субстантивные группы усложненного характера, и благодаря их компактности и смысловой ёмкости создаются условия для проявления тенденции к языковой экономии (Адмони, 1971, 9), которая наблюдается частично и в стиле газеты.

Таким образом, картина результатов анализа позволяет говорить и о дифференциации стилей и о их взаимопроницаемости. И если, как отмечают исследователи, "вопрос лишь в том, каков характер этой взаимосвязи - количественный или качественный" (Брагина, 1978, 72), то проведенный анализ дает определённый ответ на этот вопрос: количественно-качественный: однобоко характер взаимосвязи стилей истолковывать неправомерно.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Адмони В.Г. Аспекты предложения и система атипов предложения. Сб. "Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов. Л., 1971.
- Адмони В.Г. Композиция предложения в современном немецком языке. Сб. "Структура предложения и слогосочетания в современном немецком языке". Л., 1971.
- Брагина А.А. Синонимы и их истолкование - "Вопросы языкознания", 1978, № 6
- Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.
- Ярцева В.Н. О взаимодействии лексики и грамматики. М., 1968.

**LEXISCH-SYNTAKTISCHE EIGENSCHAFTEN
DER SATZMODELLE IN DER DEUTSCHEN
GEGENWARTSSPRACHE**

A.A. Mirsky

R e s ü m e e

Der Beitrag untersucht die Beteiligung der lexisch-semantischen Einheiten an der Konstituierung des Satzganzen und ihren Einfluß auf die syntaktische Struktur des Satzes. Es werden auch die funktionalstilistische Besonderheiten der Satzmodelle in bezug auf die lexisch-semantischen Eigenschaften der Satzkonstituenten verfolgt und betreffende Gesetzmäßigkeiten in dieser Hinsicht festgestellt.

SOME NOTES ON RECENT AND CURRENT RESEARCH INTO
ENGLISH AND THE TEACHING OF ENGLISH (7):
HISTORY OF THE LANGUAGE

Oleg Mutt

The following is a short survey of some of the more significant contributions to the historical study of the English language made during the last 20 - 25 years. As in previous articles of this series the emphasis is on work done abroad which is less familiar to the majority of our Anglicists.

x x
x

At the beginning of this century a shift began from the traditional historical linguistics, also known as 'diachronic linguistics', that had dominated 19th-century linguistic research (the study of the history of languages, their relationships, and the reconstruction of the lost 'proto-languages'), towards what became known as 'synchronic linguistics', i. e. the analysis of languages as communicative systems as they exist at a given point of time (often the present), ignoring the paths by which they arrived at their present form. Although a great deal of work continued to be done in diachronic linguistics, the emphasis was increasingly on the contemporary state of languages. The interest in the latter was largely due to the emergence of various schools of structuralist linguistics and the rapid development beginning with the 1950s and '60s of applied linguistics. Foreign language teaching, machine translation, etc. are not concerned with the recent or more remote past of languages, but with what they are today.

However, it was also soon realized that not everything in a natural language is capable of being quantified or reduced to patterns, formulae and algorithms. Moreover, in order fully to understand the present state of a language familiarity with its past proved to be indispensable. An impetus to historical linguistic studies has also been provided lately by the development of so-called language engineering or planning. As a result there has been a revival of interest in diachronic linguistics. Work in this

field is now being conducted with the help of methods elaborated in the synchronic study of languages and various old theories (substratum, language progress, etc.) are being critically revised.

Generally speaking, historical linguistic studies in the Soviet Union were not so profoundly affected by what has been called the mid-century boom in the 'applied linguistics industry' (Sampson, G., 1980, note 6, p. 252) as they were abroad, especially in the major capitalist countries. Soviet linguistics has a longstanding tradition of historicism. De Saussure's rigid dichotomy between synchrony and diachrony has always been rejected by the greater part of Soviet linguists (Bydarov P. A., 1977, p. 5; 1981, pp. 29 - 30) and, consequently, historical linguistic studies, including the historical investigation of English, have continued to be pursued on an impressive scale. It is interesting to note in this connection that more and more non-Marxist linguists in Western Europe and America have also come (or are coming) round to the understanding that a purely synchronic description of a language is not possible because present-day patterns inevitably reflect the past and anticipate the future, and because every language system is diachronically layered (see, e.g. Rydén, M., 1979, pp. 9 - 10).

Some 25 - 30 years ago if one wanted to teach a course in the history of the English language (= HEL⁺) at university level, one had a choice of some two or three standard textbooks by Soviet Anglicists (B. Ilyish, A. Smirnitski, V. Arakin) and another 3 - 4 acknowledged textbooks by foreign authors (O. Jespersen, H. C. Wyld, K. Brunner, A. C. Baugh). All these sources remain impressive treatments of the subject, but are, of course, based largely on data gathered during the 19th century and the early decades of the 20th century.^{xx} It was inevitable that a number of attempts were made to apply modern linguistic theories and methods to the interpretation of these data as well as of more recent material. The 1960s and '70s saw the publication of a number

^x In addition to HEL (= the history of the English language) the following abbreviations are used below: OE = Old English, ME = Middle English, EMOE = Early Modern English.

^{xx} The textbooks of B. Ilyish and A. C. Baugh have been partially updated and reprinted several times after their first editions came out in 1938 and 1935, respectively; K. Brunner's 2-volume history (1950) also appeared in a revised edition in 1960-1962.

of introductory surveys and some more ambitious treatments of HEL. The following are the better known of them.

In the Soviet Union V. N. Yartseva (Moscow) has produced a survey of the growth and consolidation of the national literary language (1969) as well as outlines of historical English morphology (1960) and syntax (1961). The Leningrad Anglicists I. P. Ivanova and L. P. Chakhoyan are the authors of a textbook of HEL (1976). An outline of HEL in two parts has been brought out by T. A. Rastorgueva (Moscow, 1969 - 1970). Surveys of HEL for undergraduates have been published at a number of universities (Gorki, Kalinin, Tartu and elsewhere).

The most satisfactory elementary introductions to the whole field of HEL published abroad during the last twenty years are probably Th. Pyles' "The Origins and Development of the English Language" (N. Y.-Chicago, 1964, 1971²), L.M. Myers' "The Roots of English" (Boston, 1966) and J. C. McLaughlin's "Aspects of the History of English" (N.Y., 1970). One should also mention the surveys produced by H. Koziol (Darmstadt, 1967), K. Schibsbye (vols. 1-3, Copenhagen, 1972 - 1977) and M. Görlach (Heidelberg, 1974). The latest additions to this list are the books brought out in 1982 by R. Berndt (Rostock) and W. P. Bolton (Rutgers University, USA).

It is noteworthy that all the books by foreign authors mentioned in the preceding paragraph are the work of Continental European or American linguists. There are only a few recent British surveys of the whole of HEL. A good brief account has been produced by G. L. Brook (Manchester, first published in 1958). A much fuller treatment by a British scholar is the one by the late Barbara M. H. Strang (Newcastle-upon-Tyne). In her "A History of English" (1970, 1974²) she departed from tradition in reversing the usual chronology, beginning with the modern period and going back in 200-year cross-sections or steps to the earliest origins. This means that the first of the book's historical chapters is entitled "1970 - 1770", the second "1770-1570", and so on to the last, inevitably somewhat sketchy, chapter bearing the title "Before 370". As far as the present writer is aware only the American Anglicist A. Marckwardt some forty years ago chose to do a history of English backward (1942). Despite its unusual organization and certain faults in in-

terpretation and conclusions, B. Strang's book is a thorough and scholarly account of the English language in Britain (with some attention to developments in North America and other English-speaking territories).

If only the names of G. L. Brook and B. Strang were mentioned above in connection with their full-length histories of the language, it should not be concluded that diachronic studies of the mother tongue have declined in Britain during the last quarter of a century. Work in this field has been conducted intensively and has resulted in several surveys of more limited areas and in studies of special problems (e.g. R. Quirk, *Essays on the English Language, Medieval and Modern*, London, 1968; M. L. Samuels, *Linguistic Evolution with Special Reference to English*, Cambridge, 1972; D. W. Lightfoot, *Principles of Diachronic Syntax*, Cambridge, 1979).

Until some 7 - 8 years ago the study of EMoE had been relatively neglected. Now we have at least two systematic outline treatments of the period, viz. those by Charles Barber (London, 1976) and Manfred Görlach (Heidelberg, 1978). The former is written more or less along traditional lines, whereas the latter takes into account recent developments in linguistic theory and presupposes a good knowledge of the structuralist Begriffsapparat. A useful feature of Görlach's book is the inclusion of many specimens of EMoE texts. Margaret Schlauch's *"The English Language in Modern Times (since 1400)"* (Warszawa-London, 1959, 1964²) also deals in considerable detail with developments in the EMoE period.

With the publication of his *"An Introduction to the Historical Study of English Syntax"* (Uppsala, 1979) the Swedish scholar Mats Rydén has helped to fill an important gap. This slim but pithy volume outlines the main problems associated with the study of syntactic history, deals briefly with work done in the field of historical English syntax, and points to some further lines of investigation that might be taken up by prospective researchers. Quoting from R. Quirk and B. Strang, M. Rydén draws attention to the fact that despite the monumental works of such eminent linguists as T. Mustanoja (*A Middle English Syntax*, Helsinki, 1960) and F. Th. Visser (*An Historical Syntax of the English Language*, Leiden, 1963 - 1973) we are still far from a complete view of historical English syntax (Rydén, M., 1979, p. 33). There is as yet no OE equivalent of T. Mustanoja's ME syntax and

hardly any modern works on the syntax of the major 18th and 19th century authors, e.g. J. Swift. By way of criticism it should be pointed out that M. Rydén has overlooked the works of Soviet Anglicists (e.g. V. N. Yartseva, I. P. Ivanova, L. L. Iofik and others) in the field of historical syntax.

In recent decades there have not been any major discoveries or otherwise dramatic developments in historical English studies. A few minor texts have come to light (e.g. the pages found in 1982 of an early 8th century MS used as wrapping material for some 18th century documents). Archaeologists have been somewhat more fortunate in their work on early Anglo-Saxon and Scandinavian sites, but here, too, there has been nothing comparable to the finds on the site of the ship-burial made at Sutton Hoo in 1938 - 1939. Owing to the absence of any important new discoveries there have not been any really exciting reassessments or solutions of old problems.

On the other hand, quite a number of new ideas have been put forward in a variety of areas. Thus, the expedient periodization of HEL has been the subject of lively discussion. Proposals have been made to extend the EMOE period to 1700 (Ch. Barber, M. Görlach) or even 1750 (P. Nehls). In Roman Jakobson's opinion two periods should suffice to cover the whole of HEL, viz. Early English and New English (Jakobson, R., 1974).

With regard to the settlement history of Anglo-Saxon England M. M. Makovski (Moscow) maintains that the traditional classification of the West-Germanic invaders of Romanized Celtic Britain in the 5th-6th centuries and the geography of their distribution are in need of revision. According to Makovski the early invaders included some Bavarians and Alemannians (Маковский М. М., 1980).

In a number of papers and in his comprehensive "Principles of Diachronic Syntax" (Cambridge, 1979) the British linguist David W. Lightfoot has developed a new approach to diachronic syntax within the framework of N. Chomsky's "Extended Standard Theory" of transformational-generative grammar. Lightfoot introduces a so-called Transparency Principle (TP) supposedly inherent in languages that has the effect of changing a language at pressure points where the language reaches an intolerable degree of opaqueness and where communication across two adjoining generations is endangered.

Lightfoot does not confine himself to a discussion of English and reviews much past and current work in historical linguistics. There is no doubt that his approach is debatable, but at the same time his TP is a stimulating new view on what are the motive forces in language development (cf. A. Martinet's well known principle of economy; see also R. Lass, *On Explaining Language Change*, Cambridge, 1980).

Outstanding among recent investigations of historical phonology are the works of the Soviet Anglicists V.Y. Plotkin and A. Steponavicius, the Swede H. Kökeritz, the Dutch specialist A. A. Prins and the British scholar E.J. Dobson. The latter is known chiefly for his "English Pronunciation 1500 - 1700" (Oxford, 1957, 1968²). Although this has become a standard work, it has not supplanted W. Horn's and M. Lehnert's monumental "Laut und Leben: englische Lautgeschichte der neueren Zeit (1400 - 1950)" (Berlin, 1954). An attempt to trace the evolution of the Modern English vowel system (including the Great Vowel System) within the framework of generative grammar has been made by N. Chomsky and M. Halle in their "The Sound Pattern of English" (New York, 1968).

Recent advances in variation studies, sociolinguistics, pidgin and creole studies, and lexicography also have something to offer to the historian of English.

In his appendix to R. Berndt's "History of the English Language" (1982), Michael Benskin reviews the present state of ME dialectology. He refers to the comprehensive investigation of the period ca 1350 - 1450 being conducted at the University of Edinburgh by Angus McIntosh and his colleagues. McIntosh's "fit-technique" has made it possible to associate a large body of written materials with different parts of the country and will apparently entail the rewriting of a good deal of the history of the language (Berndt, R., 1982, p. 208). The publication of the results of the wide-ranging "Survey of English Dialects" directed by the late Harold Orton (Leeds) and, in particular, of the "Linguistic Atlas of England" (1978), likewise has important implications for historical research.

Work has continued on the great unsolved problem of the nature of the mechanism which initiated the development of OE into *EMoE*. During the 1970s it became likely that pidgin and creole studies may shed some light on the problem

(OE and Scandinavian contacts, etc.; see, e.g. Poussa, P., 1982).

Several recent lexicographical projects and publications deserve to be mentioned. The long awaited Supplement to the Oxford English Dictionary compiled under the editorship of R. W. Burchfield (3 vols. published in 1972, 1976, 1982, respectively) contains not only new words that have entered English in this century, but also a great amount of valuable etymological information. Several new etymological dictionaries, notably that of E. A. Klein (2 vols., Amsterdam-London-New York, 1966 - 1967), have come out in the past twenty years. "The Middle English Dictionary" launched by Hans Kurath and at present under the editorship of Sherman M. Kuhn, began appearing in 1954; it has now reached the letter O (Part M4 - Part O1 came out in 1980; Ann Arbor, Michigan University Press). Special mention should be made of "A Chronological English Dictionary Listing 80,000 Words in Order of their Earliest Known Occurrence" produced by Th. Finkenstaedt, E. Leisi and D. Wolff (Heidelberg, 1970). The result of a computer-assisted project, this dictionary provides answers that are relevant not only to HEL, but also to lexicology and cultural history in general.

The advent of the computer has produced a whole set of concordances of 19th - 20th century authors (see Mutt, O., 1982, p.54). In this connection OE and ME had been somewhat neglected until recently for the obvious reasons that their orthographies were not fixed, that there are a multitude of word-forms, and that there is often uncertainty about the best base text to use. Thus, we still lack concordances of Langland, Gower, Lydgate, the ME romances. The field of OE is by comparison better off owing to the publication of a concordance under the heading of "The Anglo-Saxon Poetic Records" (edited by J. B. Bessinger, Jr., programmed by P. H. Smith, Jr.; Ithaca and London: Cornell UP, 1978). This is part of an ambitious project involving the production of a complete concordance of OE verse and prose to be edited by R. L. Venezky in connection with the forthcoming "Toronto Dictionary of Old English". Marvin Spevack has edited a "Complete and Systematic Concordance to the Works of Shakespeare" (6 vols., Hildesheim, 1968 - 1970).

It is beyond the scope of this survey article to list, still less to discuss, the recent conferences at which proo-

lems of HEL have been dealt with. The revival of interest in historical linguistics in the late 1960s and early '70s led to the First International Conference on Historical Linguistics being held at Edinburgh in 1973. This has since been followed by four more international conferences (the Fourth split up with a conference on English historical linguistics taking place at Durham, England, in September 1979. The materials of these conferences have been published in their proceedings. The Sixth International Conference on Historical Linguistics is scheduled to be held at Poznan, Poland, in 1983 (organizer: Jacek Fisiak).

Although there is as yet no complete bibliography of the work done or currently in progress in English historical studies, some idea of the range of topics dealt with may be gathered from the lists of OE, ME and Chaucer research published annually by the journal "Neuphilologische Mitteilungen" (Helsinki). The series "Annual Bibliography on English Language and Literature" (Cambridge: Cambridge UP, 1921-), various general bibliographies such as "Linguistics and English Linguistics" (compiled by H. B. Allen, N. Y., 1979) are also useful. A comprehensive annotated bibliography of diachronic and comparative studies of English is being compiled under the direction of Otto Rietsch at Regensburg University (FRG).

x x
x

It is to be hoped that the preceding admittedly superficial and often subjectively coloured survey will nevertheless have convinced the reader that English historical linguistic studies are far from moribund and that the present Stand der Wissenschaft augurs well for the future.

References

- Berndt, R. A History of the English Language. - Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1982.
- Jakobson, R. Contrastive historical analysis and the chronological classification of English. - In: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna, 1974, pp. 186 - 199.

- Mutt, O. The Development of English Language Studies in the 16th-20th Centuries. Tartu, 1982.
- Poussa, P. The evolution of early Standard English: the creolization hypothesis - In: Studia Anglica Posnaniensia, XIV, 1982, pp. 69 - 85.
- Rydén, M. An Introduction to the Historical Study of English Syntax. - Stockholm Studies in English, LI. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979.
- Sampson, G. Schools of Linguistics. Competition and Evolution. - London: Hutchinson, 1980.
- Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? - М.: Наука, 1977.
- Будагов Р.А. К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. - Вопросы языкознания, 1981, № 2, с. 22-35.
- Маковский М.М. Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании. - М.: Высшая школа, 1980.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. - М.: Наука, 1969.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ (7): ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Олег Мутт

Р е з ю м е

В статье дается обзор более значительных результатов достигнутых за последние 20-25 лет в области изучения истории английского языка, приняты во внимание и новые учебники истории языка как в Советском Союзе, так и за рубежом. Указаны некоторые актуальные направления дальнейшей работы в области диахронического исследования английского языка.

ZU EINIGEN DURCH LABIALISIERUNG BEDINGTEN
VOKALVERÄNDERUNGEN IM BALTISCHEN MITTELNIEDERDEUTSCH

Lilia Otsmaa

Im Mittelniederdeutsch kann mundartlich e, i in geschlossener Silbe sowohl nach als auch vor einem Labial zu ö, ü labialisiert werden. Die ersten Belege von dieser Vokalveränderung stammen schon aus dem 13. bzw. 14. Jh., z.B. v ö f t t i c h < v e f t t i c h , s c h w ü m m e n < s w i m m e n , doch wird die Form erst ziemlich spät allgemeiner, und die e-Formen werden nie ganz durch die ö-Formen verdrängt (Lasch, 1914, 99-100).

Wie die Revaler Kanzleibücher zeigen, war auch im baltischen Mittelniederdeutsch der Wandel i > ü(u) im 14. Jh.[✱] in ersten Ansätzen vorhanden. Es gibt vereinzelte Belege für s ü l f < s i l f , s u l v e r ^{✱ ✱} < s i l v e r , t u s c h e n < t w i s c h e n und regelmäßig s ü s t e r (s u s t e r) < s w i s t e r . Es fehlen aber völlig die Belege für den Vokalwechsel e > ö (Lesthal, 1931, 5-8). Die Rundung e > ö setzt im baltischen Mittelniederdeutsch erst im 15. Jh. ein, wobei die ungerundeten Formen meistens noch in der Mehrzahl sind. So z.B. in den Eintragungen des "Revaler Pergament Rentebuchs" im 15. Jh.: souen < seven 'sieben' (Rb 308), offte < effte 'oder, ob, wenn' (Rb 301, 303). Vgl. aber auch: effte (Rb 261), seuentich 'siebzig' (Rb 269, 302), vefftich 'fünfzig' (Rb 310), fiff-tich (Rb 244) vgl. mnd. vif 'fünf'.

Nach Sarauw konnte die Labialisierung auch vor "nn" stattfinden (Sarauw 1921, 309). Vgl. rönne < renne 'Rinne' (Rb 263), zine ronnen (Rb 210). Aber: eyne renne (Rb 287).

Der Übergang i > ü, der im mnd. Sprachgebiet schon in der zweiten Hälfte des 14. Jh. im ganzen durchgeführt war (Lasch, 1914, 100), wird im 15. Jh. auch in der Revaler Kanzleisprache fast allgemein üblich, z.B.: suster (< as. swistar swestar) 'Schwester' (Rb 13, 314), zuster (Rb 93), sustere (Rb 301), susteren (Rb 277), susterstraten (Rb 277),

[✱] Vor dem 14. Jh. herrschte im Baltikum im schriftlichen Verkehr noch das Lateinische.

^{✱ ✱} Mit "u" und "o" konnten im Mittelniederdeutschen auch die gerundeten Laute [y] und [ø] bezeichnet werden.

sustercoppelen (Rb 92), twusschen 'zwischen' (Rb 263), tuschen (Rb 277), nummermer 'nimmermehr' (Rb 278), nummer mer (Rb 267), suluerne 'silberne' (Rb 319), suluersmyde (Rb 301), dat sulue 'das selbe' (Rb 306), de sulue (Rb 301), des suluen (Rb 315), der suluen (Rb 272), dem suluen (Rb 315), den suluen (Rb. 315), dar suluest 'daselbst' (Rb 282), sulffrechte (Rb. 321). Die ungerundeten Formen mit dem der Vokalveränderung ursprünglich zugrundeliegenden e-Laut, vgl. mnd. s e l f > s i l f > s u l f (Lasch, 1914, 86 - 87) treten nur ganz vereinzelt auf, z. B. den seluen (Rb 92), de seluen (Rb 107). Die e-Formen (s e l f, s e l v e) sind mnd. schriftsprachlich weit verbreitet (Lasch, 1914, 100). Der Sieg der ü-Formen in der Revaler Kanzleisprache spricht vom ostfälischen Einfluß auf das baltische Mittelniederdeutsch, denn das Ostfälische war das Zentrum für s ü l f (Lasch, 1914, 101).

Auch im 16. Jh. ist im baltischen Mittelniederdeutsch die Labialisierung e > ö, i > ü nicht völlig durchgeführt. Obwohl sich in den Talliner niederdeutschen Texten die Belege für ö, ü < e, i vermehrten, kommen jedoch immer auch Parallelformen vor, wo die Rundung der Vokale nicht eingetreten ist.

1. Die Rundung des e > ö tritt ein

a) zwischen zwei Labialen: voften (Gb 36), voflich (Gb 145), voffte (R 21), vöfftē (R 201), vofftich (R 3). Vgl. mnd. v ö f t e < v e f t e < v i f t e (Lasch, 1914, 86). Das Wort erscheint in den Kanzleibüchern auch ohne Rundung, z.B. veftich (Rb 385). Russow gebraucht dagegen ausschließlich nur die o-Formen. Für die im Ostfälischen und Nordniedersächsischen verbreitete Form s w ö m m e n < s w e m m e n 'schwimmen' (Sarauw, 1921, 304) gibt es in den Revaler Kanzleibüchern keine Belege. Auch Russow schreibt schwemmen (R III, 135). Zu s c h w e m m e n < s c h w i m m e n wird die Möglichkeit der Vermischung mit dem Kausativum angenommen (Lasch, 1914, 101). Daher auch vielfach schwache Konjugationsformen, z.B. im Water geschwemmet heben (R III, 155);

b) vor den Labialen v, f, m: söuen 'sieben' (Rb 358); souen (R III, 134, 147), de söuende 'der siebente' (R 226), de Söuende (R 22), int Söuende (R 62 b), söuentich (R 85). Nach A. Lasch blieb hier noch lange nach dem Erscheinen der ersten ö-Formen (im 13. Jh.) die schriftsprachliche Schreib-

bung mit "e" beliebt (Lasch, 1914, 103). Bei Russow gibt es jedoch keine Beispiele für die e-Schreibung. "Söven, söven-tich" in der Chronik weist auf den nordsächsischen Einfluß hin (vgl. Sarauw, 1921, 304).

Wahrscheinlich im Anschluß an s ö v e n erschien im Mnd. schon früh auch s ö s, s ö s t i c h 'sechs, sechzig' (Lasch, 1914, 103). Auch Russow gebraucht nur die gerundeten Formen: sös, söb (R. 42b, 86), de söste, thom sösten, Thom sösten (R 22, 179), söstich (R III 137). ofte 'oder' (Gb 44), offte 'ob, oder' (Rb 335, 350). Selten auch die e-Schreibung: effte (Rb 374, Gb 22). Bei Russow aber nur efft (R 68, 144) effte (R 88b, 185b). Einmal: Ifft (R 88).

ö < e infolge der Labialisierung durch m erscheint in: schlömen (< schlemmen) '(ver)prassen' (R. III 42). Daneben aber auch die e-Schreibung: tho supende vnde tho schlemmen-de 'zu saufen und zu schlemmen' (R III 97). fromtt 'fremd' (Gb 65), fromden (Gb 27), (Gb 27), esz bo-frombde 'es befremde!' (Gb 142), frömbden (R 4b, 131b), frömbder (R 90). Vereinzelt ohne Rundung: frembd (Gb 26, Bb 60), frembden (R III 142). Die Form mit Rundung hat sich später fast im ganzen niederdeutschen Sprachgebiet verbreitet (Sarauw, 1921, 303).

genömet 'genannt' (Gb 249), genomet (Gb 279, Rb 330), vorbonompten, vunderbonompten (Rb 46). Auch bei Russow: genömet (R XIII) benömede (R 1). Vgl. as. nemnian.

Während die Rundung im baltischen Niederdeutsch bei "nömen" völlig durchgedrungen ist, herrscht bei "nömlick" 'nämlich' noch Schwanken: nomlich (Gb 277), nomlick (Gb 43), nömliken (R 42), nömlike (R 76). Aber: nemliken (Rb 336, 364), nemblich (Rb 67, 85). Die mnd. übliche Form war nemelik(en) (Schiller-Lübben, 171). Die gerundete Form "nömliken" fand sich im Nordniedersächsischen (Sarauw, 1921, 304).

c) in unbetonter Stellung vor Labial. Die Rundung zeigten vor allem die Pronominalformen eme : öme (Sarauw, 1921, 306), Dementsprechend entstanden auch ene : öne, en : ön, ere : öre usw. (Lasch, 1914, 103). Die gerundeten Formen haben sich besonders im Ostfälischen durchgesetzt (während auf dem übrigen mnd. Gebiet die e-Formen vorherrschen (Sarauw, 1921, 306; Lasch, 1914, 216). Auch die mnd. Texte in Tallinn zeigen im 16. Jh. vorwiegend die e-Formen: em (Rb 332, 340), eme

(Rb 333), en 'ihn' (Rb 391), ene (Rb 383), ere (Rb 333), eh-
nen 'ihnen' (Bb 61, 62), ehre (Bb 61, 67), erem (Rb 334).
Vgl. aber auch ohne 'ihm' (Gb 200), ohn 'ihn' (Gb 254), ohn
(Gb 284), ohnen 'ihnen' (Gb 263), ohne 'ihre' (Gb 172, 183),
ohren (Bb 76, 85), wo die Rundung auf das Ostfälische hin-
deutet. Russow, der sich der mnd. Schriftsprache bediente,
schreibt ausschließlich nur "e": em (R 6, 19), eme (R 3, 53),
en (R 7, 99), ene (R 20b, 94), er 'ihr' (R 39), ere (R 5b).

d) auch vor "nn" (wie schon im 15. Jh. in Tallinn), vgl.
ronnespel 'Remmspiel' (R 25).

e) nach Labial neben "r" (Lasch, 1914, 101). Belegt nur
in einer Wendung im Revaler Geleitsbuch: in flocken vnd fhor-
den gewesen (Gb 132), in flocken vnd fhoren gewesen (Gb 215)
'bei einer Handlung als Täter mitbeteiligt sein'. Vgl. mnd.
in vlocke und verde sin (Schiller-Lübben 278). Sonst stehen
vor "r" immer die e-Formen, z.B.: man ... schwere 'man ...
schwöre' (Bb 60), swerende (Rb 357), schweren (R 84b).

f) Die vornehmlich im Ostfälischen und Nordniedersäch-
sischen verbreitete Rundung e > ö nach Labial vor l+Labial:
t w ö l f < t w e l f (Lasch, 1914, 100) ist in Tal-
linn nicht durchgedrungen: vgl. twelfften (Rb 156), twelff
(R III 138).

g) Im Mnd. gibt es vereinzelte Belege für e > ö hin-
ter Labial, z. B. w o k e < w e k e (Lasch, 1914, 103).
In Tallinner nd. Texten finden sich nur die ungerundeten For-
men: mideweke 'Mittwoch' (Gb 76), des midweekens, des mid-
dewekeß, (Rb 336, 385); Weken (R III 138).

2. Die Rundung des i > ü ist im 16. Jh. im baltischen
Mittelniederdeutsch fast vollkommen durchgedrungen. Der Über-
gang i > ü tritt regelmäßig ein

a) vor inlautendem -lv-:

de sulue 'derselbe' (Rb 331, 332), des suluen (Rb 345), deme
suluen (Rb 336), De sulueste (Rb 381), demsuluesten (Gb 38),
densuluigen (Bb 61), suluestenn (Bb 46), darsuluest (Bb 59,
62); sülen (R 76), sülest (R 1), dath süluige (R 1), der-
süluigen (R 77).

Aus den Inlautsformen mit -lv- (de s ü l v e) dringt
ü in die einsilbige Form s ü l f (Lasch, 1914, 100). So
auch in Tallinn: sulff (Gb 35), sulft (Gb 26), sulf (Gb 47),
sülff (R 185b), sülff (R III 137). Nach Lasch war das Zent-
rum für s ü l f das Ostfälische (Lasch, 1914, 101). Wäh-

rend Russow die ü-Formen gebraucht, kann man im Geleitsbuch in den 40er Jahren des 16. Jh. auch die mnd. schriftsprachlich weit verbreiteten e-Formen beobachten, z.B. in dem selbigen dorpe, vth dem selbigen dorpe (Gb 101), desselbigen (Gb 101), darselbst (Gb 103), desselbigen (Gb 111), demselben (Gb 128), daselbs (Gb 137). Später überwiegen wieder die ü-Formen. Rundung des i vor -lv- zeigt regelmäßig auch s ü l v e r < s i l v e r: 60 mrk suluers (Rb 377), suluerwerck (Rb 374), en suluer breBe (Rb 370), Suluer (R 46b, 66), Suluer (R III 143).

b) Der Wandel ü < -wi- tritt im baltischen Mittelniederdeutsch im 16. Jh. (wie schon im 14. und 15. Jh.) nur in s ü s t e r und t ü s c h e n auf: suster (Rb 334), thon susteren (Gb 67), susterkloster (Gb 37), süster (R 120), süsteren (R 132), Süstern (R 45b).

Im baltischen Mittelniederdeutsch ist s ü s t e r die ausschließlich herrschende Form. Bei vereinzelt auftretendem s c h w e s t e r, vgl. S c h w e s t e r (R 92b, 94b), schwester (Gb 309) handelt es sich um eine hochdeutsche Entlehnung. Dagegen hat t ü s c h e n in Reveler Kanzleibüchern (wie auch sonst im Mittelniederdeutschen) stets die Parallellform t w i s c h e n neben sich, vgl. t u s c h e n (Gb 37, 39), twuschen (Gb 105, 126), tuschen (Rb 349), aber: twischen (Gb 188, 259). Bei Russow nur twisschen (R 23, 33 ff). Seit den 80er Jahren dringt in Tallinn allmählich die hochdeutsche Form z w i s c h e n ein, vgl. zwischen (Gb 273).

Aus den obigen Anführungen wird ersichtlich, daß die Rundung des e, i neben bestimmten Konsonantengruppen in Tallinn etwa um ein Jahrhundert später einsetzte und langsamer fortschritt als in der alten Heimat, so daß der Kampf zwischen verschiedenen Parallellformen auch im 16. Jh. noch nicht entschieden war. Die späte und unkonsequente Durchführung der Labialisierung im baltischen Mittelniederdeutsch wird sich wohl auf die unterschiedliche Herkunft und infolgedessen auch auf den unterschiedlichen Sprachgebrauch der deutschen Kolonisten im Baltikum zurückführen lassen.

L i t e r a t u r

Lasch, A. Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle a. S., 1914.

Lesthal, R. Die Revaler Kanzleisprache im XIV. Jahrhundert.

Diss. Tartu, 1931.

Sarauw, Chr. Niederdeutsche Forschungen I - Det Kl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser V₁. København, 1921.

Schiller, K., Lübben, A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch.

B.I-VI. Bremen, 1875-1881.

...

Das Revaler Bürgerbuch 1409-1624. Hrsg. von O. Greiffenhagen.

Reval, 1932.

(Bb)

Das Revaler Geleitsbuch 1515-1616. I. Teil. Hrsg. von N. Es-

sen, P. Johansen. Tallinn, 1939.

(Gb)

Das Revaler Pergament Rentebuch 1382-1518. Hrsg. von A. Plaes-

terer. Tallinn, 1930.

Chronica Der Prouintz Lyfflandt... Korth vnde loffwerdich beschreuen Dorch Balthasar Russouwen Revaliensem. Ros-
tock ... Anno M.D.L. XXVIII

(R)

Balthasar Russow's Chronica der Prouintz Lyfflandt in erneuertem Wiederabdrucke, mit Wörterbuch und Namenregister versehen. Riga, 1857.

(R III)

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ГЛАСНЫХ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ
ЛАБИАЛИЗАЦИЕЙ В ПРИБАЛТИЙСКОМ СРЕДНИНЕМНЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ

Л. Отсмаа

Р е з ю м е

В статье показывается, что характерная для диалектов средненижненемецкого языка палатализация $e > o$, $i > u$ в прибалтийском средненижненемецком языке стала развиваться около ста лет позднее и проходила менее последовательно, чем на основной территории средненижненемецкого языка. Так что еще в 16 в. Прибалтике употреблялись фонетические варианты с i / \ddot{u} и e / \ddot{o} . Причиной этого явления можно считать неоднородность этногенеза колонистов Прибалтики, что препятствовало образованию единообразного произношения.

МОРФОНОЛОГИЯ В ПАРАДИГМАТИКЕ ГЕРМАНСКОГО ГЛАГОЛА (ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Ю. Г. Панкрац

В то время как анализ данных морфологического уровня широко использовался в целях типологического исследования языков мира, привлечение данных морфонологического порядка к типологической характеристике языков больше постулировалось целым рядом исследователей, чем применялось на практике. Лишь в немногочисленных работах самого последнего времени наблюдается попытка использования сведений морфонологического порядка в типологии.

Подчеркивая значение морфонологических характеристик для типологического описания языков, Н. С. Трубецкой предполагал, что при установлении языковых типов с морфонологических позиций как раз и откроется возможность для создания рациональной типологической классификации языков земного шара (Трубецкой, 1967, II8).

В настоящей статье делается попытка выявить круг морфонологических характеристик, релевантных для определения типологического статуса современных германских языков. Сразу отметим, что функционирование некоторых морфонологических характеристик в германских языках если и было объектом исследования, то в основном велось только с историко-типологических позиций.

Методика морфонологического анализа, осуществляющегося в настоящей статье, сообразована с пониманием морфонологии как особого раздела языкознания, связанного с изучением всех случаев значащего варьирования морфов в составе морфемы, когда само варьирование части формы (морфемы) выступает в качестве средства передачи той или иной морфологической информации (Макаев, Кубрякова, 1972, 7). Основным понятием является здесь понятие альтернирующей морфемы как единицы, функциональная нагрузка морфов которой определяется соответственно их участием в той или иной парадигме и тех или иных парадигматических объединениях. При этом состав альтернирующей морфемы описывается, с одной стороны, с помощью представления переменных этих морфов в виде альтернативного ряда, отражающего субстанциональную фонологическую (в нашем случае – вокалическую) сущность изучаемого явления, с

другой стороны, в виде набора морфов, соотнесенных с той позицией, которую каждый из них занимает в определенной парадигме. Это и обеспечивает описание грамматических ролей морфов, то есть их функций.

Соотнесение субстанционального и функционального начал морфонологических характеристик позволяет положить эти постоянно коррелирующие признаки в основу выделения типов парадигм, маркированных морфонологическими явлениями, и установить конечное число этих парадигм в каждом германском языке и их специфику. Это, в свою очередь, позволяет описать более подробно модели синтеза форм в парадигмах, построенных с помощью альтернирующих морфем. При этом представление морфонологических явлений в виде серий обобщенных динамических моделей, обеспечивающих воссоздание процесса синхронного конструирования всех словоформ одной парадигмы, дает возможность выведения правил выбора определенного морфа из нескольких морфов одной морфемы и тем самым предсказания правильного облика соответствующей словоформы.

Объектом исследования в статье являются фонологические и грамматические системы пяти германских языков (английского, немецкого, нидерландского, исландского и датского), изучение которых позволяет выделить морфонологически маркированные области в парадигматике такой кардинальной части речи как глагол. Исследование проводится на материале корневых (неаффиксальных) морфем, представленных альтернирующими морфемами, и ограничивается анализом вокалических чередований, поскольку, как убедительно продемонстрировали Э.А. Макаев и Е.С. Кубрякова, важной типологической чертой германских языков является затронутость морфонологическими чередованиями преимущественно корневых морфем, с одной стороны, и преобладание чередований вокалического характера, с другой (Макаев, Кубрякова, 1977, 80-81).

При описании особенностей глагольной парадигматики используется понятие больших и малых парадигм глагола. Если во всех формах большой парадигмы наблюдается один-единственный морф, она рассматривается как морфонологически немаркированная и не подлежащая нашему анализу. Напротив, если в строении форм большой парадигмы принимают участие два и более морфов одной морфемы, она считается морфонологически маркированной и подлежащей дальнейшей классификации как по числу представленных в ней морфов одной морфемы, так и по их аранжировке (распределению) в составе малых парадигм. Для

каждого из изучаемых германских языков оказывается возможным представить картину морфонологически маркированных участков в глаголе путем описания наблюдающихся в нем типов морфонологически маркированных парадигм и наглядного изображения последних в виде особых морфонологических моделей. Для решения этой задачи потребовалось изучить особенности синхронного конструирования всех глагольных форм во всех рассматриваемых языках и обобщить данные такого анализа, классифицируя типы спряжения глагола не столько по типу представленных в них флексий, сколько по типу и характеру наблюдаемых здесь морфонологических оппозиций.

Общим итогом такого сопоставления можно считать вывод о том, что для синхронного функционирования морфонологически маркированных глаголов существенна не столько их диахроническая характеристика — исконная принадлежность к классу сильных, слабых или же претерито-презентных глаголов, сколько следование определенной морфонологической модели с фиксируемыми ею правилами преобразования морфов одной морфемы в определенных морфонологических позициях, то есть следование заданной схеме варьирования переменных частей морфа в одном альтернативном ряду. Именно в этом и проявляется известная самостоятельность морфонологических характеристик и логически связанная с этим обстоятельством возможность уточнить грамматическое описание глагола, введя в него морфонологические критерии и положив в основу моделирования вместе с критериями морфонологическими критерии морфонологические.

В ходе установления морфонологических характеристик и определения их функциональной нагрузки в области глагольной парадигматики у рассмотренных германских языков выявились следующие особенности.

Вопреки широко укоренившемуся мнению о том, что во всех германских языках противопоставление сильных и слабых глаголов осуществляется за счет выражения значений претерита либо морфонологически (ряды аблаута), либо дентальными суффиксами, но без морфонологии, подобные принципы дифференциации играют свою определенную роль далеко не во всех германских языках. Для большинства из них характерно скорее не столько противопоставление слабых и сильных глаголов, сколько противопоставление сильного двум подклассам слабых глаголов, из которых один тоже включает глаголы с альтернативой гласной корня. Так, в исландском языке морфонология маркирует большой класс глаголов, включающий и сильные, и слабые,

и претерито-презентные. В английском языке глаголы, входящие в группу "и с чередованием, и с дентальным формантом", составляют примерно одну четверть общего числа глаголов, маркированных альтернативой корневой гласной. Таким образом, налицо факт выхода морфонологии за сферу собственно сильных глаголов.

Существенные изменения произошли и в самом сильном глагоде. Его морфонологические характеристики, некогда обусловленные системой аблаута и поэтому четырехпозиционные, теперь выступают в одних языках как более сложные (в исландском и немецком), в других - как более простые (в английском и датском). Очевидно, только в нидерландском языке сохранено противопоставление форм глагола по четырем позициям. Наблюдаемое в английском и датском языках упрощение может быть связано с общей деморфологизацией, то есть устранением тех или иных морфологических категорий, системы глагола. В исландском же и немецком языках вся тяжесть противопоставления разных типов больших парадигм в синхронии перенесена с типичного для аблаута четырехпозиционного ряда на более сложные по своей аранжировке семи- и шестичленные объединения.

Объясняется это, по нашему мнению, тем, что по своему субстанциональному заполнению многие альтернативные ряды этих языков органично сочетают чередование по аблауту с более поздними чередованиями по различным типам умлаута и преломлению и что с чисто синхронной точки зрения часто одни не отличимы от других. Именно это подтверждает вывод о том, что большие парадигмы глаголов исландского и немецкого языков дифференцируются прежде всего по самим представленным в них моделям альтернативных рядов. Составные же компоненты этих рядов, "выдающие" их историческое происхождение и свидетельствующие об их принадлежности к тому или иному ряду аблаута, уже перемешаны в синхронии с чередованиями другого типа. Перед нами морфологические системы, мощно поддерживаемые морфонологическими факторами, которые несмотря на их гетерогенность и гетерохронность объединены тем не менее в единую морфонологическую систему.

Адекватное описание формообразования германского глагола без морфонологического анализа невозможно и потому, что морфонологически маркированные глаголы - несмотря на казалось бы их небольшой удельный вес (от 106 в датском до 296 в исландском языке) - занимают тем не менее особое место в

грамматических системах каждого отдельного языка. Это обуславливается фактором^{*} частотности их употребления, наличием большого количества префиксальных производных, построенных на их базе, активным участием основ этих глаголов в сфере словообразования, возможностью использования этих глаголов с постпозитивными частицами (наречиями), а также полисемией этих глаголов и т.д. и т.п.

В итоге общим для всех германских языков является наличие класса глаголов, в формообразовании которых участвуют альтернирующие корневые морфемы, ибо здесь, как и прежде, морфонологические явления маркируют всю область сильного глагола. Общим является также и то, что морфонологические характеристики, участвуя в маркировании основных грамматических категорий рассматриваемых германских языков, нередко морфологизируются, то есть повышаются в ранге, превращаясь по сути дела в самостоятельное морфонологическое средство выражения грамматических значений, параллельное флексии или форманту и функционально им изоморфное. В этой функции морфонологические явления выступают наиболее часто в оппозициях презенса претериту, а внутри претерита в оппозициях индикатива конъюнктиву. Но более обычная функциональная нагрузка морфонологического явления иная: маркирование классной или категориальной принадлежности формы, участие в создании грамматического противопоставления форм по тому или иному грамматическому признаку (типам склонения или спряжения, например), иными словами, организация расподобления, дифференциации классов форм внутри определенного парадигматического объединения или объединений. Эти функции могут быть определены прежде всего как системные и классифицирующие функции. Такого рода функции морфонологических характеристик характерны для всех германских языков. Однако по затронутости альтернациями сильных и слабых классов глаголов, по количеству альтернативных рядов и моделей, то есть типов парадигм, по числу позиций в большой парадигме, а также морфов, используемых в формообразовании глагола, по удельному весу самих морфонологически маркированных глаголов, а главное, по сложности моделирования последних, германские языки существенно различаются.

^{*} Подробнее о некоторых из этих факторов см. (Андреев, 1955, 153-225).

Более того: даже внутри разных классов глаголов одного языка имеют место разные принципы моделирования. Так, с одной стороны, в исландском языке и в сильном, и слабом глаголе морфология участвует в маркировании одних и тех же грамматических категорий: лица, числа, времени и наклонения. С другой стороны, в сфере сильного глагола чаще других маркируется противопоставление по числам, а главное по лицам. Кроме того, сами принципы моделирования форм сильного глагола представляются отличными от принципов моделирования слабых глаголов не столько в силу своих морфологических особенностей, сколько в силу поразительного отличия в технике моделирования альтернативного ряда. Если внутри парадигм слабого глагола преобладают бинарные (двуучленные) альтернативные ряды (их 14 по сравнению с 6 тернарными), то в сильном глаголе, напротив, в 25 моделях, включающих 44 альтернативных ряда, бинарный ряд только один, тернарных — 10, зато многочисленных (от 4 до 7) — 33.

Следует отметить и различия в моделировании морфологически отмеченных глагольных форм в разных языках. Так, при анализе сильного глагола немецкого языка по сравнению с исландским у первого следует отметить несколько важных обстоятельств, свидетельствующих об общем упрощении морфологических признаков в системе сильного глагола. Это прежде всего сокращение числа противопоставленных морфологических позиций по сравнению с исландским языком (с 7 до 6), сокращение числа моделей (с 25 до 11), сокращение максимально возможного числа морфов, принимающих участие в построении форм одного глагола как в большой парадигме (с 7 до 5), так и при противопоставлении любых двух малых парадигм (с 5 до 3). В целом, следовательно, при примерно равном количестве сильных глаголов и в том, и в другом языке (175 — в исландском, 173 — в немецком) удельный вес морфологических явлений заметно падает в немецком языке.

В свою очередь, наличие в немецком языке 7 слабых глаголов с чередующейся гласной (в исландском — 121), только одного альтернативного ряда (в исландском — 13) и одной модели (в исландском — 11) — все это свидетельствует о значительно меньшем удельном весе морфологических характеристик в немецком языке по сравнению с исландским и в сфере слабого глагола.

В то же время при сопоставлении исландского и немецкого языков с другими германскими языками становится очевид-

ным, что в последних имеет место сокращение: а) числа моделей (с 36 - в исландском и 12 - в немецком - до 4 - в нидерландском и 3 - в датском и английском); б) количества позиций (с 7 и 6 до 3); в) длины альтернативного ряда, то есть максимально возможного числа морфов, принимающих участие в построении форм одного глагола как в большой парадигме (с 7 и 5 до 3), так и при противопоставлении любых двух малых парадигм (с 5 и 3 до 2).

Таким образом при анализе глагольной парадигматики выявилось с полной очевидностью, что типологический статус морфонологии в отдельных германских языках нетождественен и что отход от того состояния, которое теперь демонстрируется одним исландским языком, может быть интерпретирован как процесс рецессии морфонологических признаков, охватывающий современные германские языки в разной мере, в разных участках и с разными последствиями. В то же время и интенсивность этого процесса, и черты его своеобразия в каждом из рассматриваемых языков могут быть объективно измерены и оценены как по их роли внутри системы отдельно взятого языка, так и по их сравнению с тем, что мы обнаруживаем в языке, принятом за эталон описания, то есть в исландском языке.

Это важнейшее положение можно интерпретировать и как доказательство самого существования ингерентной связи между типом языка и сложностью его морфонологической системы, и как довод в пользу того, что при радикальном изменении удельного веса морфонологических явлений в парадигматике языка также радикально преобразуется тип языка, и, наконец, как аргумент в защиту той точки зрения, что размещение отдельных германских языков на типологической шкале теснейшим образом связано не только с морфологическими характеристиками этих языков, но и с признаками собственно морфонологическими. Рецессивность морфонологических признаков - столь же существенная типологическая черта в арсенале германских языков, сколько отмечаемая рядом исследователей рецессивность морфонологических признаков /Кубрякова, 1970/.

Под рецессивностью здесь понимается постепенное, градуальное снятие морфонологических явлений, ослабление их маркирующих функций, редукция типов представленных альтернатив, затронутость морфонологическими явлениями все меньшего количества грамматических оппозиций. Рецессивность этих признаков означает также, что все перечисленные процессы можно наблюдать не только в истории отдельно взятых герман-

ских языков, но и в синхронии. Каждый германский язык может рассматриваться с синхронной точки зрения как отражающий разные типологические позиции на единой шкале, фиксирующей рецессию признаков по всем указанным направлениям.

Все данные нашего анализа могут быть представлены в виде единой сводной таблицы, позволяющей установить среднее количество альтернативных рядов, реализуемых в пределах одной морфонологической модели; а также выявить специфику каждого из рассматриваемых языков по таким параметрам,

Таблица I

Языки	Кол-во моделей	Кол-во позиций	Кол-во альтер- национ. рядов	Длина аль- терн. рядов	Кол-во мор- фонолог. терн. маркиров. глаголов	Среднее кол-во альтерна- тивных рядов на модель
Исландский	36	7	64	от 2 до 7	296	2
Немецкий	11	6	28	от 2 до 5	180	2,5
Нидерландский	4	3	30	от 2 до 3	193	7,5
Датский	3	3	30	от 2 до 3	106	10
Английский	3	3	36	от 2 до 3	119	12

как общее количество морфонологических моделей, общее количество морфонологически маркированных глаголов и т.п. Этот показатель может рассматриваться в качестве рабочего индекса, характеризующего степень упорядоченности морфонологической системы в каждом сопоставляемом германском языке.

Мы отдаем себе отчет в том, что этот индекс, вычисленный только на материале глагольного формообразования, может обладать лишь относительной значимостью для определения типологического статуса сопоставляемых языков как в силу невозможности его соотнесения с аналогичным индексом в других индоевропейских и неиндоевропейских языках, так и в силу того, что даже внутри германской группы языков этот индекс характеризует только глагольную парадигматику. Вместе с тем, по нашему мнению, этот рабочий индекс способствует более точной и обоснованной классификации германских языков, в которой за эталон описания принят исландский язык и который поэтому характеризует все прочие германские языки по степе-

ни отклонения от этого эталона на градуальной шкале морфонологических признаков.

По морфонологическим критериям в германском ареале противопоставляются 3 группы языков: языки со сложно-развитыми морфонологическими системами (исландский и немецкий); языки с относительно слабо-развитыми морфонологическими системами (датский и английский)* и языки промежуточного типа (нидерландский). Однако, как показывают данные сводной таблицы I, "расстояние" от одного языка до другого неодинаково. Если расположить языки на одной шкале и взять за основной параметр при их сопоставлении среднее количество альтернативных рядов, приходящихся на одну модель, германские языки распределяются следующим образом:

	Исл. Нем.		Нидерл.	Датск.	Англ.
0	2	2,5	7,5	10	12

Интересно отметить, что обнаруженные морфонологические особенности германских языков в общем коррелируют с расхождениями в типологическом статусе этих языков, установленными на основе морфологической классификации и исчисления морфонологических индексов (подробнее см. Кубрякова, 1970, 175-181). Одновременно с этим они способствуют уточнению и более строгой дифференциации этих данных, поскольку, хотя морфонологические явления и продолжают расподобление грамматических классов, начатое на собственно морфологическом уровне, они еще больше детализируют уже существующие классификации, нередко организуя свои собственные типы парадигм. Это особенно очевидно в языках с развитыми морфонологическими системами, однако организующее начало морфонологии в принципе ощущается и там, где морфонологические модели включают в сферу своего действия достаточно представительное число единиц.

Логическим следствием приведенного наблюдения является вывод о том, что принципы описания языков с разной степенью участия в их грамматических системах морфонологии должны

* Без сомнения, к этой же группе можно отнести и язык африкаанс, в котором "... морфонологическое различие между сильными (неправильными) и слабыми (правильными) глаголами почти полностью утрачено в связи с отмиранием сильной и слабой форм простого прошедшего времени и выравниванием корневого гласного в причастии II сильных глаголов по гласному инфинитива и формы настоящего времени /Миронов, 1969, 74-75/.

быть неодинаковыми: с тем, чтобы отразить нетождественную роль морфонологического компонента в системах этих языков. Чисто практически это означает, что в языках с развитыми морфонологическими системами описание морфонологии должно занять гораздо большее место по сравнению с тем, которое ему отводилось в традиционных описаниях. Заключение о необходимости учитывать степень развития морфонологической системы в отдельно взятом языке согласуется с выводами тех исследователей, которые подчеркивали целесообразность применения видоизмененной методики при описании языков с развитыми или же слабо развитыми морфонологическими системами (см. Серебренников, 1976, 39).

Следующим следствием противопоставления указанных германских языков по всем выделенным нами параметрам является еще один важный вывод, касающийся рационального представления всей морфонологически маркированной системы формообразования глаголов в исландском и немецком языках не путем перечисления всех чередующихся морфов одной морфемы при соответствующем глаголе, а простым указанием номера модели при каждом инфинитиве. При этом корневая гласная последнего в этих языках принимается за исходную, то есть ту, по которой и происходит выбор (узнавание) определенного альтернативного ряда в рамках соответствующей модели.

Иной подход к другим германским языкам. В связи с общей деморфологизацией в системе глагола нидерландского, датского и английского языков, более или менее полная элиминация категорий лица, числа и некоторых других категорий приводит к сокращению тех морфологических позиций, которые были некогда противопоставлены с помощью флексий, чередований или с помощью того и другого одновременно. Более того: моделирование в этих языках трудно признать регулярным еще и потому, что каждая из трех, а в нидерландском — из четырех моделей, реализуется с точки зрения ее фонологической субстанции значительным количеством альтернативных рядов, причем часто с идентичными исходными членами последних. Все это не позволяет в противоположность исландскому и немецкому языкам использование выделенных моделей для более рационального лексикографического представления всей морфонологически маркированной системы глагольного формообразования в этих языках.

Л и т е р а т у р а

- Андреев Н. Д. Внутренняя флексия в глагольной системе германских языков: Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1955.
- Кубрякова Е. С. Морфологическая структура слова в современных германских языках. - В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
- Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. Отличительные черты морфологии германских языков с историко-типологической точки зрения. - В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972.
- Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. Диахроническая морфология древних германских языков. - В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977.
- Миронов С. А. Язык африкаанс. - М.: Наука, 1969.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974.
- Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфологии. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

MORPHONOLOGY IN THE SYSTEM OF THE GERMANIC VERB (A TYPOLOGICAL ASPECT)

Yurie Pankratz

S u m m a r y

The article deals with the analysis of the morphological characteristics which are relevant in the typological description of the Germanic languages. The material has been taken from the German, English, Dutch, Icelandic and Danish languages.

The confrontation of substantial and functional sides of morphonological characteristics gives the possibility to distinguish different types of paradigms of the verb, which are morphonologically marked in the languages under consideration. It is shown that there is a connection between the type of a language and the complexity of its morphonological system. From the point of view of morphonology three groups of languages are distinguished: Icelandic and German (the first group), Dutch (the second group), English and Danish (the third group).

INTERLINGUAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING
ENGLISH NOUN PHRASES INTO ESTONIAN

Ann Pikver

Both in English and Estonian the noun phrase (NP) consists of an obligatory head which can be optionally premodified and/or postmodified. Just as the sentence can be very long and complex, so can the NP. In the present paper an attempt has been made to describe one type of the English NP, namely NP-s with postposed infinitival modifiers, and to suggest the possible Estonian equivalents.

The most common type of postposed modification in English NP-s is the use of prepositional phrases (Quirk, R., Greenbaum, S., 1974, 388), whereas in Estonian the predominant type of postmodification seems to be the modification by means of finite clauses. Infinitival modification can be used in both languages but, as we shall try to show below, the semantic scope of the English attributive infinitive differs considerably from that of in Estonian.

In English practically any member of the class of nouns can have an infinitival modifier. Still, some grammarians have expressed the view that nouns modified by the infinitive must be related either to verbs or adjectives (Close, R. A., 1979, 76 - 77). Although this observation is true of many nouns which have infinitival modifiers, it cannot be said about all possible instances. The infinitive which can be described as the equivalent of a relative clause can be used as an adjunct to nouns which have no corresponding verbs or adjectives (Hornby, A. S., 1975, 113).

The meanings of the attributive infinitive are varied in English, including the use of the infinitive in its original force, i.e. as a prepositional phrase with the literal meaning of the preposition to denoting purpose or direction (Curme, G. O., 1955, 132). According to the most of grammarians the infinitive used with a noun often acquires a modal meaning, expressing mainly the idea of necessity or possibility. In some sentence patterns the infinitive denotes a potentiality of action on the part of the noun (Gordon, E. M., Kril'ova, I. P., 1973, 101 - 104). In general, it is typical of the infinitive to express futurity, i.e. an unaccomplished action. The use of the infinitival modi-

fier with the meaning of an appositive is lexically restricted to a comparatively small group of abstract nouns which need the infinitive to disclose their exact meaning (Gordon, E. M., Krilova, I. P., 1973, 100 - 101; Leech, G., Svartvik, J., 1975, 270). In quite a lot of cases, however, all these separate semantic functions of the infinitive seem to merge into one another and it becomes difficult to define the exact meaning of the form.

In the NP the infinitive, as a rule, occupies the post-head position. It can be used as a premodifier only as a part of a modifying group (e.g. a never-to-be-forgotten day). The use of the infinitive as a postmodifier is fairly frequent, its average frequency of occurrence amounts to 35.78 instances on 100 standard pages (Turbová, M., 1978, 199).

As we noted earlier, the infinitive can appear as a part of the NP in the Estonian language as well. Out of the two infinitives only one, the da-infinitive combines freely with nouns, the ma-infinitive can co-occur only with a limited range of head nouns (Mihkla, K., Valmis, A., 1979, 108). The infinitive in the Estonian NP can occupy both pre-head and post-head positions. Some of the basic meanings of the attributive infinitive coincide both in Estonian and English. Thus, in Estonian the infinitive (mainly the da-infinitive) may also serve to explain the meaning of its head noun, i.e. it can have an appositive meaning (e.g. vajadus suhelda, soov tantsida). It should be pointed out, however, that in case of such similar grammatical meanings the lexical constraints on the use of modifiers and traditional word collocations can be different in the two languages (cf. kartus eksida - fear for losing one's way, his claim to know the answer - ta väide, et teab vastust). Moreover, there are several characteristic uses of the attributive infinitive in Estonian (esp. the ma-infinitive) not to be found in English.

Attributive infinitives represent rather a heterogeneous class of modifiers in English and in their description some kind of classification is necessary. The best available treatment of the infinitival modification in the English NP is M. Turbová's work (1978) which is based on I. Poldauf's conception of the modality of the infinitive and his distinction between two types of attributive infinitive - the first qualifying the noun as a whole, the second referring to the verbal idea contained in the head noun. In the following analysis M. Turbová's

classification with some slight modifications will be applied by us. According to M. Turbová, infinitive modifiers fall into four types. In Type I the infinitive qualifies a noun as a whole. In this type various shades of modality of infinitive action can be distinguished. The infinitive indicates that the object denoted by the head noun is worthy of, suitable to, intended or meant for, liable to do or be something. In Type II the infinitive refers to the verbal idea considered an essential constituent of the meaning of the head noun. The nouns capable of being modified by such attributive infinitives fall into three groups: the nouns denoting will, possibility and necessity. The use of this type of infinitival modification is lexically restricted. Type III contains infinitive problem clauses in which the infinitive is preceded by 'what' or 'how' and whose use is likewise restricted. In Type IV the infinitive qualifies a noun preceded by a premodifying adjective, numeral or pronoun. From the semantic point of view the relation between the infinitive and the premodifier is closer than that between the infinitive and the head noun (op. cit., 192 - 193).

The material for analysis in the present paper consists of 260 interlingual pairs of NP-s collected from works of fiction originally written in English and translated by native Estonian speakers*. The distribution of the collected material among the types is as follows: Type I - 108 constructions, Type II - 120, Type III - 2 and Type IV - 30 pairs.

Type I. In the translations of the constructions belonging to this type there is a considerable variability of the Estonian counterparts. The most typical ways of translating the English NP-s of this group are the following.

1. The original English construction is replaced by the noun modified by the attributive clause in Estonian. In most cases the English postmodifying infinitives of this type are semantically equivalent to relative restrictive clauses (cf. the man to consult - the man you should consult). To use an attributive clause is the best way to render the meaning of such English NP-s. This interlingual substitution accounts for about 60 per cent of the translations in Type I. As the

* The material was collected from the novels My Family and Other Animals by G. Durrell (translated by P. and R. Seiluri), Airport by A. Hailey (translated by L. Rajandi) and Under the Net by I. Murdoch (translated by H. Kross).

following examples show, to render the modality of the infinitive the conditional mood forms are used in Estonian.

... he had no parents to teach him the facts of life...

(G. Durrell)

... tal polnud vanemaid, kes talle elutarkust oleksid õpetanud ...

... Hugo was not at all the man to love Sadie ...

(I. Murdoch)

... Hugo polnud mees, kes võinuks armastada Sadie't...

2. The English NP is substituted by the premodified NP in Estonian (approx 15 % of the instances in Type I). The meaning of the English infinitive is rendered by means of premodifying participles and deverbal nouns in Estonian.

... together with drawings of the more exciting fauna to be found there ... (G. Durrell)

... koos seal leiduvate tähelepanuväärsemate loomade piltidega ...

Do you have any facts to back up all this? (A. Hailey)
On teil kõige selle põhjendamiseks fakte?

3. The English NP is replaced by the impersonal verb phrase in Estonian. The substitution accounts for about one tenth of the translations in Type I. It is typical of the cases when in English a noun substitute (usu. the negative or indefinite pronoun) functions as the head of the phrase.

I had nowhere to live ... (I. Murdoch)

... polnud mul kuskil elada.

Type II. Traditionally this type is labelled as appositive in English grammars. M. Turbová's description of the type seems, however, more apt considering the ambiguity of the term 'appositive' in connection with the infinitive. It is often difficult to draw a clear demarcation line between the appositive use of the infinitive on the one hand and the meaning of purpose, the infinitive of potential action and some other uses of the infinitive on the other hand. This difficulty obviously accounts for the considerable differences in the lists drawn up by different grammarians for the nouns admitting an appositive infinitive. We compared three such lists: M. Turbová's list which includes 105 nouns, E. Gordon and I. Krilova's list of 69 nouns and the list we drew up on the basis of the Longman Dictionary of Contemporary English (1978). In this dictionary we were able to spot 58 nouns which, judging by their annotations, are com-

monly followed in speech by the infinitive. All the entries on the three lists are abstract nouns that require an infinitival modifier to explain their meaning, but with some of them the appositive infinitive seems to acquire some additional shades of meaning. Thus, M. Turbová's list, for instance, includes several nouns (e.g. authority, courage, energy, etc.) excluded by E. Gordon and I. Krilova as nouns expressing the amount of the required quality sufficient for the realization of the action denoted by the infinitive (Gordon, E. M., Krilova, I. P., 1973, 101 - 102). In M. Turbová's list we can also find some nouns (e.g. campaign, fight, plot, etc.) with which the infinitive acquires the meaning of purpose. Only 19 nouns occur in all the three lists. These nouns can be regarded as the centre of the class of the abstract nouns requiring attributive infinitives to disclose their meaning. Here belong such frequently used nouns as attempt, chance, desire, need, promise, proposal, right, etc.

The NP-s of Type II can be translated into Estonian by means of several different syntactic constructions the most frequent of which are the following:

1. By far the most common way of translating is the use of the da-infinitive in postposition (approximately half of the instances in this type). The Estonian construction is identical to the English one in the following way:

... he had been seized with the desire to paint a masterpiece. (G. Durrell)

... oli teda haaranud soov maalida oma meistritöö.

Quite often, however, the elements of the phrase are rearranged in Estonian and the complements of the infinitive are placed before their head:

... he had to be given the chance to show resourcefulness. (A. Hailey)

... tuli praktikandile anda võimalus leidlikkust üles näidata.

As a rule, the postmodifying da-infinitive was used in translating the NP-s containing the head nouns described above as belonging to the centre of the group.

2. Approximately one fifth of the NP-s of Type II were translated by means of verb phrases in which the da-infinitive and, occasionally, the ma-infinitive functioned as the object. The order of the elements in the Estonian phrase

differed from that of in the English construction:

... aware of a reluctance to leave the cheerful sunlight ... (A. Hailey)

... tunnistades endale, et ei taha kuidagi rõõmsast päikesepaistest lahkuda ...

3. Another characteristic way of grammatical substitution is the replacing of the infinitive by the deverbal noun in postposition (about 10 per cent of the structures of this type). Generally, the noun modifier in the Estonian phrase takes the translative case form:

... so she seized the first opportunity to escape.

(G. Durrell)

... kasutas nüüd esimest võimalust plehkupistmiseks.

Type III. Infinitive problem clauses are rare in English. In our material only two instances could be traced; they were both rendered by entirely different construction in Estonian, e.g.:

This must have been her strange notion of how to put a good thing in my way. (I. Murdoch)

Ilmselt ei osanud ta muul kombel mulle teeneid osutada.

In Estonian, however, there is a construction analogous to the English type to a certain extent. It can be used with head nouns quite different from those found in case of the English problem clauses (cf. teadmatus, kuidas käituda; mure, mida teha). The Estonian construction has a definite modal meaning and at the same time it can express futurity. In Estonian the use of such constructions seems to be fairly common, whereas in English it is restricted to a small group of abstract head nouns.

Type IV. The number of the infinitival modifiers of this type is not great either. The premodifying adjective, which is semantically dominating over the head noun, is usually rendered in Estonian by means of the adjective in the function of the verb complement; the other parts of the English construction are, as a rule, omitted in translation

... it seemed the right thing to do ... (A. Hailey)

... see tundus lihtsalt õige olevat ...

This seems to me a wonderful thing to be, but ...

(I. Murdoch)

Minu meelest on see tore, aga ...

To sum up. Both in England and Estonian the NP can have infinitival modification, but the meanings and uses on the infinitive in the NP-s of the two languages are different. The type exhibiting the greatest similarity is the appositive infinitive. The other types of infinitive modification are generally translated into Estonian by means of different syntactic constructions, the most characteristic type of substitution being the use of attributive finite clauses. Interlingual transformations in translating are mainly caused by the following two typological features of the Estonian language. Firstly, the typical ordering of the elements within the phrase is different in the two languages. In Estonian there is a tendency to render the meanings conveyed by the English postmodifying infinitive by means of premodified NP-s; in case of infinitival postmodification the complements precede the infinitive in Estonian, whereas in English they are postposed. Secondly, it is obvious that in Estonian verbal expression is preferred to nominal. Consequently, the Estonian language often resorts to the use of verbs while rendering ideas conveyed in English by NP-s. The semantic equivalence is in this case realized only on sentence level.

References

- Close, R. A. A Reference Grammar for Students of English. - Moscow: Prosvetsheniye, 1979.
- Curme, G. C. English Grammar. - New York: Barnes & Noble, Inc., 1955.
- Gordon, E. M., Krilova, I. K. The English Verbals. - Moscow: Vyssaja skola, 1973.
- Hornby, A. S. Guide to Patterns and Usage in English. - London: Oxford University Press, 1975.
- Leech, G., Svartvik, J. A Communicative Grammar of English. - Longman Group Ltd., 1975.
- Longman Dictionary of Contemporary English. - London, Longman Group Ltd., 1978.
- Milkle, K., Valmis, A. Eesti keele süntaks kõrgkoolidele. - Tallinn: Valgus, 1979.
- Quirk, R., Greenbaum, S. A University Grammar of English. - Longman Group Ltd., 1974.
- Turbová, M. The Attributive Infinitive in English. - Philologica Pragensia, 1978, No. 4, pp. 192 - 203.

МЕЖЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГРУПП СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ЭСТОНСКИЙ

Анн Пиквер

Р е з ю м е

В статье рассматриваются вопросы перевода английских именных групп с инфинитивом в роли постпозитивного определения на эстонский язык. Выясняется, что только аппозитивный инфинитив, который уточняет отвлеченное значение определяемого существительного, имеет аналогичное сочетание в эстонском языке. Другие типы инфинитива переводятся при помощи различных грамматических трансформаций.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

/на материале неродственных языков/

Людмила Подольская

Посессивность, понимаемая как универсальное явление, относится к важным философским категориям и выделялась еще Аристотелем в числе десяти категорий бытия, наряду с такими, как сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, действие, страдание /Аристотель, 1939, 6/. Посессивность может рассматриваться в статическом и динамическом аспектах, т.е. как возникновение, наличие и исчезновение некоторого отношения между двумя предметами /в широком смысле/, которые условно назовем обладателем и обладаемым.

Будучи жизненно важным, это понятие получало выражение уже в древних языках. До возникновения собственности оно распространялось в основном на части тела, предметы одежды, блюда, напитки, родственные отношения /Rosen, 1959, 268/. Чаще всего посессивность выражалась при помощи глагола "быть" с наименованием обладателя в косвенном падеже, например, в латинском языке конструкцией типа *mihi est* /Бенвенист, 1974, 213/. Появление специальных глаголов, по мнению А. Мейе, связано с возникновением собственности, т.е. принадлежности имущества некоторому лицу /Meillet, 1926, 175/. Однако и в дальнейшем во многих индоевропейских языках глагол "быть" продолжает употребляться для выражения посессивности наряду с глаголом "иметь" и его синонимами, например, в русском и эстонском языках.

Кроме глаголов, отношение посессивности выражается посессивными местоимениями и прилагательными, существительными в генитиве и некоторыми другими лексическими единицами в определенных синтаксических конструкциях.

В данной статье анализируются главным образом глагольные способы выражения посессивности в статическом аспекте. Исследование проводится в основном на материале английского языка. Для сопоставительного анализа используются переводы произведений английских авторов на эстонский язык, а также результаты имеющихся исследований на материале других языков.

Отношение между обладателем и обладаемым в статическом аспекте может быть представлено по-разному в зависимости от того, что является точкой отсчета - обладатель или обладаемое. В первом случае конструкция имеет значение обладания, во втором - значение принадлежности:

I have a house.

The house is mine. The house belongs to me.

Как показывают исследования на материале различных языков, конструкции со значением принадлежности требуют определенного грамматического субъекта, а в конструкциях со значением обладания грамматический объект, как правило, является неопределенным. Так, Э. Бенвенист, например, считает, что фразы типа *Un livre est à moi / *Какая-то книга - моя/ являются неотмеченными /Бенвенист, 1974, 212/. Предложения типа "У меня есть эта книга" встречаются, но в этом случае указательное местоимение служит эквивалентом местоименного прилагательного "такой". Важно то, что существительное, обозначающее предмет обладания, как правило, не является заместителем конкретного предмета или класса предметов /Арутюнова, 1976, 211/.

Однако не всякое предложение со значением обладания трансформируется в предложение со значением принадлежности. Это вызвано широтой понятия посессивности. Посессивность в узком смысле, или владение, является лишь частью этого понятия. Постепенно и сами глаголы, регулярно употреблявшиеся для выражения посессивности, приобрели широкое значение.

Предпринимались попытки выделить несколько значений глаголов типа "иметь". На материале английского языка интерес представляет работа Э. Бендикса, в которой выделяются общее и специальное значение глагола have. Общее значение подразумевает наличие случайной связи между предметами А и В, а специальное - существование внутренней связи между ними; это означает, что В принадлежит А (B is A's). /Bendix, 1966, 38/.

Ярким примером, доказывающим отсутствие обязательной зависимости между конструкциями A has B и B is A's, может служить следующая ситуация. Джон и Мэри видят книгу, которая лежит на столе перед Мэри. Джон спрашивает: "Do you have that copy?". Мэри, вероятно, будет в замешательстве, поскольку очевидно, что между ней и книгой существует некоторая случайная связь /отношение по смежности/, а именно такое отношение передается конструкцией с глаголом have. Здесь было бы уместно спросить "Is that copy yours?", так как эта кон-

струкция передает внутреннюю связь, в данном случае отношение собственности /Bendix, 1966, 52-53/.

Для более детального анализа способов выражения посессивности необходимо расчленить само понятие посессивности на понятия более узкого объема, или виды посессивности /обладания/. Выделяем внутреннее и внешнее обладание, а внешнее в свою очередь подразделяем на временное и невременное.

Подразделение обладания на внешнее и внутреннее связано с разграничением понятий отчуждаемой и неотчуждаемой собственности. Обладание представляет собой неотчуждаемую собственность обладателя, если существование первого неразрывно связано с существованием второго и между ними имеется тесная, нерасторжимая связь. Утратив обладаемое, обладатель перестает быть тождественным самому себе /Журинская, 1977, 195/.

По утверждению Ч. Филлмора, считающего категорию отчуждаемой - неотчуждаемой собственности универсальной, в каждом языке есть существительные, выражающие относительные понятия, например: "сторона", "лицо", "дочь" и др. Мы говорим не просто о стороне, а о стороне чего-либо; точно так же мы не можем сказать "Она - дочь", но говорим, что она чья-то дочь /Fillmore, 1968, 61/.

Категория отчуждаемой - неотчуждаемой собственности возникла в языках различных типов в разные исторические периоды для более детализированного выражения посессивности и оформлялась при помощи специальных морфем. В большинстве эта категория не получает формального /морфологического/ выражения. Ее можно отнести к скрытым грамматическим категориям /Кумахов, 1974, 95/.

Наиболее типичным является тот случай внутреннего обладания, когда обладаемое представляет собой часть тела обладателя. Здесь отношение обладания сводится к отношению целого и его части и факт обладания не подлежит сомнению. В связи с этим слово, обозначающее предмет обладания, не может иметь логического акцента. Логический акцент падает на определение перед существительным, обозначающим предмет обладания, и позиция определения обязательна. Это явление прослеживается на материале различных языков и, по-видимому, относится к языковым универсалиям. Сравним следующие предложения в английском и эстонском языках:

This brother had a high forehead... (J.Galsworthy)

Sel vennal oli kõrge laup...

В обоих случаях при опущении позиции определения предложение становится неестественным.

Коммуникативная значимость определения усиливается также за счет изменения порядка слов, как, например, в следующем переводе на эстонский язык:

He had sherry-coloured eyes... (J.Galsworthy)
Silmad olid tal šerrivärvilised...

Поскольку определение несет основную коммуникативную нагрузку, значение предложений типа *She has nice legs* приближается к значению предложений типа *Her legs are nice*.

Внешнее обладание подразделяется на временное и невременное. Так, взятая вне контекста фраза *Mor had no overcoat* может означать, что у лица, выраженного существительным *Mor*, совсем нет пальто или что у него нет в данный момент и в данном месте /с собой или на себе/. В первом случае глагол обозначает невременное обладание, а во втором временное. Какое из двух значений реализуется, выясняется из более широкого контекста:

It was raining steadily. Mor had no overcoat. (I.Murdoch)

В приведенном примере глагол *have* обозначает временное обладание. Здесь существенно, что у человека не было пальто с собой в то время, когда шел дождь, и ничего не сообщается о том, имел ли этот человек вообще пальто. Это отношение по смежности и приближается к пространственным отношениям. Факт принадлежности предмета лицу является нерелевантным. Именно поэтому следующие предложения не являются противоречивыми:

He has the book that is his.

He has the book that is not his. (Bendix, 1966, 30)

Исследование показало, что основным способом передачи отношения посессивности в английском языке является глагол *have*, а в эстонском конструкция с экзистенциальным глаголом *olema* и существительным в косвенном падеже /адессиве/, обозначающим обладателя:

I have a book.

Minul on raamat.

Эти способы используются для выражения любого из трех выделенных видов отношения обладания. Остальные глаголы с исследуемым значением не могут выражать все виды этого отношения.

Для передачи внутреннего обладания в английском языке употребляется также глагол *possess*, а в эстонском языке *evitada*, однако, в основном только в том случае, когда обладаемое представляет собой личное качество или состояние человека:

Both the Forsytes possessed in different ways...that essential quality of tenacious and prudent insight into "affairs"...

(J. Galsworthy)

Need kaks Forsyte'i evisid kumbki omas laadis... toda olulist visadust ja ettevaatlikku äriasjust arusaamist...

Для передачи внешнего временного обладания в английском языке, кроме глагола have, используется глагол hold, а в эстонском глагол hoidma. Имеются и некоторые другие лексические единицы и конструкции, указывающие на внешнее временное обладание: в английском языке конструкция with + местоимение, наречие along, сочетания in one's hand, on one's knee и др., в эстонском языке käes, seljas, põlvel и др.:

Each the ladies held fans in their hands...(J.Galsworthy)

Igäiks kolmest daamist hoidis lehvikut käes...

Old Jolyon had little Holly on his knee...(J.Galsworthy)

Vana Jolyon hoidis väikest Holly't põlvel.

Причем отсутствие таких элементов в английском языке не исключает их употребления в эстонском переводе:

So you have a boarding pass. (A. Hailey)

Seega on teil pealeminekutalong käes.

Отношение внешнего невременного обладания передается в английском языке глаголами have, possess, own, в эстонском языке конструкцией с глаголом olema, а также глаголами evi-ma, omama:

...he had a little house in Wistaria Avenue with a garden...

(J. Galsworthy)

... tal oli väike maja aiaga Wistaria Avenue'l...

To live here in sight of all this, to be able to point it out to his friends, to talk of it, to possess it.

(J. Galsworthy)

Elada siin, kõike seda nähes! Võida seda näidata sõpradele, rääkida sellest, seda evida!

Когда необходимо подчеркнуть, что обладаемое является собственностью обладателя, как правило, употребляется глагол own, а в эстонском языке глагол omama:

Could a man own anything prettier than this dining-table...?

(J. Galsworthy)

Kas võis inimene omada midagi ilusamat kui see söögilaud...?

Итак, проведенное исследование показало, что членение понятия посессивности на внутреннее, внешнее временное и

внешнее невременное является лингвистически релевантным и находит отражение в языках различных типов.

Л и т е р а т у р а

Аристотель. Категории. М., 1939.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Бенвенист Э. Глаголы "быть" и "иметь" и их функции в языке. - В кн.: Общая лингвистика. М., 1974.

Журиная М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности. - В кн.: Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

Кумахов М.А. К теории и истории категории посессивности. - Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы секционных заседаний. М., 1974.

Bendix E. Componential analysis of general vocabulary. - International journal of general linguistics, v. 32, N 2, 1966.

Fillmore C. The case for case. - In: Universals in linguistic theory. New York, 1968.

Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926.

Rosen H.B. Die Ausdrucksform für "veräusserlichen" und "unveräusserlichen" Besitz in Frühgriechischen. Lingua, v.8, 1959.

SOME WAYS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF POSSESSION (on the basis of non-cognate languages)

Ljudmila Podolskaya

S u m m a r y

The article deals with some ways of expressing the concept of possession in English and Estonian. Possession is understood in a wide sense and is subdivided into several types: inherent, external transitory and external non-transitory. The aim of the article is to analyse and compare the ways of expressing each of these types of possession in the two languages and to prove that this subdivision is linguistically relevant.

ZUR FRAGE DER er-INCHOATIVA IN DEUTSCHEN

Helju Ridali

1. In der deutschsprachigen Literatur hat man den Begriff "i n c h o a t i v" vorwiegend im Zusammenhang mit den Aktionsarten verwendet. Die sog. Phasenaktionsarten werden in perfektiv und imperfektiv (durativ) eingeteilt. Während die imperfektive Aktionsart nur den verbalen Ablauf kennzeichnet, dem zeitlichen Geschehen gegenüber neutral bleibt, drückt die perfektive Aktionsart ein Geschehen aus, das zeitlich irgendwie begrenzt od. vollendet ist (vgl. Jung, 1971, 252). Unter der perfektiven Aktionsart kann man wenigstens zwei Phasen deutlich unterscheiden: die inchoative (ingressive) und die resultative. Es wird allgemein anerkannt, daß die inchoativen (ingressiven) Verben das Sem des Beginn(en)s beinhalten. Jeder Anfang ist aber auch ein Übergang in einen anderen Zustand. Diese Tatsache, auf die schon von W. Wilmanns (1899, 152) deutlich hingewiesen worden ist, wird in einigen Arbeiten oft schlichtweg übersehen.

Die er-Inchoativa stellen keine homogene Klasse von Verben dar. Oft werden diese Verben pauschal als inchoativ klassifiziert, ohne sich die Frage zu stellen, welche Kriterien dieser Klassifikation zugrunde liegen. Schwierigkeiten ergeben sich schon von der terminologischen Inkonsistenz.

Im folgenden wird ein kritischer Überblick über die wichtigsten Schreiben zu diesem Problem gegeben, und anhand der er-Inchoativa aus dem Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache² eine Möglichkeit gezeigt, wie diese Frage zu lösen wäre. Dabei sind wir bewußt, daß in diesem Artikel die spezifischen Kriterien nicht berücksichtigt werden können, die sich daraus ergeben, ob wir mit deadjektivischen, desubstantivischen oder deverbalen er-Inchoativa zu tun haben.

² Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. 1. - 6. Band. Akademie-Verlag, Berlin, 1980.

2. Im Gebrauch der Termini INCHOATIVUM/INGRESSIVUM ist bisher keine Klarheit erreicht worden. Im Fremdwörterbuch^{*} werden diese Begriffe als vollständige Synonyme betrachtet und so auch definiert: "inchoativ, svw ingressiv - in der Fügung inchoative od. ingressive Verben: Verben perfektiver Aktionsart, die eine zeitliche Begrenzung am Anfang des Vorgangs od. ein Werden od. einen Übergang von einem Zustand zu einem anderen ausdrücken ... (Fremdwörterbuch, 1965, 290)". Als vollständige Synonyme werden diese Begriffe auch von W. Jung (1971, 253) angesehen. H. Renicke (1950/51, 158 ff.) hält diese Termini scharf voneinander. Er unterscheidet zwei Phasen des Beginn(en)s: die ingressiv und die inchoative. Während beim Ingressivum "der Punkt des Eintritts das Entscheidende ist, drückt das Inchoativum ... die Phase des Übergangs in einen anderen Zustand aus (Renicke, 1950/51, 158)". In beiden Fällen kann, so Renicke, "der ... Vorgang punktuell oder progressiv verlaufen (Renicke, 1950/51, 160)". Diese Behauptung klingt wohl deutlich, in der Sprachwirklichkeit ist das Unterscheiden in den meisten Fällen kompliziert. Oft entscheidet erst der Kontext, welche Phase deutlicher zum Vorschein tritt.

Andere Autoren sprechen in diesem Zusammenhang nur von inchoativen Verben. W. Schmidt versteht unter Inchoativa "die Verben, die das Geschehen ... durch eine von einem Punkt einseitig begrenzte Linie illustrieren (z. B. erblassen, erblühen, erklingen, ...). Diese Verben, sowie Konstruktionen mit beginnen/anfangen zu drücken nach W. Schmidt "den Augenblick des Einsetzens ... des Geschehens aus (Schmidt, 1967, 206 ff)." Mit Recht bezweifelt G. Storch (1978, 7) die Richtigkeit dieser Behauptung. Es ist fraglich, ob bei erblassen und erblühen wirklich der Augenblick bezeichnet wird, wo das Geschehen beginnt, das graphisch durch einen Punkt dargestellt werden kann. Ob hier doch zugleich nicht der Übergang in einen anderen Zustand daliegt? Verläuft hier der Vorgang ingressiv-punktuell oder ingressiv-progressiv?

Auch G. Zifonun beschreibt die Inchoativa mit Hilfe von anfangen zu (Zifonun, 1973). Die Parafrasierung mit anfangen zu wird als Klasseneigenschaft von er-Inchoativa angenommen. Dabei wird die Tatsache übersehen, daß diese Verben auch der Zustandsveränderung unterworfen sind. Mit dem traditionellen

^{*} Fremdwörterbuch. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1965.

Beispiel die Rose erblüht wird von G. Zifonun behauptet, die Rose fängt an zu blühen. Es ist aber auch klar, daß die Rose von diesem Moment an in einen neuen Zustand übergeht.

R. Steinitz versteht unter Inchoativa nicht eine Teilklasse der sog. Phasenverben. "Inchoativa umfassen ... alle Verben, die Zustandsveränderungen bezeichnen und dabei einen Vorzustand voraussetzen? der komplementär zum implizierten Nachzustand ist (Steinitz, 1977, 89)". Inchoativ bedeutet für R. Steinitz den Übergang in einen anderen Zustand. Sie zählt auch verblühen, verwelken zu den Inchoativa, da sie den Übergang in einen neuen Zustand bezeichnen. Die Struktur des Übergangs wird nicht näher beschrieben. Auch wird die Klasse der Inchoativa unübersehbar, sie enthält bei R. Steinitz praktisch alle perfektiven Verben, darunter auch Resultativa.

Eine sehr ausführliche Untersuchung der Inchoativa hat J. Kühnhold vorgelegt. In ihrer Behandlung "signalisieren 9,7 % der er-Verben sowohl das Einsetzen als auch das einmalige, plötzliche Stattfinden einer Handlung (Kühnhold, 1973, 284)". Als Modelle Zur Parafrasierung dieser er-Verben werden anfangen zu, plötzlich, los, werden zu, dazu kommen, daß gegeben.

3. In unserer Betrachtung ist der Terminus "inchoativ" im Zusammenhang mit den Phasenaktionsarten zu verstehen und zu gebrauchen. Inchoative er-Verben bilden eine umfangreiche und schwer abgrenzbare Gruppe der Verben der Zustandsveränderung. "Charakteristisch für diese Verben ist, daß der Vorzustand (VZ) und der Nachzustand (NZ) der ausgedrückten Zustandsveränderung ungleich sind, so daß auch die Zustandsbeschreibung von VZ ungleich der von NZ ist (Storch, 1978, 216)". Die wichtigsten semantischen Merkmale dieser Verben sind:

- er-Inchoativa bezeichnen den Punkt des Einsetzens des Geschehens;
- er-Inchoativa drücken das einmalige Stattfinden einer Handlung / eines Geschehens aus;
- er-Inchoativa drücken das Verstärken einer Handlung / eines Geschehens aus;
- er-Inchoativa bezeichnen zugleich auch den Übergang in einen anderen Zustand.

Die Zustandsveränderung muß näher beschrieben werden. Unse-

res Erachtens könnte das Hauptkriterium zur Klassifizierung der er-Inchoativa die zeitliche Struktur der Zustandsveränderung sein. Dabei muß auch das Verhältnis von Vorzustand zu Nachzustand mit berücksichtigt werden. Wir unterscheiden:

(1) Die Zustandsveränderung ohne zeitliche Extension

Der Übergang erfolgt punktuell. Der Punkt des Einsetzens des Geschehens steht im Vordergrund. Das ist ein echter "INCHO-Übergang", wie ihn G. Storch (1978, 218) bezeichnet. Für die Parafrasierung werden im Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (weiter: Wörterbuch) andere inchoative er- oder auf-Verben angegeben:

erblühen : voll aufblühen;

Im Mai erblühen viele Baumarten (1085).^{*}

erklingen : hell ertönen;

Dann und wann erklang im Nebenzimmer ein Räuspern ... (1115).

Zu diesen Verben gehören: erblicken, erdröhnen, erfassen, erklirren, erleuchten, erschauen u. a. Es ist möglich, zur Parafrasierung die Modelle mit anfangen/beginnen zu zu gebrauchen, wie z. B. im folgenden Satz.

Er stieß an den Tisch, so daß die Gläser erzitterten (1156).

Er stieß an den Tisch, so daß die Gläser zu zittern begannen.

(2) Die Zustandsveränderung mit zeitlicher Extension

Bei diesem Übergang ist der genaue Punkt des Einsetzens schwer feststellbar. Der Zustandsveränderung kann eine zeitlich lange Periode vorhergehen, der Übergang selbst hat zeitliche Extension, wie z. B. bei erkranken, ermatten u. a.

ermatten : körperlich matt werden, an Kräften verlieren;

Die Boxer ermatteten in der letzten Runde zusehends (1123).

erweichen : weich werden,

Erdboden war durch die Nässe erweicht (1150).

Für die Parafrasierung sind im Wörterbuch die Modelle werden zu etw. angegeben. Das ist ein werden zu-Übergang und

^{*} Die Beispiele entstammen dem Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. In Klammern wird die Seite angegeben.

vor allem für deadjektivische er-Inchoativa typisch.

Neben der zeitlichen Struktur der Zustandsveränderung spielt das Verhältnis von Vorzustand (VZ) zu Nachzustand (NZ) eine wichtige Rolle. Wir haben zwei Arten dieses Verhältnisses aufgedeckt:

(1) NZ beschreibt ein Verstärken des VZ

ertüchtigen = sich, jmdn. durch sportliche Übungen und Abhärtung stählen, leistungsfähig machen;

Sich durch ein tägliches Training (körperlich) ertüchtigen (1147).

ermutigen : jmdn. mit Mut erfüllen, in jmdm. Mut erwecken;

Er war ermutigt durch den Erfolg (1125).

Es ist möglich, daß der Mensch schon früher tüchtig und mutig war, der NZ drückt nur ein Verstärken des VZ aus.

(2) NZ beschreibt eine Negation des VZ

Der NZ vieler er-Inchoativa bezeichnet eine andere Qualität als der VZ. So z. B. könnte man sich erheben als eine Negation des VZ sitzen betrachten, erwecken als eine Negation von schlafen.

■ ■

Damit sind die zwei wesentlichen strukturentscheidenden Merkmale der er-Inchoativa genannt:

- Zustandsveränderung ohne vs. mit zeitlicher Extension;
- das Verhältnis von VZ zu NZ.

Die Klassifizierung der er-Inchoativa könnte nach diesen Kriterien durchgeführt werden. Für eine noch exaktere Charakterisierung der er-Inchoativa müssen auch die unterschiedlichen Basisprädikationen untersucht werden.

L i t e r a t u r

- Fremdwörterbuch. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1965.
- Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1971.
- Kühnhold, J. Präfixverben. - In: Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Ein Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache. Forschungsstelle Innsbruck. I. Teil: Das Verb. Päd. Verlag Schwann. 1. Aufl. Düsseldorf, 1973, S. 141-362.
- Renicke, W. Die Theorie der Aspekte und Aktionsarten. - In: PBB(H)72. 1950/51, S. 150-193.
- Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1967.
- Steinitz, R. Zur Semantik und Syntax durativer, inchoativer und kausativer Verben. - In: Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. H. 35. Berlin 1977, S. 85-130.
- Storch, G. Semantische Untersuchungen zu den inchoativen Verben im Deutschen (Schriften zur Linguistik. Bd. 9). Braunschweig: Vieweg, 1978.
- Wilmanns, W. Deutsche Grammatik II. Wortbildung. 2. Aufl. Straßburg, 1899.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. R. Klapenbach und W. Steinitz. 1-6. Bd. Akademie-Verlag, Berlin, 1980.
- Zifonun, G. Zur Theorie der Wortbildung am Beispiel deutscher Präfixverben. (Linguistische Reihe. Hrsg. K. Baumgärtner u. a. Bd. 13). München, 1973.

НЕМЕЦКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *er-*, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НАЧАЛО ДЕЙСТВИЯ

Хелью Ридали

Р е з ю м е

В статье рассматриваются немецкие глаголы с префиксом *er-* со значением начала действия (*erblühen, erblicken* и др.), а также дается критический анализ важнейших исследований по данной проблеме. Автор статьи исходит из точки зрения, согласно которой глаголы с префиксом *er-* со значением начала действия обозначают переход из одного состояния в другое. Такой переход может иметь протяжение во времени (напр. *ermatten*) или же может характеризоваться моментальностью (напр. *erfassen*).

Соотношение между состоянием после перехода (*Nachzustand*) и состоянием до перехода (*Vorzustand*) можно рассматривать в двух планах:

- 1) состояние после перехода является отрицанием состояния до перехода (напр. *sich erheben - sitzen*)
- 2) состояние после перехода представляет собой лишь интенсивность состояния до перехода (напр. *ermutigen*).

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА (На материале английского и эстонского языков)

Валда Ристна

Современное языкознание отличается усиленным интересом исследований к изучению грамматического строя разносистемных языков в синхронном плане, т.е. к проблемам, возникающим на стыке двух языков при сопоставлении языков одной структуры с грамматическим строем языков иной структуры.

Мы не претендуем на исчерпывающее рассмотрение текста, а остановимся на сопоставительном изучении лишь некоторых структурных фактов английского и эстонского языков, т.к. установление моментов общностей или их расхождения в языках различных типов существенно не только в теоретическом аспекте, но и тесно связано с практической переводческой работой.

Как отмечает П. Гартман, только текстообразующий и опирающийся на тексты язык является средством коммуникации между людьми (Hartmann, 1972, 17).

Известно, что возможность смысловой целостности обусловлена общностью темы сверхфазового единства (СФЕ) и наличием связей между его компонентами. Для выяснения на чем основывается целостность единств более крупных, чем фраза, необходимо рассмотреть межфразовые связи и средства, обеспечивающие эту целостность.

Приступим к конкретному анализу английских СФЕ и их переводов на эстонский язык, взятых из художественных текстов, и постараемся выявить основные текстообразующие закономерности.

Художественный текст есть результат не только творческого переосмысления автором явлений объективной действительности, но и результат выбора способов отображения этой действительности языковыми средствами.

При исследовании синтаксиса связного текста нельзя ограничиваться рассмотрением парадигматического, т.е. нелинейного аспекта, т.к. он не дает исчерпывающего истолкования процессов образования текста. В связи с этим мы коротко коснемся линейного, т.е. синтагматического аспекта синтаксиса текста. Т.А. ван Дейк, разграничивая микро- и макро-

связность, особенно подчеркивает линейный характер между предложениями (Van Dijk, 1972, 3).

Одним из линейных типов связи является последовательность развертывания темы и ремы в смежных предложениях.

Проследим это на следующем примере.

(1) "Hello", he exclaimed, "you've been crying". Her eyes were still wet with a few vague tears. (T. Dreiser)
"Kuule, sa oled nutnud," ütles ta. Carrie silmad olid paarist äraeksinud pisarast niisked. (T. Dreiser)

В данных приведенных контекстах первое предложение является темой - плач молодой женщины - в то время как второе предложение выражается ремой - глаза женщины были заплаканы -. Данный линейный вид связи в обоих СДБ можно считать универсальным, т.е. независимым от структурных различий языков, поскольку он обусловлен логическим развертыванием мысли.

Для иллюстрации функциональной близости оригинала и перевода приведен следующий пример.

(2) I have learnt something from your idiomatic notions: I confess that humbly and gratefully. And I have grown accustomed to your voice and appearance. (B. Shaw)

Olen teie tobedatest arusaamadest nii mõndagi õppinud - tunnisten seda alandlikult ja tänulikult. Ja olen harjunud teie välimuse ja häälega. (B. Shaw)

Как видим, структура данного перевода неполностью совпадает с оригиналом. Текстовая связность в оригинале создается трехкратным повтором личного местоимения I и финитной формой глагола, в то время как в эстонском переводе эта связь осуществляется только с помощью финитной формы глагола, окончание которого указывает на лицо. Личное местоимение, которое каждый раз начинает фразу, приобретает анафорическую роль, существенную с точки зрения архитектоники данного контекста и его экспрессии. В переводе повтор личного местоимения опущен, но анафора сохраняется. В эстонском языке допускается пропуск личного местоимения в прошедшем времени.

Текстовая связность с помощью финитной формы глагола осуществляется и в следующем контексте.

(3) And especially did this apply to the mystery which had now surrounded Esta for some time. She had gone.
She had not returned. And as far as Clyde and the ot-

hers knew, no word of any kind had been received from her. (T. Dreiser)

Ja eriti võis seda öelda salapärasuse kohta, mis juba mõnda aega oli ümbritsenud Estat. Ta oli läinud ega tulnud tagasi. Niipalju kui Clyde ja teised lapsed teadsid ei olnud ta ühtegi teadet saatnud. (T.Dreiser)

Стержневым временем в единстве является в обоих текстах претерит, на фоне которого происходит завершённое действие – уход Эсты – выражен прошедшим перфектной формы. Последний играет ретроспективную роль, т.е. указывает предшествовавшее действие во времени другому действию. Как отмечает И.Р. Гальперин, практически каждый текст в какой-то степени основан на ретроспекции, т.к. последовательное накопление информации невозможно без удержания в памяти информации, полученной ранее. (Гальперин, 1981, 106). Продолжительность таинственности, окружающей Эсту, подчеркивается обстоятельством оборотом *for some time*. Таким образом, текстообразующими факторами в единстве является взаимодействие времени. Каждое последующее предложение зависит в коммуникативном плане от предыдущего, развивая в то же время смысл высказывания. Именно сказуемое обуславливает междразовые синтаксические связи предложений.

Перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических трансформаций. Изменение структуры предложения и возможные замены обуславливаются различиями в строе языков. Особенно трудны случаи, когда нужно какую-нибудь структурную категорию, отсутствующую в одном языке, передать на другой язык. Это заставляет искать структуру адекватно передающую структуру оригинала. В следующих примерах будут рассмотрены некоторые из подобных случаев. В первую очередь следует остановиться на артикле, т.к. артикль нередко требует его передачи на другой язык, что доставляет немало трудностей для переводчика. В эстонском языке эта категория, как известно, полностью отсутствует.

(4) "My dear fellow, he gave no explanation. I've the letter. It wasn't more than ten lines". (W.S. Maugham)

"Mu kullake, mitte millegagi. Lugesin kirja läbi. See oli ainult kümme rida." (W.S. Maugham)

В данном СДЕ определённый артикль *the*, имея лексическое значение, служит своего рода звеном между предложениями и подчеркивает совершённое действие.

Хотя из этого высказывания не ясно, что это за письмо,

но читателю оно должно быть известным. Определенный артикль в этом тексте выступает в виде синонимического повтора. Связь, передаваемая с помощью определенного артикля the в оригинале, воссоздается употреблением прямого дополнения при глагольном сказуемом, выраженным претеритом, расширенным наречием läbi в видовой функции. Таким образом грамматические особенности английского языка требуют структурной завершенности предложения и строгого порядка слов. Опускание значимого компонента невозможно без постановки слова - эквивалента.

Очень часто используются в качестве текстообразующих факторов и грамматические конструкции. Особенно интересным в этом отношении является трансформация пассивной конструкции.

(5) The climax of the afternoon was reached, however, when after several more dances and drinks the small river and its possibilities was again brought to the attention of all by Heggland, who, looking out of the window, suddenly exclaimed... (T. Dreiser)

Selle pärastlõuna haripunkt saabus siis, kui peale paljusid ja rohkeid jookke nende tähelepanu juhtiti uuesti jõele ja sellega seotud võimalustele. Aknast välja vaadates hüüdis Heggland äkitselt... (T. Dreiser)

Употребление пассивной конструкции в английском языке объясняется стремлением выделить сообщаемое - рему, чтобы привлечь к нему внимание, в то время как в эстонском языке та же функция закреплена за активными конструкциями. В этом ОДБ осуществлена перестройка двух пассивных конструкций:

1) the climax was reached

2) the small river... was brought to the attention

В первом случае английская пассивная конструкция передана непереходным глаголом в действительном залоге. Здесь встречается и лексическая трансформация - was reached - saabus. Фразеологизм с пассивной формой was brought to the attention переведен эквивалентным фразеологизмом. Вследствие перестройки в переводе появляется новое предложение. В то время как в английском языке мысль выражена сложным предложением в пассиве с придаточным, поясняющим агента пассивной конструкции -by Heggland-, в эстонском языке придаточному оригинала соответствует отдельное предложение в активе (Aknast välja vaadates), где подлежащее передает агента пассивной конструкции оригинала. Таким образом грамматическая

трансформация пассива в актив обусловлена структурными различиями языков и приводит к полноценному переводу. Что касается замены придаточного предложения отдельным предложением, то оно вытекает из структурных различий языка оригинала и перевода. Строгому порядку английского языка противопоставлен свободный порядок слов в предложении эстонского языка.

Таким образом видим, что если переводчик хочет передать информацию возможно ближе к оригиналу, то он обязан учитывать все вышеназванные факторы, обеспечивающие коммуникативную и структурную целостность перевода, так как именно сопоставительный анализ перевода и подлинника обнажает лучшие всего скрытые свойства текста.

В заключении заметим, что анализ текста двух разносистемных языков с целью установления структуры текста и иерархической упорядоченности информации должен включать в себя анализ текста и в линейном аспекте. Рассмотрение конкретного материала показало, что в большинстве случаев при переводе с английского языка на эстонский, СФЕ на эстонском языке не накладывается на английское, т.е. не совпадает с ним по синтаксической, морфологической и лексической оформленности. В единствах имеются различные текстообразующие факторы и линейные типы связи. Они различаются в следующих аспектах:

- 1) другим порядком слов
- 2) другим порядком самих предложений
- 3) морфологической заменой частей речи
- 4) разного рода грамматическими трансформациями
- 5) различием глагольных форм

Наш материал подтверждает мнение О.Н. Москальской о том, что в СФЕ синтаксическая архитектура и факторы, определяющие аранжировку содержания, различны. (Москальская, 1981)

Ввиду того, что примеры взяты из художественных произведений, которые различаются по стилю, мы попытались привести только общие тенденции различий в структуре текстов двух разносистемных языков.

Таким образом можно утверждать, что мы имеем дело с крайне сложными структурами – синтаксическими, морфологическими и лексическими и поэтому тема требует еще дальнейшего изучения.

Л и т е р а т у р а

- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
- Van Dijk, T.A. Some Aspects of text Grammar. A Study the Theoretical Linguistics and Poetics. Mouton. The Hague. Paris, 1972.
- Hartmann, P. Texte als linguistisches Objekt. - In: Beiträge zur Textlinguistik, herausgegeben von W.D.Stempel. München, 1972.

ON THE COMPARATIVE STUDY OF A TEXT

Valda Ristna

S u m m a r y

In the article English and Estonian superphrasal unities are investigated. An attempt has been made to describe the linear coherence of texts in the terms of intersentential relation. General tendencies in the differences of the structure of texts have been given.

О ВЗАИМОСВЯЗИ СТРУКТУРЫ СЛОВА И ФОНЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ АНГЛИИ

В.Ф.Рущая

В анализе фонемных изменений в северном диалекте Англии - диалекте Лортона - мы будем исходить из следующих основных положений: а) синтагматические фонемные изменения заключаются в изменении фонемной структуры слова; б) парадигматические фонемные изменения - это изменения в общем составе фонем в языке; в) одновременно не изменяется больше одного различительного признака данной фонемы (Стеблин-Каменский, 1966).

В северных диалектах Англии среднеанглийское удлинение в открытом слоге происходило таким образом, что краткое /ē/, удлинившееся в открытом слоге, давало особую форму /Ē/ и вступало в корреляцию с /ā/, которое на севере не переходило в /ō/, как это было в других диалектах к югу от реки Хумбер (Рущая, 1981). В диалекте Лортона также реконструируется фонема /Ē/, коррелировавшая с /ā/ в серии максимально открытых гласных, но содержание этой фонемы представлено продуктом стяжения дифтонгов, возникших в результате вокализации /æ̃g/, /ǣ̃g/, /ā/ в позиции удлинения (в ряде случаев) и результатом стяжения /ēah/. Все они представлены монофтонгом [æ̃] в современном диалекте Лортона.

Диалект Лортона отражает 3 основные фонологические черты северных диалектов Англии (см. Brilioth, 1913, § 90):

1. Древнеанглийское /ā/ здесь не переходит в /ō/, а развивается в [iá], [iǣ]. Такое же развитие имеет /ǣ/, удлинившееся в открытом слоге. Дифтонг [iá] в начале слова становится [ja], в конечной позиции произносится [iǣ] с ударением на первом элементе.

Примеры: biān (bone), biáth (both), fīas (face), siǣ (so), jak (oak), jam (home), jal (ale), jans (once).

2. Древнеанглийское /ō/ (среднеанглийское /ō/) представлено в Лортоне дифтонгом /iū/: biūk (book), biūt (boat из др.англ. bōt), bliūd (blood), briūm (broom), giūs (goose). Дифтонги такого типа характерны для большинства северных диалектов.

3. Древнеанглийские /ū/ делябиализуются в /ī/ соответственно /§ 147, 190/. Краткое /ī/ сохраняется, а долгое дифтонгизируется в [ai]: aid (to hide), braid (bride), drai (dry).

mais (mice).

Следует отметить ряд других особенностей фонологического развития в диалекте Лортонa.

1. Древнеанглийское /æ̇/ , вокализовавшееся в среднеанглийском, здесь представлено монофтонгом /æ̃/, древнеанглийские /ȧ/ , /aw / , вокализовавшиеся в среднеанглийском в /au / , представлены монофтонгом [ō] (Brillioth, 1913, § 90).

2. Древнеанглийское краткое /ē/ в открытом слоге стало /ɛ̃/. Как отмечает Бриллиот, этот звук - переходная стадия между долгим простым звуком [ī] и дифтонгом [ei] . Количественно первый элемент [e] составляет 1/3 всего дифтонга /\$ I18/.

3. В первоначально открытом слоге /ō/ удлиняется и дает wo /\$ I38/, это /wō/ - также результат развития /ō/ в закрытом слоге перед r /\$ I30/.

Древнеанглийское /æ̃/ / i -умлаут от /ā/ развивается в /eī/ , как и /ē/ , удлинившееся в открытом слоге: deīl (to deal) /\$ I62/.

5. Древнеанглийское /æ̇/ , подобно /æ̇/ , представлено монофтонгом /æ̃/ : tīæ̃ (clay), nā̃ (nigh), kē̃ (key), æder (either) /\$ I64/. Таким же результатом представлено древнеанглийское /ē̇/ /уэссекское /æ̃/ : grā̃ (gray) /\$ I68/.

6. Англиское /ē/ (уэссекское /æ̃/) представлено в диалекте Лортонa долгим /ī/ , когда на него не влияли последующие звуки: dīd 'deed', grīdi (greedy), īb(ə)nīn '(evening) /\$ I65/.

7. Англиское /ē/ /уэссекское ēo, ēa/ перед палатальными c, g, h представлено долгим /ī/ /\$ I70/.

8. Древнеанглийское /ī/ дифтонгизируется в [ai] в Лортоне; как и в литературном английском, оно образует трифтонг с последующим r , подвергшимся вокализации: aid (hide), aidl (idle), ais (ice), mail (mile) /\$ I71/.

9. Древнеанглийское /ū/ представлено [u]. Этот дифтонгоид, по мнению Бриллиота, представляет первую стадию дифтонгизации /ū/ : brūn (brown), brū (brow), sūth (south) /\$ I86/.

10. Древнеанглийское /ēa/ монофтонгизуется в среднеанглийском в /ē/ и разделяет его судьбу, также как и /ē/ в открытом слоге. Оно представлено [ei] в beim (beam), bein (bean), beit (to beat), breid (bread), deid (dead), deith (death), deif (deaf) /\$ I94/.

Дифтонг /ēa/ выравнивается перед последующим h в английских диалектах (Sievers, Brunner, 1951, § II9, Рущая, 1971). Результат выравнивания на письме обозначается буквой e в нортумбрий-

ских памятниках (Foley, 1903, § 19; Kellum, 1906, § 33). Результаты выравнивания дали огромное разнообразие форм в современных английских диалектах (Wright, 1905, § 184). В Лортоне результат выравнивания представлен частично [i] в nī /англ. nēh совр. night, near /, /англ. bēh совр. high/, lī /англ. lēh совр. lea / частично [æ] в flāe /англ. flēh совр. flea /, nāgar /англ. nēh-gebūr совр. neighbour /.

II. Древнеанглийские /ēo/, /īo / представлены /eī / или /ī / в языке Лортон. Разница между ними очень незначительна и, как отмечает Брилиот, часто бывает трудно определить, произносится ли глайд [e] или нет. Дифтонг [eī] произносится в brest (breast др.англ. brēost), deīp (deer, др.англ. dēop), deīpth (depth др.англ. dēop), fleīs (fleece, др.англ. flēos). Монофтонг /ī / представлен в bī (to be, др.англ. bēon), bī (bee др.англ. bēo), flī (to flee, др.англ. flēon), sik (sick уэсс. sēoc, англ. sēc), thrī (three, др.англ. thrēo) /§ 201/.

Как известно, в нортумбрийских памятниках долгие дифтонги /ēo/, /āa / непоследовательно обозначаются на письме при помощи диграфов ēo, ēa. Это смещение наблюдается уже в самых ранних памятниках, а также регулярно характеризует памятники X века. В научной литературе имеются доказательства слияния долгих дифтонгов /ēo/, /āa/ еще в древнеанглийском, причем по этому признаку различаются южная и северная разновидности нортумбрийского диалекта. На севере древней Нортумбрии результатом слияния был дифтонг с узким первым элементом, на юге - дифтонг с широким первым элементом (Руцкая, 1969).

Поскольку рефлекс /ēo/, /āa/ в диалекте Лортон чаще представлены дифтонгом /eī /, который также является результатом развития древнеанглийского /ǣ / > с.а. /ē/, можно допустить их слияние в древнеанглийском дифтонге с широким первым элементом.

Как известно, К.Люик (Luick, 1896) и Г.Ортон (Orton, 1952) отмечали, что в ряде северных диалектов все еще различаются рефлекс /ē/, удлинившегося в открытом слоге, и /ē/ из древнеанглийских /ǣ /, /āa/. Ряд диалектов указывает также на сохранение рефлекса /ē/ на севере. К таким диалектам, сохраняющим рефлекс всех трех /ē/ фонем, относятся: Уиндхилл /юг Йоркшира/, Флитвуд /Ланкашир/, Олдингтон /Ланкашир/; Адингам /Уэст Райдинг Йоркшира/, Олдэм /Ланкашир/.

Г.Ортон считал, что рефлекс /ē/, удлинившегося в открытом слоге, был наиболее открытой /ē/-фонемой. Он реконструирует та -

кое развитие гласных в северных диалектах:

	ME		IME/ENE		ENE		NE
Angl.	\bar{e}	} [e:] >		>		[i:] > [i:]	
OE	\bar{e}						
OE	\bar{eo}						
OE	\bar{ea}	} [ɛ:] >		>		[eə] > [iə]	
OE	$\bar{æ}$						
OE	\bar{e}						
OE	\bar{e}	[ɛ:] lowered	[ɛ:]	>	[ɛɪ]	>	[ɛi]
OE	$\bar{æ}$, \bar{a}	} [a:] >		>		[ɛə] (? ɛə) > [eə]	
OSc	\bar{a}						
OFr	a						
OE	$\bar{æ}$ g, \bar{e} g	} [ai] ([æi]) > [ɛ:]		>		[ɛə]	
Sc	ei, \bar{e} g						
Fr	ai, ei						

Из схемы Ортона ясно, что рефлексы трех / \bar{e} /-фонем различаются как в среднеанглийском, так и в новоанглийском. С другой стороны, рефлексы / \bar{a} / и рефлексы дифтонгов, возникших по вокализации (/ai/, /ei/), сливаются в позднем среднеанглийском и представлены одним рефлексом в новоанглийском. Известно, что датировка перехода северного / \bar{a} / в / $\bar{æ}$ / и дифтонгов / $\bar{æ}$ i/, /ei/ в / $\bar{æ}$ / давно вызвала споры. Разные авторы датируют этот переход с разницей в 350 лет.

Так, Джозеф и Мэри Райт (Wright, 1928, § 51) считали, что / \bar{a} / оставалась неизменной на севере до конца XIII века, а затем она перешла в долгое открытое / \bar{e} /, совпав с удлинившимся в открытом слоге / \bar{a} /, а также / \bar{a} / в ранних французских заимствованиях. К. Люик полагал, что гласный / \bar{a} / достиг стадии / \bar{e} / в третьей четверти XVI века.

А. Викар, на основании анализа даремских документов, приходит к выводу, что /ai/ и / \bar{a} / произносилось как / \bar{e} / в диалекте Дарема к середине XIV века (Vikar, 1922, 5). В этих документах свободно чередуются написания a, au, ai, eu для обозначения рефлексов древнеанглийских / \bar{a} /, / $\bar{æ}$ g/, / \bar{e} g/.

В диалектах юго-востока Йоркшира можно найти подтверждение этой гипотезы Викара. Для них мы реконструируем фонему /E/-(коррелят /ā/), к которой отошли аллофоны /ē/, удлинившегося в открытом слоге, и монофтогизовавшиеся рефлексы /ēg /, /ǣg/. Эта гипотеза, на наш взгляд, объясняет отсутствие перехода /ā/ в /ō/ на севере Англии (Рущкая, 1976, 140-146).

В диалектах Уиндхилла, Флитвуда, Олдингтона, Аддингама, Олдэма, Гриндлтона /E/-коррелят /ā/ был представлен, в основном, фонологизовавшимся /ē/ в позиции удлинения. Эта фонема часто притягивала аллофоны близких гласных в системе, чаще всего /ē/ и /ā/.

В диалекте Лортона /E/ также фонологизовалось и стало коррелировать с /ā/ по степени открытости. Однако содержание этой фонемы определялось стянувшимися дифтонгами, возникшими из вокализации /ǣg/, /ēg / и /ā/ в позиции удлинения /в ряде случаев/, а также результатом стяжения /ēah /. Все они представлены монофтогом [ǣ]. Если прав Викар, это произошло в конце XIV века. К этому времени фонологизовались результаты удлинения /ē/ и /ō/ в открытом слоге после отпадения конечного [ǣ]. В перечисленных выше диалектах они образовали отдельные фонемы /E/ и /ō/, причем /E/ заняло место в серии максимально открытых, вступив в корреляцию с /ā/, а новое /ō/ заняло место в ряду заднеязычных, вступив в корреляцию с /ē/, так что система стала симметричной:

ī	ū
ē	ō
ǣ	ȝ
E	ā

Содержание фонемы /ō/ определялось также /o/ в заимствованиях. Симметрия системы, созданная новыми корреляциями, воспрепятствовала переходу /ā/ в /ō/ в северных диалектах. С одной стороны место /ō/ уже было занято, с другой стороны, у /ā/ появился новый переднеязычный коррелят.

Диалект Лортона подтверждает гипотезу Йордана о том, что /ē/, удлинившееся в открытом слоге, совпадало с /ē/, а /ō/ развивалось по-особому (Jordan, 1925, 53). Однако, мы видим, симметричность среднеанглийской системы на севере, за которую так ратовал Добсон (Dobson, 1962, 138-139), считавший, что в среднеанглийском асимметричной системы быть не могло, имеет разное фонологическое содержание даже в северном ареале. Приходится согласиться с Добсо-

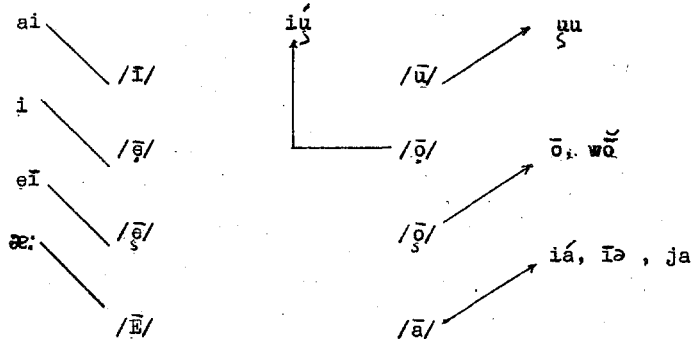
ном, что диалекты Ланкшира и Йоркшира представляют особую проблему. Особенности этих диалектов, в первую очередь, связаны с процессами фонологизации удлинившихся кратких. Развитие основных гласных в диалекте Лортон может быть представлено следующей схемой:

Древнеанглийский	Среднеанглийский	Лортон
ǣg, æg, ēg, ā/удл./, ēah	Ē	ē
ā /удл./, ā	ā	ia, Ia, ja
ag, aw	ō	ō
ē/удл./, æ, ēa, ēo	ē	eī
ō/удл./,	ō (wō)	wō
ē, ēah	ē	ī
ī	ī	ai
ō	ō	iū
ū	ū	uu s

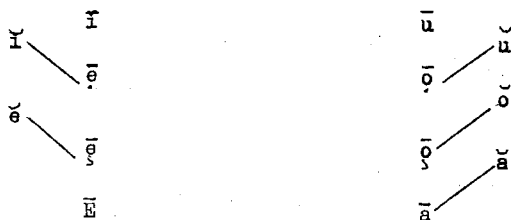
Таким образом, и здесь сохраняются рефлексy трех /ē/-фонем среднеанглийского. Особую проблему представляет развитие среднеанглийского /ō/. С одной стороны, можно утверждать, что здесь произошла ранняя монофтонгизация дифтонгов вокализации /из ag, aw/, параллельная вокализация /æg/, /eg/, с другой стороны, что происходило синтагматическое расщепление /ō/, удлинившегося в открытом слоге, которое представлено /wō/. С другой стороны, /w/ могло появиться позднее. Имеющиеся данные не позволяют высказаться точнее по этому вопросу. Для нас важнее подтвердить системное решение, предложенное выше. Начнем с корреляции максимально открытых /Ē/ - /ā/. Их синхронное существование подтверждается примерами, в которых рефлексy /ā/ в позиции удлинения совпадают, с одной стороны, с рефлексами /ā/, и представлены, соответственно, [ia], [ja], [Ia], с другой стороны, представлены [ē], которое также является рефлексом /æg/, /æg/, /ēah/. Этот факт может свидетельствовать в пользу фонологического расщепления удлинившегося /ā/, часть аллофонов которого сливается с /Ē/, часть с /ā/. Если существовала такая корреляция, единственная возможность для фонологизации среднеанглийского /ō/ заключалась в установлении корреляции с /ē/.

В среднеанглийской системе образовались парадигматически новые фонемы, происходило также синтагматическое слияние двух фонем

В конце XIV века в рамках данной системы начинается Великий сдвиг гласных, который в диалекте Лортона дает такие результаты:

Если считать, вслед за Тринкой, что / \bar{Y} / коррелировало с / \bar{e} /, а / \bar{u} / с / \bar{o} /, то в реконструированной нами системе три долгие фонемы не имели коррелятов: это / \bar{i} /, / \bar{u} /, / \bar{e} /:

Эта ранняя стадия дифтонгичности до сих пор сохраняется в

рефлексе /ū /, представленном [ɥu] в Лортоне.

Таким образом, результаты Великого сдвига гласных в диалекте Лортон в значительной мере определяются особенностью системы гласных, сложившейся на севере Англии в среднеанглийский период. Как уже отмечалось, для многих диалектов севера реконструируется подсистема долгих, состоящая из 8 гласных. При этом в ряду переднеязычных гласных сохраняется фонологическое противопоставление по степени открытости между тремя ē-фонемами: /ē/, /ĕ/, /Ē/. В ряду заднеязычных сохраняется противопоставление между /ō/, /ȝ/ и /ā/. Сохранение /ā/ - типичная черта северных диалектов - объясняется наличием корреляции между /Ē/ и /ā/. Существование последних фонем на одной оси подтверждается расщеплением аллофонов /ā/ после удлинения в открытом слоге таким образом, что часть из них отошла к фонеме /Ē/, которая представлена в современном диалекте [æ], а другая часть отошла к /ā/ и представлена, подобно рефлексам д.а. /ā/, в современном Лортоне тремя вариантами (в зависимости от дистрибуции): [iá], [iə], [ja]. Таким образом фонологизация /Ē/ в среднеанглийском явилась важным парадигматическим изменением, которое предопределило "загадочное" сохранение /ā/ на севере Англии.

Фонема /Ē/ отличалась от /ē/ как более открытая фонема, она притягивала аллофоны /ē/ перед h, так как известно, что рефлексам д.а. /eah/ представлены в диалекте современным [æ].

Интересной особенностью диалекта Лортон является употребление [j] как заполнителя хиата. Древнеанглийское /ā/ представлено в начальной позиции [ja], это [j] может замещать [h], [w] в словах 'home' [jam], 'once' [jans]. Эта особенность встречается и в других диалектах севера Англии. Протетическое [w] встречается в рефлексах /ō/, удлинившегося в открытом слоге.

Показательно также то, что результаты Великого сдвига гласных здесь представлены в ряде случаев восходящими дифтонгами: iū (из /ō/), iá (из /ā/), сюда же, вероятно, относится eī (из /ē/). Принято считать, что в литературном английском языке дифтонгизации подверглись, в первую очередь, фонемы, оказавшиеся изолированными в силу отсутствия кратких коррелятов. Данный диалектный материал лишь частично подтверждает эту гипотезу. В Лортоне рефлекс /Ē/ не подвергся дифтонгизации и представлен монофтонгом [æ], долгое /ū / представлено дифтонгоидом [ɥu], в отличие от [au] в литературном английском, и лишь только /ī / представлено дифтонгом [ai].

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Иванова И.П., Чахойн Л.П. История английского языка. М., 1976.
- Руцкая В.Ф. Фонологический статус долгих дифтонгов в нортумбрийском диалекте. - В кн.: Романо-германское языкознание. Минск, 1969, 137-155.
- Руцкая В.Ф. К вопросу о "выравнивании" в нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка. - В кн.: Вопросы филологии. Минск, 1971, 151-157.
- Руцкая В.Ф. Современные диалекты юго-востока Йоркшира в свете исторической фонологии. - В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1976, 140-146.
- Руцкая В.Ф. Удлинение и Великий сдвиг открытых гласных в северных диалектах английского языка. - В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1981, 124-132.
- Стеблин-Каменский И.М. К теории звуковых изменений. - Вопросы языкознания, 1966, № 2.
- Brillioth B. A Grammar of the Dialect of Lorton (Cumberland -Uppsala, 1913, 1-198).
- Dobson E.G. Middle English Lengthening in Open Syllables-Transactions of the Philological Society, 1962.
- Foley E. The Language of the Northumbrian Gloss to the Gospel of Saint Matthew. - Yale Studies in English XIV, 1903.
- Jordan R. Handbuch der Mittelhenglischen Grammatik, Heidelberg, 1925.
- Kellum M.D. The Language of the Northumbrian Gloss to the Gospel of Saint Luke. - Yale Studies in English, XXX, New York, 1906
- Luiak K. Untersuchungen zur englischen Lautgeschichte, Strassburg, 1896.
- Orton H. The medial Development of ME \bar{o} (Tense), fr. \bar{u} ([\bar{y}]) and ME eu (OE \bar{eow}) in the Dialects of the North of England. - Englische Studien, 1929, 63, No 2.
- Orton H. The Isolative Treatment in Living North-Midland Dialects of OE \bar{e} lengthened in Open Syllables in Middle English.- Leeds Studies in English and Kindred Languages, No 7-8, 1952, 97-128.
- Sievers E., Bruenner K. Altenglische Grammatik nach der Angeli-Sächsischen Grammatik, Halle/Saale, 1971.
- Vikar A. Contributions to the History of the Durham Dialects. Malmö,

1922.

Wright J. The English Dialect Grammar, Oxford, 1905.

Wright J., Wright E.M. An Elementary Middle English Grammar, 1928.

ON THE INTERDEPENDENCE OF THE STRUCTURE
OF THE WORD AND THE PHONEMIC CHANGES IN NORTHERN
DIALECTS OF ENGLISH

Valentina F. Rutskaya

S u m m a r y

The article is devoted to the paradigmatic and syntagmatic phonemic changes in the Northern dialects of the English language. The functioning of the ME vowel system in the Northern dialects and the results of the Great vowel shift are compared with the results of the Great vowel shift in Standard English. The main peculiarity of the ME Northern vowel system is pre-determined by the phonologization of the results of lengthening of short phonemes in the open syllable and the establishment of the correlation between / \bar{e} / and / \bar{a} / in the open series. The content of the phoneme / \bar{e} / was made up by OE / \tilde{a} /, lengthened in the open syllable, and / $\tilde{e}g$ /, / $\tilde{e}g$ /, / $\tilde{e}ah$ / which are represented by the same reflex in the dialect of Lorton (æ). The reconstruction of this opposition makes it possible to explain the purely Northern development of OE / \bar{a} / which did not change into / \bar{p} / as in Standard English. This correlation was established in many Northern dialects but its phonological content was different in different dialects, hence the great variety in the results of the Great vowel shift in the North.

КВАНТИТАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Юхан Тулдава

В статье обсуждаются некоторые теоретические проблемы членения словарного состава языка и проводится анализ лексико-семантических групп существительных в эстонском языке, исходя из принципов квантитативно-системного изучения лексики.

Вводные замечания. Системный характер лексики определяется, в частности, объединением слов в различные группы (классы, ряды, поля и т.п.) на основании выявленных сходств и различий между словами. Образование лексических группировок основывается на процедуре классификации и во многом зависит от метода и целей исследования. В этом смысле возможны разные решения задач классификации на одном и том же материале. Создаваемые исследователем группировки следует рассматривать как построения, позволяющие моделировать структуру словаря с какой-нибудь определенной точки зрения. Но это не значит, что различные лексические группировки лишены онтологического основания, при условии, что учитываются реально существующие связи в лексической системе языка.

Группировка слов и изучение внутригрупповых и межгрупповых отношений — это чрезвычайно эффективный прием лексического анализа. Во многих случаях в результате такого анализа удается выявить еще не описанные стороны лексической системы языка и организовать их дальнейшие исследования. Общеизвестна роль лексических группировок (классификаций) в лексикографии, стилистике и методике преподавания языков, а также при информационном поиске и автоматическом переводе.

Прежде чем приступить к практическому анализу группировок слов, следует уточнить некоторые понятия и термины. В зависимости от характера взаимосвязи слов мы выделяем в системе лексики особые подсистемы под общим названием "лексические группы" (ЛГ), которые имеют свои разновидности на разных уровнях языка. На основании сходства фонетического состава или словообразования выделяются "лексико-формационные группы" слов (ЛФГ). Общность грамматических значений является основанием для образования "лексико-грамматических групп" (ЛГГ). На основании близости или однородности семантики слов образуются "лексико-семантические группы" (ЛСГ).

Кроме этих основных типов ЛГ возможны еще группировки слов по разным другим признакам (этимологическим, стилистическим и др.). Возможна группировка и по смешанным признакам.

Лексические группы, образуемые на любом уровне, обладают весьма существенными к в а н т и т а т и в н ы м и свойствами. Например, в пределах обследуемого конечного словаря можно определить объем, т.е. количество элементов ЛГ, причем на конкретном уровне численные значения объемов различных ЛГ образуют типичное многообъектное распределение (Тулдава Ю., 1982). При неодинаковой величине объемов ЛГ такое распределение может быть представлено как ранговое, выявляя упорядоченность по "значимости" в ряду лексических групп и тем самым раскрывая некоторую лингвистическую закономерность. Далее, при употреблении в речи выявляются частоты отдельных ЛГ, а также внутригрупповые распределения частот элементов в рамках ЛГ, что позволяет определить центр (ядро) и периферию в данной совокупности объектов. Учитывая "размытость" границ лексических групп (возможность пересечения), а также вероятностный характер распределения частот употребления слов (возможность выбора), нам представляется правомерным при исследовании ЛГ применить наряду с качественным анализом квантитативно-системный подход, при котором распределения квантитативных характеристик ЛГ как в словаре (инвентаре), так и в тексте (речи) рассматриваются в качестве вероятностных систем с характерными для таких систем свойствами устойчивости и вариативности (Сачков Ю.В., 1971; см. также: Тулдава Ю., 1980).

Лексико-семантические группы. В данной работе рассматривается одна из основных разновидностей лексических групп — ЛСГ. Это — общее название всяких лексических групп, образовавшихся на лексико-семантическом уровне, т.е. на основе семантической связи слов. Но ЛСГ бывают разных типов и объемов.

От лексико-семантических групп слов иногда отличают так называемые тематические (предметные, понятийные) группы на том основании, что последние выделяются на основе экстралингвистических критериев, т.е. основываются на классификации самих предметов и явлений действительности. Но ведь весь лексический состав языка более или менее непосредственно отражает внеязыковую действительность. Кроме того, как справедливо отмечает Д.Н. Шмелев (1977, с. 187), тематические объединения слов "не осуществляются вне тех рамок, которые устанавливаются языком, а соответственно в той или иной мере

определяются общим характером семантических отношений, свойственных данному конкретному языку". Представляется, что тематические группы можно с полным правом отнести к лексико-семантическому уровню и их следует рассматривать как разновидности ЛСГ. В таком случае можно подразделить ЛСГ на собственно семантические группы (семасиологический подход) и тематические группы (ономасиологический подход). По-видимому, можно различать еще смешанный тип - "семанτικο-тематические" ЛСГ - в том случае, если, например, в тематической группе выявляются внутригрупповые семантические отношения (синонимия, антонимия и т.д.) или наоборот - в семантической группе определяются внутригрупповые отношения на тематической основе (например, предметные подгруппы в рамках семантической группы конкретных неодушевленных существительных). В данной работе как раз целесообразно выделить тематические подгруппы на базе семантических.

По типу отношений между словами лексико-семантические группы подразделяются на группы с парадигматическими и синтагматическими связями (сходство, противопоставленность, субординация) и синтагматическими связями (совместная встречаемость, сочетаемость). В данной работе мы рассмотрим только ЛСГ с парадигматическими связями. Благодаря парадигматическим отношениям слов обеспечивается возможность выбора единиц при порождении речи, и этим определяется важность исследования парадигматических ЛСГ как в качественном, так и в количественном плане (не уменьшая при этом роли синтагматического фактора, тесно взаимодействующего с парадигматическим).

К образованию ЛСГ можно подойти двояко. С одной стороны, возможен синтетический подход, когда образование группы начинается от элемента (от частного к общему). С другой стороны, при аналитическом подходе продвигаются от универсального множества к подмножествам (от общего к частному).

Исходной самостоятельной единицей лексико-семантического уровня следует считать лексико-семантический вариант (ЛСВ), с которого и начинается образование ЛСГ при синтетическом подходе. ЛСВ может быть основной единицей подсчета и при квантитативном исследовании ЛСГ, если удастся точно выделить отдельные значения слова. В своей работе мы будем по мере возможностей - учитывая имеющуюся информацию в рассматриваемых словарях - различать основные лексические значения слов

и тем самым основные ЛСВ только в тех случаях, когда это оказывается необходимым при распределении единиц в группы (рассматривая разные ЛСВ одного слова как омонимы). При невозможности учета отдельных значений слова за основу берется слово в своем основном значении. В дальнейшем будем называть все единицы подсчета словами. Ясно, что в практической работе обнаруживается некоторая неопределенность (и субъективность) при выявлении границ ЛСГ, но это учитывается при квантитативно-системном подходе к изучению лексики (вероятностно-статистическая трактовка).

Объединение слов в группы происходит на основе интегрального (инвариантного) признака. При этом образуются ЛСГ разных уровней и типов. В конкретном исследовании "результативная" ЛСГ (при синтетическом подходе) или "исходная" ЛСГ (при аналитическом подходе) может быть названо лексико-семантическим полем (ЛСПо), которое представляет собой промежуточное объединение ЛСГ разных уровней. Еще более крупное объединение (система) ЛСГ, отражающее в своей совокупности некоторый обширный участок объективной действительности, называется лексико-семантическим пространством (ЛСПр)⁺, которое является подсистемой первого порядка в лексико-семантической системе (ЛСС) в целом. По нашей концепции ЛСПо и ЛСПр являются в принципе межгрупповыми образованиями и в этом качестве могут при надобности охватывать разные части речи.

Итак, при синтетическом подходе движение в сторону интеграции идет по линии: ЛСВ (слово) — ЛСГ — ЛСПо — ЛСПр — ЛСС (весь словарь языка). Естественно, что при аналитическом подходе образование групп осуществляется в обратном порядке. В практической части настоящей работы был выбран аналитический подход, и он будет рассмотрен более подробно.

При аналитическом подходе членение лексико-семантической системы языка происходит на основе системы дифференциальных семантических признаков (ДСП), которые отличаются

⁺ Это определение можно соотнести с трактовкой понятия "семантическое пространство" в теории расчленения смысла (см. Пиотровский Р.Г., 1975, с. 215). Семантическое пространство охватывает, например, определенную отрасль знаний. Лексико-семантическим пространством в нашем понимании может быть лексика соответствующего подязыка. Но лексико-семантическое поле — меньшего масштаба и занимает по существу определенный подучасток ("район") в рассматриваемом лексико-семантическом пространстве. В данной работе рассматривается ЛСПо имен существительных в (под)системе лексики (ЛСПр) современной эстонской художественной прозы.

друг от друга различной степенью обобщенности (так же, например, Уфимцева А.А., 1972; Генералова Л.К., 1972). Если взять, к примеру, имена-существительные, то для них наиболее общим, категориальным (категориально-семантическим) признаком можно считать "субстанциональность" (сущность, предметность), которая, являясь дифференциальной при отграничении существительных от других разрядов слов, в то же время играет роль интегрального (инвариантного) признака при объединении всех существительных в одну группу. Далее можно выделить категориально-семантические признаки меньшей степени обобщенности, например, "нарицательность", "конкретность", "одушевленность" и т.д., служащие основанием для дальнейшей классификации существительных. Классификация проходит стадии выделения ЛСГ с помощью различных субкатегориальных семантических признаков, доходит до уровня микро-ЛСГ типа синонимического ряда (вплоть до пары синонимов) и кончается выделением единичного элемента (ЛСВ). Как уже было указано, некоторое объединение ЛСГ - в данном случае, например, группа (класс) существительных - может быть названо лексико-семантическим полем. Так как весь процесс членения лексико-семантической системы осуществляется на основе иерархически организованной системы ДСП, следует остановиться и на принципах построения такой системы.

При организации ДСП в систему может быть использован дихотомический принцип (см., например, Билан В.Н. и др., 1977), при котором каждый признак представляется в виде бинарной привативной оппозиции как А/не-А, в которой один член характеризуется наличием, а другой - отсутствием признака (это можно выразить также через +/- или I/O; последнее обозначение как бы определяет вероятность принадлежности элемента к множеству⁺). Вполне возможна и система признаков, где используются не только бинарные оппозиции, но и отношения большей размерности. Дихотомический принцип выбирается в данной работе по той причине, что бинарные оппозиции категориальных признаков типа нарицательность - ненарицательность, конкретность - неконкретность и др. имеют определенный содержательный (стилистический) смысл и оказываются удобными и

⁺ Теоретически возможна и более сложная модель, в которой рассматривается вся шкала вероятностей от 0 до 1, или "степень принадлежности" элемента к данному множеству (согласно теории нечетких множеств).

наглядными при количественном анализе распределений слов. Вследствие того, что выделенные признаки являются неравнозначными, вполне естественно устанавливается иерархия (инклюзивность) в системе признаков и, следовательно, также в системе ЛСГ. Модель такой системы можно схематически представить в виде дихотомического дерева (см. рис. I). Следует добавить, что на практике любая ветвь дихотомического дерева может быть продолжена или отсечена в зависимости от задач исследования. Как выясняется, одна и та же совокупность ДСП присуща определенному множеству слов, которые на этом основании объединяются в группы (ЛСГ) разных уровней и объемов. Как отдельные слова, так и ЛСГ, куда они входят, могут быть представлены в виде цепочек ДСП (например, нарицательное – конкретное – неодушевленное и т.д.) или с помощью цифрового двоичного кода – последовательностью единиц и нулей в порядке их следования по ветви дихотомического дерева. Последний способ удобен при процедурах автоматической классификации в сочетании с количественным подсчетом.

ЛСГ имен существительных. Принципиальную возможность членения всего словарного состава по единому плану доказывает факт существования идеографических словарей-тезаурусов, базирующихся на тематическом (ономастологическом) принципе (подробнее о них см. Караулов Ю.Н., 1976). И для эстонского языка составлен идеографический ("аналогический") словарь (Saareste A., 1958-1963), охватывающий около 1900 тем-понятий, но без классификации их. Однако учитывая чрезвычайную сложность и неоднородность типов семантических связей (Скороходько Э.Ф., 1974), или "корреляций" (Городецкий Б.Ю., 1969), а также недостаточную разработанность методики фронтального изучения лексики для выявления ЛСГ при семасиологическом подходе (с которого мы начинаем), представляется целесообразным выбрать путь "промежуточных обобщений" и начать работу с изучения частных подсистем лексики данного языка. Непременным условием является при этом соблюдение единой методики исследования.⁺

В практической части настоящей работы подвергаются ана-

⁺ Из предыдущих исследований семантических подсистем в эстонском языке можно назвать некоторые работы Х. Нйма (1969 и 1975), в которых автор проводит классификацию слов на основе критериев глубинной семантики.

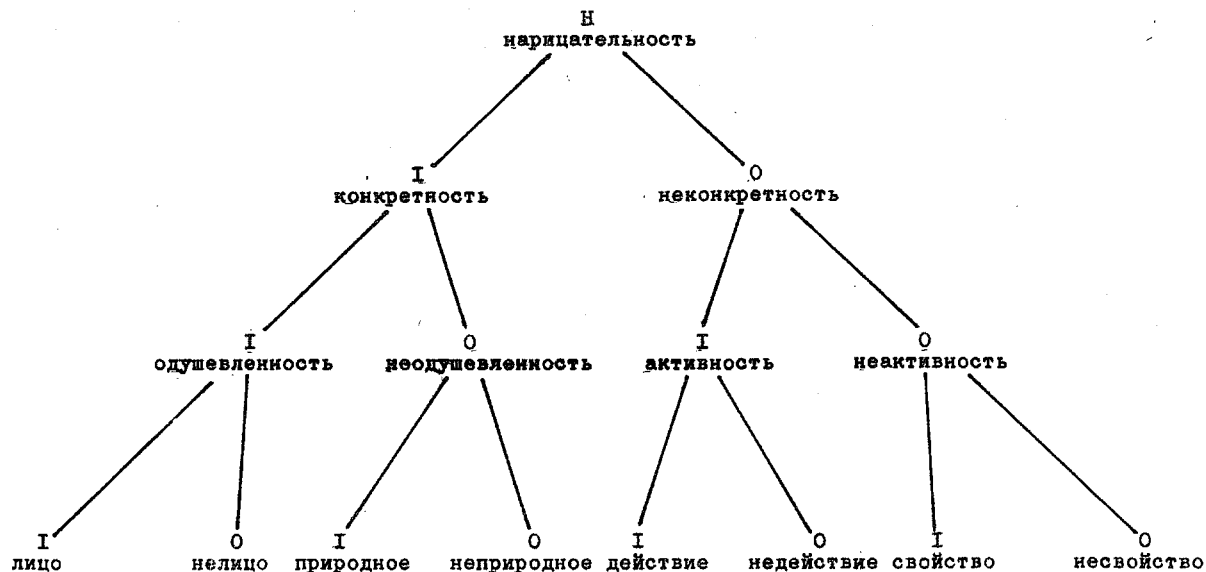

Рис. 1. Дихотомическое дерево дифференциальных семантических признаков (ДСП) для нарицательных имен существительных

лизу имена существительные эстонского языка в одном определенном жанре – в художественной прозе, причем рассматриваются раздельно авторская речь и речь персонажей. Этим обеспечивается необходимая однородность материала для проведения количественного анализа.

Согласно принятым теоретическим установкам мы исходим из тезиса о том, что класс имен существительных выделяется в лексико-семантической системе как особая подсистема на основе общего характера лексического значения, т.е. с точки зрения семантики.⁺ Как уже было отмечено выше, наиболее общим категориально-семантическим признаком для выделения имен существительных является с у б с т а н ц и о н а л ь н о с т ь. Она понимается как "сущность", или "предметность" в широком смысле, которой характеризуются не только осязаемые вещи или предметы, но и "определенные" свойства, состояния и действия в отвлечении от их носителя или производителя. Эту исходную ЛСП ("лексико-семантическое поле") следует расчленить на подгруппы на основе ДСП меньшей степени обобщенности.

При выборе следующего признака можно руководствоваться как практическими (например, традиционными), так и теоретическими соображениями. Известно, что по давней традиции в лексиконе языка отделяются друг от друга нарицательные и собственные имена (часто последние вообще не учитываются при составлении словарей). Теоретически собственные имена, хотя и признаются именами существительными, считаются в некотором смысле "лексически неполноценными" словесными знаками, обладающими лишь номинативно-идентифицирующей функцией, способствующими "различению, опознанию лица, предметов, места, не прибегая к их качественным характеристикам" (Уфимцева А.А., 1972, с. 448). Поэтому является обоснованным выделение бинарного признака "нарицательность – ненарицательность" в качестве основы для первого разделения всей группы имен существительных на две основные подгруппы: нарицательные и собственные имена. Количественный анализ мы начинаем именно с этого разделения, а в дальнейшей классификации будем руководствоваться принятой схемой распределения ДСП (см. рис. I).

Конкретный материал для исследования взят из частотного словаря авторской речи современной эстонской художественной прозы (Kaasik, Ü. et al., 1977). Количественные характеристи-

⁺ Это не мешает выделению класса имен существительных как особой группы на лексико-грамматическом уровне (другой уровень анализа).

ки этого словаря рассматриваются в качестве "нормы" (эталона, точки отсчета) для данного стиля в целом. Для сравнения приводятся данные отдельного произведения — по материалам имеющихся частотных словарей авторской речи и речи персонажей I-го тома романа "Правда и справедливость" эстонского классика А.Х. Таммсааре (Villur A., 1978). Словарь современной художественной прозы составлен на основе 20 выборок из 20 произведений разных авторов за период 1961-1970. I-й том романа А.Х. Таммсааре представлен полностью; он написан в середине 20-х годов нашего столетия.

Обзорные численные данные о распределении частот ЛСГ в словаре и тексте приведены в таблицах 1, 2 и 3. Кроме абсолютных и относительных частот в таблицах указано также отношение текстовых и словарных частот (Т/С), выражающее среднюю частоту употребления ("функциональную нагрузку") данной группы существительных в тексте.

Собственные имена. В выборке из авторской речи современной эстонской художественной прозы (в дальнейшем сокращенно: ХП) собственные имена и нарицательные существительные соотносятся как 13,5 % / 86,5 % в словаре и 12,9 % / 87,1 % в тексте.⁺ Можно сказать, что в среднем каждое седьмое существительное в сводном словаре и тексте авторской речи является именем собственным. Большой удельный вес собственных имен обнаруживается и в отдельном произведении, например, в авторской речи романа А.Х. Таммсааре (в дальнейшем: Т1) собственные имена составляют 23 % всех существительных в тексте (см. табл. 2), хотя в словаре их доля лишь 3,8 % (по сравнению со сводной выборкой разнообразие собственных имен у одного автора, естественно, меньше). В речи персонажей романа А.Х. Таммсааре (в дальнейшем: Т2) доля собственных имен в словаре несколько больше (7,5 %), а в тексте несколько меньше (15,3 %), чем в авторской речи. Можно отметить большую функциональную нагрузку собственных имен в тексте; например, отношение текстовых и словарных частот у собственных имен в Т1 составляет 52,2, т.е. собственные имена повторяются в среднем 52,2 раза в тексте, против 6,8 у нарицательных существительных. Известно, что собственные имена, в частности имена (или фамилии) главных героев, как правило, находятся среди наиболее частотных слов в словаре художественно-

⁺ В отношении всех слов собственные имена составляют 8,0 % в словаре (1180 из 14654) и 4,1 % в тексте (4066 из 99898). См. табл. 1.

Таблица I

Распределение частот лексико-семантических групп имен существительных в авторской речи современной эстонской художественной прозы (по данным сводной выборки из 20 произведений)

Лексико-семантическая группа	Словарь		Текст		Отнош.
	число (С)	%	число (Т)	%	Т/С
Собственные имена:					
Имена людей	476	5,4	2699	8,6	5,7
Прочие	704	8,1	1367	4,3	1,9
Всего собственных имен	1180	13,5	4066	12,9	3,5
Нарицательные сущ. (по ДСП):					
Н111: лицо } одуш.	1078	12,4	3961	12,6	3,7
Н110: нелицо } одуш.	162	1,9	568	1,8	3,5
Н101: природное } неодуш.	1139	13,1	5634	17,9	4,9
Н100: неприродное } неодуш.	2207	25,3	7185	22,8	3,3
Всего конкретных сущ.	4586	52,7	17348	55,1	3,8
Н011: действие } акт.	1084	12,5	2256	7,2	2,1
Н010: недействие } акт.	309	3,5	908	2,9	2,9
Н001: свойство: } неакт.	145	1,7	468	1,5	3,2
Н000: несвойство } неакт.	1403	16,1	6461	20,5	4,6
Всего абстрактных сущ.	2941	33,8	10093	32,0	3,4
Всего нарицательных сущ.	7527	86,5	27441	87,1	3,6
Всего существительных	8707	100,0	31507	100,0	3,6
Всего слов в авторской речи	14654	-	99898	-	6,8

Таблица 2

Распределение частот лексико-семантических групп имен существительных в авторской речи I-го тома романа А.Х.Таммсааре "Правда и справедливость" (зст.)

Лексико-семантическая группа	Словарь		Текст		Отнош.	
	число (С)	%	число (Т)	%	Т/С	
Собственные имена:						
Имена людей	93	2,3	6443	18,8	69,3	
Прочие	58	1,5	1438	4,2	24,8	
Всего собственных имен	151	3,8	7881	23,0	52,2	
Нарицательные сущ. (по ДСП):						
НIII: лицо	} одуш.	451	11,2	5060	14,7	11,2
НIIО: нелицо		136	3,4	992	2,9	7,3
НIOI: природное	} неодуш.	543	13,5	5679	16,6	10,5
НIOO: неприродное		1002	25,0	5580	16,3	5,6
Всего конкретных сущ.		2132	53,1	17311	50,5	8,1
НОII: действие	} акт.	736	18,3	2283	6,6	3,1
НОIO: недействие		175	4,4	884	2,6	5,1
НОOI: свойство	} неакт.	145	3,6	500	1,5	3,4
НООO: несвойство		675	16,8	5424	15,8	8,0
Всего абстрактных сущ.		1731	43,1	9091	26,5	5,3
Всего нарицательных сущ.		3863	96,2	26402	77,0	6,8
Всего существительных		4014	100,0	34283	100,0	8,5
Всего слов в авторской речи		7348	-	114124	-	15,5

Таблица 3

Распределение частот лексико-семантических групп имен существительных в речи персонажей I-го тома романа А.Х.Таммсааре "Правда и справедливость (эст.)"

Лексико-семантическая группа	Словарь		Текст		Отнош.
	число (С)	%	число (Т)	%	Т/С
Собственные имена:					
Имена людей	77	4,7	961	10,2	12,5
Прочие	46	2,8	486	5,1	10,6
Всего собственных имен	123	7,5	1447	15,3	11,8
Нарицательные сущ. (по ДСП):					
НIII: лицо	238	14,5	1984	21,0	8,3
НIIIО: нелицо	94	5,7	410	4,4	4,4
НIOI: природное	250	15,2	1589	16,8	6,4
НIOO: неприродное	415	25,3	1680	17,8	4,0
Всего конкретных сущ.	997	60,7	5663	60,0	5,7
НОII: действие	143	8,7	416	4,4	2,9
НОIO: недействие	36	2,2	150	1,6	4,2
НОOI: свойство	35	2,1	191	2,0	5,5
НОOO: несвойство	309	18,8	1576	16,7	5,1
Всего абстрактных сущ.	523	31,8	2333	24,7	4,5
Всего нарицательных сущ.	1520	92,5	7996	84,7	5,3
Всего существительных	1643	100,0	9443	100,0	5,7
Всего слов в речи персонажей	3135	-	46232	-	14,7

го произведения. Так, например, имя Andres - самое частотное знаменательное слово в Т1, а в общем частотном списке находится на 9-м месте, имея частоту 1602 (4,7 % всех существительных, 1,4 % всех словоупотреблений в авторской речи); Mari - на 15-м месте (частота 827); Rearu - на 17-м месте (частота 817). Количество собственных имен в художественном произведении соответствует их роли в качественно-стилистическом отношении. На важность изучения собственных имен с точки зрения их образных и характеристических функций в художественном произведении указывали многие видные исследователи (например, Виноградов В.В., 1963, с. 38).

Собственные имена можно подразделять на имена людей (антропонимы) и прочие имена, причем возможна еще дальнейшая детализация. По данным нашего материала имена людей в сводной выборке составляют 40,3 % всех собственных имен в словаре (476 из 1180) и 66,4 % в тексте (2699 из 4066; см. табл. I). В Т1 соответствующие проценты 61,6 и 81,8; в Т2 - 62,6 и 65,7. Эти данные характерны для художественных текстов по сравнению, например, с газетными или научно-техническими текстами, где преобладают собственные имена других типов.

Покончив с кратким анализом количественного распределения собственных имен, обратимся к более детальному анализу нарицательных существительных по ранее начерченной схеме.

Нарицательные имена. По бинарному категориальному признаку конкретность - неконкретность нарицательные имена подразделяются на две большие группы - конкретные и абстрактные существительные. Конкретными называются имена существительные, которые обозначают реальные, чувственно воспринимаемые предметы; абстрактными или отвлеченными являются существительные, обозначающие отношения, свойства, состояния предметов, отвлеченные от материальных вещей. Надо указать на условность такого разделения, так как в слове иногда могут сосуществовать конкретные и абстрактные представления (например, когда конкретные слова используются образно, символически).⁺ Все же применение единых критериев (в том числе некоторых формальных, например, дистрибуция) позволяет достаточно четко провести данное разделение на разнообраз-

⁺ Мы здесь не учитываем чисто логического противопоставления конкретности-абстрактности по объему понятий, когда различие носит чисто относительный характер (например, растение - дерево - береза).

разном материале.⁺

По данным рассматриваемых словарей нарицательные существительные распределяются по признаку "конкретность - неконкретность (абстрактность)" следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

ДСП	ХП		Т1		Т2	
	число	%	число	%	число	%
Конкретность	4586	60,9	2132	55,2	997	65,6
Абстрактность	2941	39,1	1731	44,8	523	34,4
Всего в словаре	7527	100,0	3863	100,0	1520	100,0

Конкретные существительные преобладают во всех рассматриваемых словарях, но можно отметить статистически существенные различия как между "нормой" (словарем современной прозы - ХП) и индивидуальным словарем авторской речи (Т1), так и между словарями авторской речи и речи персонажей одного и того же художественного произведения (Т1 и Т2). Бросается в глаза относительно большая доля абстрактных существительных в Т1 (44,8 %); это отражает индивидуальные особенности авторского словаря А.Х. Таммсааре (в частности, обилие отглагольных абстрактных существительных с суффиксом -mine).

Обратимся к употреблению конкретной и абстрактной лексики в тексте. Можно отметить разницу в функциональной нагрузке конкретных и абстрактных существительных, например, в ХП конкретные существительные повторяются в среднем 3,8 раза, а абстрактные - 3,4 раза (см. отношение Т/С в табл. 1); в Т1 разница еще больше - повторяемость 8,1 и 5,3, соответственно (табл. 2). Ввиду того, что численные значения показателя Т/С прямо зависят от объема текста, можно их сравнивать только в пределах одного текста или при одинаковом объеме разных текстов. В данном случае нельзя сравнивать конкретные значения Т/С, например, в Т1 и Т2, так как объемы текстов существенно различаются.

Прямым следствием увеличенной функциональной нагрузки конкретных существительных является и их увеличенная доля в тексте (более высокий процент в тексте по сравнению со словарем; см. табл. 5).

⁺ При другом подходе возможно включение и собственных имен в число конкретных существительных. В таком случае порядок следования категориальных признаков будет иным. Это показывает гибкость примененного метода расчленения словарного состава.

Таблица 5

ДСП	Т1		Т2	
	число	%	число	%
Конкретность	17348	63,2	17311	65,6
Абстрактность	10093	36,8	9091	34,4
Всего в тексте	27441	100,0	26402	100,0

Конкретные существительные покрывают, таким образом примерно 60...70 % эстонского художественного текста, причем наибольший процент конкретных существительных обнаруживается в речи персонажей. Безусловно, подавляющее большинство конкретных существительных объясняется своеобразием художественного стиля по сравнению с другими функциональными стилями. Это подтверждается и исследованиями по другим языкам. Например, по данным немецких текстов доля конкретных существительных в художественной прозе - 73 %, а в научно-техническом тексте только 28 % (Кульгав М.П., 1971, с. 18-19). Отмечается, что абстрактные существительные преобладают обычно там, где требуется обобщенность или сжатость изложения.

Конкретность и абстрактность существительных можно считать "универсальными" категориями, на основе которых можно произвести и сравнение разных языков. Однако следует принимать во внимание, что, например, абстрактность существительных иногда обуславливается своеобразием языковой системы (наличие особых аналитических оборотов и т.п.). В рамках одного языка предпочтение конкретных или абстрактных существительных может свидетельствовать об особенностях индивидуального или функционального стиля. Конечно, для качественной литературно-стилистической оценки требуются иные методы анализа, хотя и здесь количественные характеристики могут служить сигналом, направляющим внимание исследователя на некоторые скрытые от прямого наблюдения объективные черты стиля.

Учитывая важность количественных данных об относительном распределении конкретных и абстрактных существительных для лингвостилистических и типологических исследований, можно для наглядности построить соответствующий индекс пропорциональности, например, индекс конкретности - K_c (для словаря), K_t (для текста) - как соотношение:

$$K_c(K_t) = \frac{\text{число конкретных существительных}}{\text{число абстрактных существительных}}$$

По нашему материалу:

	ХП	Т1	Т2
K_c	1,6	1,2	1,9
K_T	1,7	1,9	2,4

Индекс показывает, во сколько раз конкретные существительные превосходят абстрактные существительные по частоте встречаемости в словаре или тексте. Например, в речи персонажей (Т2 - текст) конкретных существительных в 2,4 раза больше чем абстрактных. При надобности можно вычислить обратное соотношение (индекс абстрактности).

Конкретные существительные. При членении ЛСГ конкретных существительных на подгруппы можно использовать категориально-семантические признаки меньшей степени обобщенности. Согласно нашей системе ДСП на первом этапе выбирается бинарный признак *о д у ш е в л е н н о с т ь* - *н е о д у ш е в л е н н о с т ь*. К одушевленным существительным следует отнести слова, обозначающие живые существа, т.е. названия людей и животных. Распределение одушевленных и неодушевленных существительных рассматривается сначала в словаре, а затем в тексте.

Во всех рассматриваемых трех словарях доля одушевленных существительных меньше, чем доля неодушевленных существительных (см. табл. 6), причем наивысший процент одушевленных существительных (33,3 %) наблюдается в речи персонажей романа А.Х. Таммсааре (Т2).

Таблица 6

ДСП	ХП		Т1		Т2	
	число	%	число	%	число	%
Одушевленность	1240	27,0	587	27,5	332	33,3
Неодушевленность	3346	73,0	1545	72,5	665	66,7
Всего в словаре	4586	100,0	2132	100,0	997	100,0

Если в словаре данные по авторской речи двух источников (ХП и Т1) почти совпадают, то в тексте, т.е. в живом употреблении, обнаруживается значительное различие между ними (табл. 7). В Т1, а также в Т2 относительные частоты одушевленных существительных увеличиваются по сравнению с соответствующими данными словаря. Данные текста, повидимому, выявляют в большей мере, чем данные словаря, индивидуальные различия стилей.

Таблица 7

ДСП	ХП		Т1		Т2	
	число	%	число	%	число	%
Одушевленность	4529	26,1	6052	35,0	2394	42,3
Неодушевленность	12819	73,9	11259	65,0	3269	57,7
Всего в тексте	17348	100,0	17311	100,0	5663	100,0

О распределении частот одушевленных и неодушевленных существительных имеются данные исследования русских текстов (Лесскис Г.А., 1964). В художественной прозе одушевленные существительные (куда включены и собственные имена) составляют около 37 % всех существительных в тексте. Если привести данные эстонского языка к общему знаменателю с данными русского языка (т.е. включая и собственные имена), то оказывается, что в ХП доля одушевленных существительных равняется 23 % (2699 + 3961 + 568 = 7228 из 31507; см. табл. I), а в Т1 - 36,4 % и в Т2 - 35,5 %. Разница между данными сводных текстов художественной прозы русского и эстонского языков объясняется частично тем, что выборка эстонского языка (ХП) составлена на основе только авторской речи, а выборка русского языка включает и речь персонажей, но в общем можно сказать, что частотность одушевленных существительных достаточно стабильна в художественной прозе разных языков. Существенными представляются, однако, различия в частотах употребления одушевленных существительных при сопоставлении функциональных стилей. Например, если доля одушевленных существительных в русской художественной прозе составляет 37 %, то в русских научных текстах - только 8 % (см. Лесскис Г.А., 1964, таблица на с. II9; сам автор дает проценты 44,5 и 9,1, но к классу существительных причисляет и местоимения).

О д у ш е в л е н н ы е существительные подразделяются традиционно по признаку "лицо - нелицо" на существительные, обозначающие людей, и существительные, обозначающие животных. Как видно из таблиц I, 2 и 3, названия людей (и совокупностей людей) абсолютно преобладают в этом сопоставлении, например, в словаре ХП 1078 названий людей против 162 названий животных (т.е. доля названий людей - 87 % всех одушевленных существительных), а в тексте ХП - 3961 против 568 (87,5 %). В Т1 и Т2 эти проценты несколько ниже, учитывая деревенскую тематику романа А.Х. Таммсааре (больше названий животных).

Безусловно, словари и тексты отличаются друг от друга

не только формальным распределением частот отдельных ЛСГ, но и различиями в составах ЛСГ и распределениях частот слов. Если взять подсистему одушевленных существительных, охватывающую названия людей (ЛСГ со структурой порождения $Н\ I\ I\ I$, где $Н$ означает нарицательность; см. рис. 1) то интерес может представлять как состав и частотность подгрупп (имен деятеля, названий по родственным связям, общественному положению и т.д.), так и частотное распределение отдельных слов. Сопоставим сначала списки десяти наиболее частотных существительных - названий людей - по данным авторской речи двух текстов (числа обозначают частоту употребления в тексте, причем надо учесть небольшую разницу в объемах текстов, см. табл. 1 и 2):

ХП		Т1	
373	mees 'муж(чина)'	459	poiss 'мальчик'
254	inimene 'человек'	377	<u>peremees</u> 'хозяин'
185	naine 'жен(щин)а'	362	laps 'ребенок'
122	poiss 'мальчик'	353	<u>perenaine</u> 'хозяйка'
101	isa 'отец'	279	mees 'муж(чина)'
93	ema 'мать'	215	tüdruk 'девочка'
74	laps 'ребенок'	192	isa 'отец'
70	tüdruk 'девочка'	187	poeg 'сын'
63	poeg 'сын'	183	ema 'мать'
53	vend 'брат'	171	<u>sulane</u> 'батрак'

Можно констатировать определенное сходство в "ядре", т.е. в составе наиболее частотных слов: из десяти названий людей семь являются общими. Но в то же время выявляются и "ключевые" слова (подчеркнутые в списке), характерные только для индивидуального текста. В данном случае в Т1 таковыми являются высокочастотные peremees 'хозяин', perenaine 'хозяйка', sulane 'батрак'. Различие между словарями проявляется на количественном уровне также в общей форме распределения частот в ядре (более крутой спад частот в ХП; см. рис. 2) и в ранговом распределении, указывающем на относительную значимость слов в данном ряду. Дифференциальной стилистической характеристикой является и показатель концентрации частот, например, десять наиболее частотных существительных - названий людей - покрывают в ХП 35 % из общего числа названий людей, а в Т1 - 55 %.

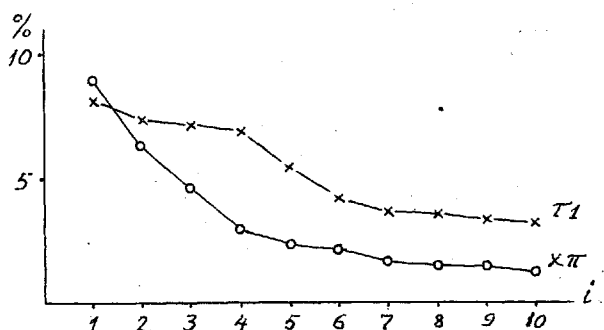

Рис. 2. Ранговое распределение частот (в %) названий людей в двух текстах; i - ранг.

Сравнивая авторскую речь и речь персонажей одного и того же произведения (Т1 и Т2), обнаруживается сходство в составе ядра (восемь общих слов из десяти), но различие наблюдается в ранговом порядке и распределении частот слов. Десять наиболее частотных существительных, обозначающих людей, в Т2 следующие (подчеркнуты слова, не входящие в число десяти наиболее частотных слов в авторской речи):

231 lapa	'ребенок'	90 perepaine	'хозяйка'
175 isa	'отец'	82 <u>eit</u>	'баба; старуха'
157 mees	'муж(чина)'	82 <u>inimene</u>	'человек'
126 pereamees	'хозяин'	67 poisas	'мальчик'
113 ema	'мать'	61 poeg	'сын'

Характерный состав ядра группы существительных, обозначающих животных (Н I I O), выявляется для художественной прозы из следующего сопоставления:

ХП	Т1	Т2
89 hobune 'лошадь'	128 hobune 'лошадь'	62 loom 'животное'
30 lehm 'корова'	128 koer 'собака'	45 koer 'собака'
29 loom 'животное'	120 loom 'животное'	35 hobune 'лошадь'
26 kala 'рыба'	60 kass 'кошка'	32 siga 'свинья'
22 lind 'птица'	54 lehm 'корова'	19 lehm 'корова'

Не одушевленные существительные подразделяются - по признаку "природное - неприродное" - на подгруп-

ны слов, обозначающих неодушевленные природные (естественные) предметы и неприродные предметы, или т. наз. артефакты, под которыми понимаются предметы, являющиеся продуктом человеческой деятельности.⁺ В сравниваемых словарях "природные" существительные составляют от 34 % (в ХП) до 38 % (в Т2) всех неодушевленных существительных. В тексте доля "природных" существительных составляет около 50 % в Т1 и Т2, но не более 44 % в ХП (т.е. в ХП названия артефактов явно преобладают).

Группы существительных, обозначающих природные предметы или артефакты, в свою очередь распадаются на многочисленные подгруппы. Эти подгруппы могут быть выявлены с помощью семантических признаков типа "тело - нетело" и др. или на основе тематических признаков, которые дают объединения слов, более привычные с точки зрения традиционной лексикографической практики. Например, образуются подгруппы названий растений и деревьев, небесных тел и т.д.

Анализ показывает, что по данным эстонской художественной прозы среди существительных, обозначающих природные предметы (ЛСГ со структурой Н I O I), наиболее объемистой является тематическая подгруппа "Земля, воды, элементы". В сводном словаре авторской речи (ХП) встречается 438 разных слов, относящихся к этой подгруппе (39 % всех "природных" слов). По составу ядра все три словаря являются близкими, но различие наблюдается в ранговом распределении частот, например:

ХП		Т1		Т2	
I30 maa	'земля'	I72 vesi	'вода'	74 vesi	'вода'
II2 meri	'море'	I55 maa	'земля'	43 maa	'земля'
68 vesi	'вода'	I06 jõgi	'река'	32 soo	'болото'
45 kivi	'камень'	95 soo	'болото'	29 kivi	'камень'
43 lumi	'снег'	85 kivi	'камень'	20 jõgi	'река'

В ХП частотным является слово meri 'море', которое, однако, у А.Х. Таммсааре (Т1 и Т2) совсем не встречается (хотя встречаются слова meremees 'моряк' и meremõrtsukas 'морской разбойник').

Среди "природных" существительных выделяются названия частей тела и органов людей и животных как особая подгруппа (для отличения частей тела людей и животных требуется знать контекст, т.к. многие названия совпадают, например, голова, глаз, нога). Наиболее частотные слова являются во всех сло-

⁺ Артефакт - "искусственно сделанное" (лат.).

варях общими, но можно отметить исключительную позицию слова süda 'сердце' в романе А.Х. Таммсааре (Т1 и Т2):

ХП	Т1	Т2
260 silm 'глаз'	310 silm 'глаз'	112 käsi 'рука'
237 käsi 'рука'	261 käsi 'рука'	64 <u>süda</u> 'сердце'
163 pea 'голова'	207 jalg 'нога'	62 jalg 'нога'
159 nägu 'лицо'	199 <u>süda</u> 'сердце'	62 silm 'глаз'
121 jalg 'нога'	164 pea 'голова'	56 pea 'голова'

Поражает большое число разных существительных, обозначающих части тела и органов, например, в ХП их около 250 разных слов (в том числе малочастотные kolp 'череп', käelaba 'лопасть руки', pahkluu 'лодыжка' и др.; сюда же были причислены слова экспрессивного характера, например, linasie-silmad - букв. "глаза как цветок льна"). Количество названий частей тела и органов высоко и в Т1 (около 180), причем можно также отметить ряд редких, в том числе экспрессивных образований, например, suu-silmad "рот и глаза", rotisaba 'коса' (букв. 'крысин хвост'), terassilmad 'глаза как сталь'.

Среди названий а р т е ф а к т о в (ЛСГ со структурой Н И О О) наиболее многочисленной является подгруппа существительных, обозначающих предметы потребления: в ХП встречается 706 разных слов этой подгруппы (32 % всех названий артефактов). Опять-таки очень близкими оказываются составы ядер трех сравниваемых словарей художественной прозы:

ХП	Т1	Т2
97 laud 'стол; доска'	63 laud 'стол; доска'	33 raha 'деньги'
39 kell 'часы'	45 kell 'часы'	20 laud 'стол; доска'
35 raha 'деньги'	41 raha 'деньги'	17 puss 'нож (финка)'
23 tool 'стул'	39 pudel 'бутылка'	15 kell 'часы'
21 pudel 'бутылка'	28 piip 'трубка'	5 pudel 'бутылка'

Объемистыми являются также подгруппы слов, относящиеся к жилищу и строениям (579 разных существительных в ХП; наиболее частотные: maja 'дом', tuba 'комната', aken 'окно') и к транспорту и коммуникациям (231 слово в ХП). Можно отметить значительное различие между словарями в подгруппе слов, обозначающих средства передвижения. Например, в ХП встречаются довольно часто существительные laev 'корабль' (частота 55), paat 'лодка' (33), auto 'автомобиль' (24), buss 'автобус' (22), которые в словарях Т1 и Т2 вообще отсутствуют. Но ключевыми для Т1 и Т2 являются некоторые специфические (от-

части устарелые) слова в группе существительных, обозначающих жилище и его части (kamber 'камера, комната', rehetuba 'жилая рига' и др.).

Таким образом, система конкретных существительных состоит из ряда ЛСГ разных уровней, причем наряду с семантическими (категориально-семантическими) признаками при образовании ЛСГ в данной работе использовались и тематические признаки. Если же оставаться на категориально-семантическом уровне, то согласно принятой схеме распределения признаков среди нарицательных конкретных существительных выявляются четыре основных подгруппы: ЛСГ названий людей (Н I I I), ЛСГ названий животных (Н I I O), ЛСГ названий природных предметов (Н I O I) и ЛСГ названий артефактов (Н I O O). Их общее частотное распределение (в %) в словаре и тексте эстонской художественной прозы приводится в табл. 8.

Таблица 8

ЛСГ (тип)	Словарь			Текст		
	ХП	Т1	Т2	ХП	Т1	Т2
Н I I I	23	21	24	23	29	35
Н I I O	4	6	9	3	6	7
Н I O I	25	26	25	33	33	28
Н I O O	48	47	42	41	32	30
Всего (%)	100	100	100	100	100	100

Как видно из этого сопоставления, распределение частот ЛСГ конкретных существительных на категориально-семантическом уровне, хотя и показывает индивидуальные различия в определенных границах, в целом является довольно устойчивым и может считаться в общих чертах характерным для художественной прозы эстонского языка. Наибольшую частотность обнаруживает ЛСГ названий артефактов (Н I O O). Различия между распределениями отдельных стилей проявляются в тексте в большей мере, чем в словаре.

Абстрактные существительные. Основное разделение ЛСГ абстрактных существительных на подгруппы проводится в данной работе на основе бинарного категориально-семантического признака а к т и в н о с т ь — н е а к т и в н о с т ь. Под условным названием "активность" мы понимаем действие в широком смысле (физическое действие или психический акт, в т.ч. моментальное действие, процесс и т.д.) и связанное с действием состояние (чаще всего — результат действия).⁺ При иден-
⁺ "Неактивность" следует понимать как признак, характеризующий все остальные абстрактные существительные (см. ниже).

тификации существительных, характеризующихся активностью в вышеуказанном смысле, можно воспользоваться некоторыми формальными средствами, а именно - признаками словообразования. Таким образом, к группе "активных" существительных можно отнести все отглагольные существительные, которые в эстонском языке образуются конверсией или - в своем большинстве - с помощью определенных суффиксов (Kasik R., 1979; Vare S., 1981). Некоторые существительные этой группы образуются словосложением, например, с компонентом -töö 'работа'. К активным существительным относится и ряд иностранных слов типа analüüs 'анализ', argumentatsioon 'аргументация'.

На этом основании абстрактные существительные распределяются в сравниваемых словарях следующим образом (табл. 9).

Таблица 9

ДСП	ХП		Т1		Т2	
	число	%	число	%	число	%
Активность	1393	47,4	911	52,6	179	34,2
Неактивность	1548	52,6	820	47,4	344	65,8
Всего в словаре	2941	100,0	1731	100,0	523	100,0

Бросается в глаза явное преобладание активных существительных в авторской речи А.Х. Таммсааре (Т1). Анализ показывает, что больше половины этих слов (51 %) образованы с помощью суффикса -mine. Наиболее частотные из них: arvamine 'мнение' (частота 44), tegemine 'делание, дело' (29), tahtmine 'хотение, желание' (23), lugemine 'чтение' (21). Характерным для стиля писателя является наличие в авторской речи большого числа окказионализмов с суффиксом -mine: kaugesõlitamine (буквально: "далеко-плевание"), ninassepanemine ("вложение в нос"), südamemõtlemine ("думание сердцем"), ajatapmine ("убийство времени") и многие другие.

Слова с суффиксом -mine являются частотными и в ХП, но их доля среди активных существительных меньше (34,6 %) по сравнению с Т1. Наиболее частотные среди них: tegemine 'делание, дело' (18), tahtmine 'хотение, желание' (17), liikumine 'движение' (10).

В авторской речи встречаются часто и отглагольные существительные с суффиксом -us (в ХП - 22,4 %; Т1 - 21,7 %). Наиболее частотные из них в ХП: küsimus 'вопрос' (частота 31), lootus 'надежда' (21), armastus 'любовь' (20), vastus 'ответ' (20), mälestus 'воспоминание' (17); в Т1: algus 'начало; почин' (57), küsimus 'вопрос' (42), vastus 'ответ' (37),

armastus 'любовь' (20), mālestus 'воспоминание' (20).

В речи персонажей (Т2) "активные" абстрактные существительные не играют столь значительной роли, как в авторской речи. Но и здесь преобладают слова с суффиксом -mine (36,3 %), на втором месте слова с суффиксом -u (18,4 %).

Распределение частот "активных" и "неактивных" абстрактных существительных показывает общую тенденцию к уменьшению доли "активных" слов в тексте (табл. 10). Это говорит о небольшой функциональной нагрузке (средней частотности) активных слов. Но, как известно, небольшая функциональная нагрузка группы слов означает одновременно их более высокую информативность (см. Tuldava J., Villup A., 1976, с. 86 и след.).

Таблица 10

ДСП	ХП		Т1		Т2	
	число	%	число	%	число	%
Активность	3164	31,4	3167	34,8	566	24,3
Неактивность	6929	68,6	5924	65,2	1767	75,7
Всего в тексте	10093	100,0	9091	100,0	2333	100,0

"Активные" абстрактные существительные подразделяются на основе бинарного признака "действие - недействие" на существительные, которые фактически выражают действие как акт или процесс, и все остальные отглагольные существительные, которые обычно выражают результат, средство или объект действия. К первой подгруппе относятся, как правило, отглагольные существительные с суффиксом -mine, а также такие слова, как v6itlus 'борьба', hūpe 'прыжок', vedu 'возка' и др. Ко второй подгруппе относятся, например, lauletus 'стихотворение', t6lge 'перевод', hinne 'оценка', lau 'песня'. В переходных случаях, т.е. когда слово может означать как само действие, так и связанное с действием состояние, оно было в данной работе причислено к первой подгруппе (например, selgitus 'разъяснение, выяснение', peatus 'остановка', kaotus 'потеря'; см. также Vare S., 1981, с. 173). Во всех трех сравниваемых словарях, а также в соответствующих текстах преобладают слова первой подгруппы, составляя в среднем 70...80 % всех "активных" существительных.

Классификация "активных", в первую очередь, отглагольных существительных может идти еще дальше, и аналогично с группировкой глаголов здесь можно различать однократность и многократность, транзитивность и интранзитивность действия и т.д.

Что же касается группы "неактивных" абстрактных существительных, то здесь имеются многообразные возможности дальнейшей классификации. Мы взяли за основу бинарный признак "свойство-несвойство", учитывая то, что к существительным, выражающим свойство (качество), можно формально причислить все деадъективные абстрактные существительные. Такие производные слова образуются в эстонском языке, главным образом, с помощью суффикса -us (например, nõrkus 'слабость' < nõrk 'слабый') или посредством конверсии (külm 'холод; холодный'). К группе существительных, выражающих свойство, можно отнести и отдельные слова других типов, например, jõud 'сила'.

Хотя эти слова в среднем составляют небольшую группу среди "неактивных" абстрактных существительных, все же их количественные характеристики играют определенную роль при выявлении индивидуальных стилистических различий. Например, доля существительных, выражающих свойство, в слове авторской речи колеблется от 9,4 % (в XII) до 17,7 % (в TI) всех "неактивных" существительных. В тексте их доля довольно высока в речи персонажей (10,8 % против 8,4 % в TI и 6,8 % в XII). Особенно ярко проявляется разница между словарями и текстами при сопоставлении частот отдельных слов и их ранговых распределений, например, в группе наиболее частотных слов можно отметить различие в концентрации частот и повышенную частотность слова õigus 'право; правда' в романе "Правда и справедливость" А.Х. Таммсааре (TI и T2):

XII		TI		T2
44 jõud	'сила'	69 õigus	'право; правда'	88 õigus 'право; правда'
35 valgus	'свет'	51 jõud	'сила'	8 jõud 'сила'
32 õigus	'право; правда'	13 külm	'холод'	8 halb 'плохое'
21 vaikus	'тишина'	9 kurbus	'печаль'	8 hea 'добро'
20 hea	'добро'	9 raskus	'трудность'	6 kangus 'крепость упрямство'

Среди остальных абстрактных существительных (характеризующихся признаком "несвойство") можно выделить ряд важных подгрупп, в частности, слова, выражающие время - 163 разных слова в XII, из них наиболее частотные: aeg 'время', päev 'день', aasta 'год'; количество - 123 разных слова в XII: tund 'час', osa 'часть', tükk 'кусочек' и др.; состояние - 70 слов в XII; можно сопоставить, например, частоты двух слов:

		ХП	Т1	Т2
elu	' жизнь '	122	67	39
surm	' смерть '	29	65	17

Принимая за основу выделенные категориально-семантические признаки (см. рис. I), мы можем в итоге подразделить абстрактные существительные на четыре основные подгруппы - ЛСГ существительных, выражающих действие (по структуре Н О I I), ЛСГ существительных, выражающих состояние, связанное с действием (Н О I O), ЛСГ существительных, выражающих свойство (Н О O I) и ЛСГ прочих типов абстрактных существительных (Н О O O). Их частотное распределение в словаре и тексте эстонской художественной прозы (см. табл. II) показывает, что, если не считать "остаточную" группу (Н О O O), в общей системе абстрактных существительных ЛСГ слов, выражающих действие (Н О I I), занимает первое место по частотности как в словаре, так и в тексте.

Таблица II

ЛСГ (тип)	Словарь			Текст		
	ХП	Т1	Т2	ХП	Т1	Т2
Н О I I	37	43	27	22	25	18
Н О I O	10	10	7	9	10	6
Н О O I	5	8	7	5	5	8
Н О O O	48	39	59	64	60	68
Всего (%)	100	100	100	100	100	100

По частотному распределению подгрупп абстрактные существительные в несколько большей степени, чем конкретные существительные, являются стиледифференцирующими в художественной прозе, так как различия между стилями проявляются в распределении абстрактных существительных достаточно ясно не только в тексте (как у конкретных существительных), но и в словаре, т.е. при расчленении конкретного инвентаря слов на лексико-семантические группы.

Заключение. В теоретическом плане лексико-семантическая группа (ЛСГ) рассматривается в данной работе как разновидность более общего понятия - лексической группы (ЛГ), имеющей свои разновидности на разных уровнях описания лексики. ЛСГ представляет собой результат классификационной процедуры, произведенной на лексико-семантическом уровне с помощью упорядоченной системы дифференциальных (или интегральных) семантических признаков (ДСП) разной степени обобщенности. В

итоге на данном "лексико-семантическом пространстве" (отражающем, как правило, некоторый обширный участок объективной действительности) образуется система ЛСГ разных (под)уровней и объемов с парадигматическими отношениями гипо-гиперонимичности (род - вид, инклюзивность) и эквонимичности (смежность). Внутригрупповые отношения можно подразделять на парадигматические и синтагматические, причем при образовании ЛСГ может быть применен как синтетический подход (от частного к общему), так и аналитический подход (от общего к частному).

В настоящем исследовании была предпринята попытка аналитического расчленения множества имен существительных эстонского языка (в рамках словаря художественной прозы) на парадигматические ЛСГ на основе заранее зафиксированной иерархической системы ДСП. Межгрупповые и внутригрупповые отношения трактовались в терминах теории вероятностных систем как распределения элементов в двух планах: в словаре (инвентаре) и при употреблении в тексте (речи). Можно полагать, что подобный количественный анализ в сочетании с качественным анализом, в частности выявление состава и удельного веса той или другой ЛСГ, позволяет более полно и объективно выявить "сущность содержания" (Левин Ю.И., 1966) данного функционального или индивидуального стиля.

Особенностью изучения ЛСГ по примененной методике является то, что расчленение словаря проводится поэтапно в порядке следования бинарных привативных категориально-семантических признаков, лежащих в основе классификации имен существительных. Кроме бинарных категориально-семантических признаков типа "нарицательность - ненарицательность", "конкретность - неконкретность" при дальнейшей детализации были использованы и т.наз. тематические признаки. Констатировалось, что основными разновидностями ЛСГ являются собственно семантические группы, тематические группы и смешанные, семантико-тематические группы.

Другой особенностью данного анализа было то, что последовательно сравнивались "норма" и индивидуальный стиль (сводный словарь авторской речи современной художественной прозы и индивидуальный словарь авторской речи целостного произведения) и субстили одного и того же произведения (авторская речь и речь персонажей). С точки зрения количественного анализа можно отметить факт неравномерности распределения частот ЛСГ (различие в объемах и частотности ЛСГ од-

ного и того же уровня классификации, различие в частотности элементов, наличие в ЛСГ "ядра" и "периферии"). Важной является констатация того, что разнообразие словаря в сводном тексте (наборе текстов) существенно больше, чем в индивидуальном целостном тексте того же объема как в отношении словарей отдельных ЛСГ, так и в отношении словаря в целом.⁺ Разнообразие лексики в речи персонажей, в свою очередь, значительно меньше, чем в авторской речи. При сравнении словарей одного жанра - художественной прозы - выявилось, что несмотря на общность или сходство в составе ядра, т. е. в составе наиболее частотных слов данной ЛСГ, различие проявляется в форме кривой распределения слов, в степени концентрации частот, а также в ранговом порядке слов. Кроме того, сравнение частотных списков ЛСГ отдельного произведения и "нормы" в зоне ядра (т. е. в зоне наиболее достоверных частот) позволило в некоторых случаях четко выделить ключевые слова, характерные (типичные) для конкретного индивидуального словаря. Все названные количественные характеристики проливают свет на определенные закономерности вероятностно-статистической организации словаря и текста и могут служить основанием для выявления скрытых от простого наблюдения типологических и стилистических черт жанра или отдельного произведения.

⁺ Например, в авторской речи сводного текста (объемом около 100 тыс. словупотреблений) насчитывалось 14,7 тыс. разных слов-лексем, в то время как в авторской речи отдельного целостного произведения (объемом 114 тыс. словоуп.) было только 7,4 тыс. слов-лексем. См. обзорные таблицы I и 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Билан В.Н., Боркун М.Н., Пиотровский Р.Г. Методы автоматического анализа и синтеза текстов. Минск, 1977.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Генералова Л.К. К вопросу о структуре значения имен существительных. - Сб. научных трудов МПИИЯ. Вып. 71. М., 1972, с. 43-50.
- Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Кульгав М.П. Имя существительное как основное средство воплощения "номинального/субстантивного стиля". - В кн.: Некоторые вопросы немецкой филологии. Пятигорск, 1971, с. 3-20.
- Левин Ю.И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. - В кн.: Структурная типология языков. М., 1966, с. 199-215.
- Лесский Г.А. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста. - Вопросы языкознания, 1964, № 3, с. 99-123.
- Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. Л., 1975.
- Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.
- Скороходько Э.Ф. Семантические связи в лексике и текстах. - Вопросы информационной теории и практики. Сб. 23. М., 1974, с. 6-116.
- Тулдава Ю. О теоретико-методологических основах квантитивно-системного анализа лексики (I). - Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 544. Linguistica XIII. Tartu, 1980, с. 143-158.
- Тулдава Ю. О теоретико-методологических основах квантитивно-системного анализа лексики (3): методика исследования. - Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 619. Linguistica Tartu, 1982, с. 123-143.
- Уфимцева А.А. Лексика. - Гл. IV в кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 394-455.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
- Ийм К. О лексических категориях в глубинной структуре. - Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 228. Tartu, 1969, с. 197-208.
- Ийм К. Семантический анализ эстонских абстрактных слов и структура "семантических полей". - Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Acta Linguistica. - Tallinn, 1975, 310-313.
- Kaasik U., Tuldava J., Villup A., Kõremaa K. Eesti tänapäeva ilukirjandusproosa autorikõne lekseemide sagedussõnastik. - TRU Toimetised, vihik 413. Tartu, 1977, lk. 5-140.
- Kasik R. Eesti keele tuletusõpetus I. Tartu, 1979.
- Saareste A. Eesti keele mõisteline sõnaraamat. Dictionnaire analogique de la langue estonienne. Stockholm, 1958 - 1963.
- Tuldava J., Villup A. Sõnaliikide sagedusest ilukirjandusproosa autorikõnes. - TRU Toimetised, vihik 377. Tartu, 1976, lk. 61-106.
- Vare S. Nimisõnalitõet tänapäeva eesti kirjakeeles. Tallinn, 1981.
- Villup A. A.H. Tammsaare romaani "Tõde ja õigus" I kõite autori- ja tegelaskõne sagedussõnastik. - TRU Toimetised, vihik 446. Tartu, 1978, lk. 5-106.

A QUANTITATIVE INVESTIGATION OF LEXICO-SEMANTICAL GROUPS
IN ESTONIAN

Juhan Tuldava

S u m m a r y

In addition to a theoretical discussion the results of a quantitative investigation of the lexico-semantic groups of Estonian nouns (substantives) in the genre of fiction are presented. On the basis of a hierarchical system of binary distinctive features (Fig. 1) the proportions of proper names and common nouns, concrete nouns and abstract nouns etc. in vocabulary and text of a corpus of texts and an individual complete text are stated (see Tables 1, 2, and 3). The quantitative investigation has been supplemented by qualitative analysis.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОПОСТАВЛЕНИЮ
ЭСТОНСКИХ, РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

Василевич А.П., Аллмере Р.А.

Сопоставительный анализ лексики разных языков имеет не только теоретическое, но в ряде случаев и прикладное значение - в частности, для установления адекватных аналогов при переводе. В принципе можно указать целые классы слов, для которых сравнительно несложно найти однозначные соответствия в разных языках (упомянем, например, технические термины; слова, обозначающие пространственные или временные отношения и т.п.). По всей видимости именно к таким группам слов относятся и цветонаименования: во всяком случае нам не приходилось встречать в литературе каких-либо указаний на трудности их перевода.

Конечно, с точки зрения психологии и восприятия цвета особых различий между носителями разных языков нет. Более того, можно выделить много общего и в самих системах средств цветообозначения в разных языках. Так, Берлин и Кей (Berlin, Kay, 1969) показали универсальность набора "основных" цветонаименований; в нашей работе (Василевич, 1982 б) выявлено, что в языках, обслуживающих европейскую культуру (русском, эстонском, болгарском), различным "цветовым смыслам" придается примерно одна и та же "значимость" и т.д.

Вместе с тем, при более глубоком анализе проблемы оказывается, что дело обстоит совсем не так просто. Начнем с упоминания об известной гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой восприятие мира (в нашем случае - цветового пространства) происходит по-разному в зависимости от того, на каком языке говорят данные индивиды. Дело здесь, конечно, не только в том, что в каких-то языках понятия "синий" и "зеленый" обозначаются одним словом, или в часто приводимом примере отсутствия точного лексического соответствия русскому слову голубой в целом ряде языков. Для "голубого" всегда можно найти адекватное соответствие (ср. англ. light blue). Однако существуют другие следствия различий в членении цветового пространства, на которые до сих пор не обращали внимания и которые, на наш взгляд, действительно, приводят к существенным трудностям для перевода. Например, в английском язы-

ке отсутствуют хорошие аналоги для передачи русских слов со значением "малиновый", а в русском, напротив, нет достаточно близкого аналога английскому понятию crimson (см. об этом в нашей работе Аллмере, Василевич, 1982).

В связи со сказанным, интересно обсудить данные двуязычных словарей. Отметим, прежде всего, что как мы убедились, целый ряд цветонаименований, как правило, в двуязычных словарях отсутствует (так, в русско-английском словаре нет таких слов, как весьма употребительное в биологической литературе инкарнатный, или слов, нередко встречающихся в художественных текстах — болотный, кармазинный, маренго, сомо; в эстонско-русском словаре отсутствуют слова *granaadivärvi*, *veinipunane*, *vanagoosa* и т.д.).* В этой ситуации хороший перевод возможен тогда, когда переводчик, по крайней мере, ясно представляет себе смысл слова-оригинала. Однако, как выясняется, таких слов, как болотный, томатный, сомо нет даже в 17-томном толковом словаре русского языка. С другой стороны, далеко не все варианты перевода, предлагаемые двуязычным словарем, оказываются лучшими (Аллмере, Василевич, 1982).

Каким образом попадает слово-эквивалент в двуязычный словарь? К сожалению, лексикографы, обсуждая в соответствующей литературе различные проблемы составления словарей — выбор словника, принцип подачи материала, омонимию и т.п. — практически ничего не говорят о самой процедуре поиска эквивалентов. Можно думать, например, что авторы-составители двуязычных словарей являются как бы "идеальными билингвами", одинаково тонко "чувствующими" оба языка. На самом деле "идеально" чувствовать язык не дано никому, даже если этот язык — родной (Василевич, 1983а). Между прочим, этот факт находит свое отражение, в частности, в том, что русские толковые словари разноречиво толкуют одни и те же цветонаименования (Василевич, 1983б). В двуязычных словарях подобных разногласий практически нет, но, как нам кажется, это связано с тем, что авторы последующих изданий просто-напросто автоматически используют соответствующие эквиваленты из предыдущих изданий (что лишний раз доказывает высказанное выше предположение об отсутствии у специалистов каких-либо сом-

* Здесь и далее в работе используются данные пяти двуязычных словарей, а именно — последних изданий русско-английского, англо-русского, эстонско-русского, русско-эстонского и англо-эстонского; их подробное библиографическое описание мы опускаем.

нений в отношении лексики цветообозначения). При таком положении вещей, естественно, возникает большая вероятность появления ошибок в предлагаемых словарях переводных вариантах.

Ц е л ь н а с т о я щ е й с т а т ь и - предложить способ оценки переводных эквивалентов и тем самым иметь возможность оценить качество данных англо-русского, англо-эстонского и эстонско-русского словарей. В основе предлагаемого подхода лежит следующее представление об адекватности перевода: слово Б в языке перевода будет адекватным эквивалентом цветоименования А в языке оригинала в том случае, если А вызывает у носителей языка оригинала такое же представление, какое вызывает Б у носителей языка перевода. Другими словами, мы будем считать слово удачно переведенным, если при переводе сохраняется его денотативное значение.

Для того, чтобы иметь возможность сопоставить денотативные значения цветоименований в разных языках, мы должны, во-первых, уметь их определять, и, во-вторых, описывать таким образом, чтобы получаемые описания были сопоставимы. Естественный путь решения этих задач - психолингвистический эксперимент с использованием цветообразцов. Методика такого эксперимента подробно описана в наших работах (Василевич, 1981; Аллмере, Василевич, 1982), поэтому ограничимся лишь кратким ее изложением. Из таблиц Манселла было отобрано 11 цветообразцов, которые представляли собой темные и светлые оттенки красного, фиолетового и оранжевого цвета. (Имея в виду методическую направленность работы, мы ограничились именно этим участком цветового пространства). Трем группам испытуемых (ии.) - носителям русского, английского и эстонского языков давались наборы слов соответствующего языка и предлагалось для каждого слова указать тот образец цвета, который наилучшим образом соответствует "смыслу" слова. Отказы запрещались. Наборы слов, обозначающих различные оттенки выбранных нами цветов, включали 69 цветоименований для русской аудитории, 48 - для английской и 46 - для эстонской. Число ии. составляло 36, 20 и 26 чел. соответственно.

Мы допускаем, что взятые нами слова не исчерпывают всех лексических возможностей выбранных языков в названии цвета. Источником наших слов был свободный ассоциативный эксперимент с соответствующими носителями языков (см. об этом Василевич, 1981; 1982а). Этот эксперимент дает возможность

выявить наиболее важные слова общеупотребительной лексики, которыми мы на данном этапе и будем заниматься. Таким образом, нас не слишком заботит тот факт, что вне нашего внимания остались такие книжные слова, как кармазинный или такие примеры писательских инноваций, как керосинный, кисельный (см. также многочисленные примеры эстонских слов типа *muirelilla*, *härgrunane*, *unelstroosa* и т.п., приведенные в недавно вышедшей работе Õim, 1983).

Как и следовало ожидать, ни в одном из трех экспериментов полного единодушия в суждениях ии. не было: лишь в нескольких случаях те или иные слова отождествлялись с одним и тем же цветообразцом в 90 % и более случаев). Тем не менее, никак нельзя сказать, что оценки не имели определенной структуры. Рассмотрим несколько примеров (табл. I):

Табл. I. Примеры распределений оценок "смыслов" слов

№№ пп.	Цветоимено- вания	Цветообразцы										
		I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	алый	-	-	-	-	7	81	12	-	-	-	-
2.	ярко-красный	-	-	-	-	1	89	10	-	-	-	-
3.	красный	-	-	-	-	20	74	6	-	-	-	-
4.	светло-красный	-	8	-	4	-	61	27	-	-	-	-
5.	темно-красный	-	-	-	-	66	-	-	-	-	20	14
6.	red	-	-	-	-	29	69	2	-	-	-	-
7.	runane	-	-	-	-	14	75	11	-	-	-	-
8.	рубиновый	-	-	2	-	41	32	-	-	-	21	4
9.	ruby	-	-	-	-	63	-	-	-	-	12	25
10.	rubiinrunane	-	-	-	-	19	19	6	-	-	47	19

В приведенной таблице указано, сколько процентов ии. отождествили данное слово с тем или иным цветообразцом (процек означает отсутствие отождествлений). Например, строка I расшифровывается так: 81 % русских ии. считают "смыслом" слова алый образец № 6 (яркий, чистый красный цвет); 12 % - образец № 7 (тоже яркий красный цвет, но с ощутимым добавлением синевы), а остальные 7 % - образец № 5 (темно-красный). В той же группе русских ии. весьма близкие к этому распределения оценок получены для слов красный и ярко-красный (строки 2 и 3), в группе англичан - для слова red (строка 6) и в группе эстонцев - для слова runane (строка 7). Таким образом, "смысл" перечисленных слов можно описать при-

мерно так: все они означают, главным образом, оттенок ярко-го красного цвета с некоторой (варьируемой от слова к слову) примесью синего. Но еще точнее будет считать описанием "смысла" каждого слова то распределение оценок, которое приведено в табл. I. Именно это и даст нам возможность сравнивать слова "по смыслу" и, в частности, выявлять денотативные синонимы.

Рассмотрим пару русских слов алый и ярко-красный (строки I и 2 табл. I). 81 % ии. придали им общий смысл, поместив их вместе с образцом № 6; еще 10 % сочли их одинаковыми, "отобразив" их на образец № 7, и, наконец, 1 % ии. сопоставили их с образцом № 5. Всего же одинаковый смысл этим словам придавался в $(81+10+1)$ 92 % случаях, т.е. их можно считать почти полными синонимами. Естественно принять степень измеряемой таким образом общности оценок за меру близости денотативного значения. В таком случае степень близости слов алый и ярко-красный составляет 92. Аналогичным образом из данных табл. I следует, что близость слов красный и светло-красный составляет 67, а красный и темно-красный — только 20 и т.д. Эти результаты хорошо согласуются с нашими интуитивными представлениями о смысловой близости русских цветонаименований, что подтверждает целесообразность предложенной процедуры.

Совершенно очевидно, что такая же методика может быть применена для оценки близости слов разных языков: ведь денотативные значения описаны в терминах одних и тех же цветообразцов. По данным табл. I мы получаем степень близости слов red-красный 91; punane — красный 94 и red — punane 85, что опять-таки выглядит правдоподобно.

Как же можно использовать полученные нами распределения оценок для практического поиска переводных эквивалентов? Например, как найти наилучший русский эквивалент для эстонского слова sirelivärvi? Возьмем распределение оценок sirelivärvi и начнем последовательно сопоставлять его с распределениями оценок всех русских слов, вычисляя каждый раз меру близости. Расположим получаемые пары в порядке убывания "силы связи": sirelivärvi — светло-сиреневый (97); sirelivärvi — бледно-сиреневый (95); sirelivärvi — сиреневый (89) и т.д. Понятно, что первые слова в этом перечне удовлетворяют выбранному нами критерию адекватности перевода, и, стало быть слова светло-сиреневый, бледно-сиреневый (а быть может, и сиреневый) могут считаться адекватными эквивален-

тами эстонского *sirelivärvi*. Правда, следует сказать о том, что двуязычных пар слов с силой связи порядка 90 % и более у нас оказалось не так много (*vasekarva* - медный 92; *beebigoosa* - нежно-розовый 94; ярко-розовый-*pink* 92 и некоторые другие). Тем самым подтверждаются слова Ю. Найдя: "...такой вещи, как и д е н т и ч н ы е эквиваленты, просто не существует; при переводе необходимо искать наиболее б л и з к и е эквиваленты" (Вопросы теории..., 1978, с. 118). Имен-но этой цели - поиску наиболее близких вариантов - и может служить приводимая ниже табл. 2. Мы считаем принципиальным давать каждый раз несколько вариантов : это позволяет переводчику учесть в каждом конкретном случае, что ему важнее - наибольшая точность в передаче "смысла" (тогда следует вы-бирать самый первый из приводимых вариантов) или же Необходи-мость учесть какие-то стилистические особенности оригина-ла.

Табл.2. Эстонско-русские эквиваленты

эстонские слова	словарные варианты	предлагаемые эквиваленты (с указанием силы связи со словом оригинала)
1	2	3
violett (violetne)	фиолетовый, лиловый	светло-лиловый 84; <u>лиловый</u> 82; <u>фиолетовый</u> 61; светло-фиолето- вый 78
oranž	оранжевый	ярко-оранжевый 85; <u>оранжевый</u> 84; оранжево-желтый 83
rubiinivärvi	рубиновый, яхонтовый	светло-вишневый 71; ярко-виш- невый 70; <u>рубиновый</u> 66
bordoovärvi	бордовый	гранатовый 86; <u>бордовый</u> 67
punane	красный	<u>красный</u> 94; алый 93
vaarikavärvi	малиновый	ярко-малиновый 72; гранатовый 65; <u>малиновый</u> 47
sirelivärvi	сиреневый	светло-сиреневый 97; бледно- сиреневый 95; <u>сиреневый</u> 89
lilla	лиловый	<u>лиловый</u> 84; темно-сиреневый 80
vasekarva	медный	<u>медный</u> 92; темно-оранжевый 86; желто-красный 80

I	2	3
kirsspunane	вишневый	свекольный 82; вишневый 75; бордовый 75; гранатовый 75
veripunane	крово-красный	пурпурный 83; <u>кровавый</u> 79; рубиновый 79
roosa	розовый	розовый 85
maasikavärvi	земляничный	земляничный 74
granaadivärvi	-	гранатовый 76; багряный 75; рубиновый 75
vanaroosa	-	нежно-розовый 86; светло-розовый 86
beebiroosa	-	нежно-розовый 94; светло-розовый 89
tomativärvi	-	кровавый 82; томатный 78

Как видно из табл. 2, наши данные, во-первых, восполняют пробелы эстонско-русского словаря (см. последние 4 слова), а во-вторых, позволяют посмотреть, насколько близки словарные варианты к оригиналу. В некоторых случаях, как мы видим, предлагаемые словарями переводы отнюдь не являются лучшими (см. в особенности, фиолетовый для *violetne* и малиновый для *vaarikavärvi*).

Еще более показательными в этом отношении являются данные по англо-русскому и англо-эстонскому переводу (табл.3). Интересно, что в некоторых случаях в обоих двуязычных словарях имеется одна и та же ошибка. Так, английское *ruby* трактуется как 'рубиновый' (и, соответственно 'rubinipunane') и даже как 'ярко-красный' ('sügavpunane' *), в то время, как из распределений соответствующих оценок (см. строки 8,9 и 10 табл.1) следует, что данные слова имеют весьма непохожие распределения. Другим примером "навязчивой" ошибки может служить слово *purple*, в трактовке которого в обоих словарях существенное место отводится понятию 'пурпурный'. К сожалению, как мы убедились, словарные варианты обычно доводят над

* В табл. 3 знаком (?) отмечены словарные варианты, не включенные в наши экспериментальные наборы. Как правило, их "смысл" можно "воссоздать", исходя из распределений оценок тех слов, которые интуитивно близки: например, *sariakupunane*=*eetripunane*; *kahvatipunane*=*pastellipunane* и т.д.

переводчиком. Так, анализируя переводы на русский язык текстов Даррела и Уайльда, мы обнаружили, что слово purple переводилось русским словом пурпурный в 65 % случаев и только в 9 % появлялся более или менее точный вариант - фиолетовый (в остальных 36 % случаев встретились слова красный, алый и багряный, которые хотя и не приводятся англо-русским словарем, но по своему "смыслу" весьма близки к словарному варианту 'пурпурный').

Итак, мы показали, каким образом можно искать точные переводные эквиваленты цветоименований и тем самым выполнили первую из поставленных нами задач. Остановимся теперь коротко на второй задаче: как можно использовать данные типа тех, что содержатся в табл. 2 и 3, для оценки качества двуязычных словарей?

Табл. 3. Англо-русские и англо-эстонские эквиваленты *

англ. слово	русские эквиваленты	эстонские эквиваленты
I	2	3
violet	<u>лиловый</u> 84; <u>темно-сиреневый</u> 79; <u>фиолетовый</u> 67; <u>темно-лиловый</u> 54	<u>violetne</u> 86; <u>lilla</u> 86; <u>kannikessinine</u> (?); <u>erklilla</u> 71
scarlet	<u>алый</u> 58; <u>ярко-красный</u> 58; <u>багряный</u> 58; <u>красный</u> 58; <u>багровый</u> 37	<u>veripunane</u> 61; <u>helepunane</u> 58; <u>erepunane</u> 58; <u>sarlakpunane</u> (?)
ruby	<u>темно-красный</u> 89; <u>багровый</u> 69; <u>гранатовый</u> 66; <u>рубиновый</u> 57; <u>ярко-красный</u> 1	<u>tumepunane</u> 88; <u>bordoovärvi</u> 63; <u>rubinipunane</u> 50; <u>sügavpunane</u> (?)
rosy	<u>ярко розовый</u> 65; <u>земляничный</u> 65; <u>розовый</u> 25	<u>pastellpunane</u> 70; <u>õrn-punane</u> 68; <u>roosa</u> 16
red	<u>кровавый</u> 92; <u>красный</u> 91; <u>кумачовый</u> 87; <u>алый</u> 78; <u>багровый</u> 59; <u>багряный</u> 54	<u>punane</u> 85; <u>verev</u> 78; <u>korallpunane</u> 76

1	2	3
purple	темно-лиловый 84; <u>све- кольный</u> 83; <u>фиолетовый</u> 69; <u>лиловый</u> 44; <u>пурпур- ный</u> 23; <u>багровый</u> 22	kirsspunane 78; tume violett 76; <u>punakas- violett</u> 42; <u>purpurpu- nane</u> (?); tume <u>punakas- lilla</u> (?)
pink	интенсивно-розовый 76; ярко-розовый 70; <u>розо- вый</u> 55	erkroosa 82; <u>roosa</u> 54; pastellpunane 52; <u>kah- vatupunane</u> (?)
crimson	рубиновый 83; <u>малино- вый</u> 50; <u>темно-красный</u> 46; <u>кармазинный</u> (?)	veripunane 71; rubii- nivärvi 66; <u>karmiin- punane</u> (?); <u>sügavpu- nane</u> (?)
cherry	гранатовый 82; ярко- вишневый 72; <u>вишневый</u> 69; <u>темно-красный</u> 50	rubiinpunane 83; bor- doovärvi 80; <u>kirsspu- nane</u> 71
lilac	бледно-сиреневый 90; светло-лиловый 87; <u>сиреневый</u> 78	<u>helelilla</u> 97; helevio- lett 93; erkviolett 91; <u>lilla</u> 63
orange	ярко-оранжевый 79; мор- ковный 76; <u>оранжевый</u> 55; <u>апельсиновый</u> 44	porgandivärvi 68; <u>oranž</u> 67; <u>punakaskol- lane</u> 65

* Подчеркнуты словарные варианты

Как видно из табл. 2, только в одном случае приводимый эстонско-русским словарем вариант перевода намного (в полтора раза!) хуже максимально возможного по степени близости эквивалента (vaarikavärvi - малиновый). В остальных случаях словарные варианты не уступают или почти не уступают наилучшим эквивалентам. Вычислим теперь, в какой мере степень близости к оригиналу словарных вариантов отличается от максимально возможной близости эквивалентов по всем словам в целом. Для рассматриваемого эстонско-русского словаря (табл. 2) этот показатель равен 0,92, т.е. словарные варианты в среднем очень близки к максимально возможному по степени близости эквивалентов. Подсчитав аналогичные показатели для нескольких других словарей, мы получили следующие данные: русско-эстонский - 0,87; болгарско-русский - 0,87; англо-эстонский - 0,78; англо-русский - 0,73 и англо-болгарский - 0,61. Таким образом, в части перевода цветоименований наиболее уязвимыми оказываются данные сло-

варей, переводящих с английского языка. Как нам кажется, этот факт как раз и говорит о том, что двуязычный словарь опирается на билингвизм его составителя, и в этом случае эстонско-русский и болгарско-русский билингв имеет определенные преимущества перед англо-русским, англо-эстонским и англо-болгарским билингвом. Указанные преимущества обусловлены как чисто лингвистическими (ср. русский и болгарский), так и историко-культурными (эстонский - русский) причинами.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Аллмере Р.А., Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению двуязычных лексических соответствий. - В кн.: Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.

Василевич А.П. Обозначение цвета в современном русском языке. М., 1981 (депонир. в ИНИОН АН СССР, № 7699).

Василевич А.П. К методике исследования гипотезы Сепира-Уорфа. - В кн.: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982а.

Василевич А.П. "Психологическая значимость" слов-цветообозначений в разных языках. - В кн.: Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982б.

Василевич А.П. Проблема измерения языковой компетенции. - В кн.: Психолингвистические основы обучения языкам. М., 1983а.

Василевич А.П. К проблеме отбора материала для лексико-семантического описания группы слов. - В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983б.

Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.

Berlin B., Kay P. Basic color terms. Their universality and evolution. Calif. Press, 1969.

Õim A. Värvinimetuste moodustamisest ning kasutamisest eesti ja vene keeles. - Keel ja Kirjandus 1983, nr. 1.

PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE COMPARATIVE ANALYSIS OF ESTONIAN, ENGLISH AND RUSSIAN COLOR TERMS

Alexander P. Vasilevitch, Rein A. Allmere

S u m m a r y

Denotative meanings of several Russian, Estonian and English color terms are investigated in a series of psycholinguistic experiments with Russian, Estonian and English native speakers accordingly. Comparison of the results obtained for different languages enables one to assess the semantic equivalence of entries suggested by bilingual dictionaries. The described method makes it possible to find more appropriate lexical units for translating color terms.

SISUKORD - INHALTSVERZEICHNIS - CONTENTS

<u>Alvre P.</u> Mitmussetunnuseist läänemereseoome obliik-vakäändeis (in Estnisch). - Resümee in Deutsch	3- 14
<u>Ariste P.</u> Nochmals von seltenen Ethnonymen	15- 18
<u>Bratus I.B.</u> Reduplication in Afrikaans (in Russian). - Summary in English	19- 25
<u>Kaganova T.</u> Bilinguisme au Canada (2): situation linguistique au Quebec (en russe). - Résumé en français	26- 34
<u>Lepa K.</u> Einige Besonderheiten des Gebrauchs fester Wortkomplexe in der deutschen politischen Publizistik (in Russisch). - Resümee in Deutsch	35- 39
<u>Malygin V.T.</u> Strukturell-semantische Besonderheiten der österreichisch markierten phraseologischen Wendungen im Vergleich mit den gesamtdeutschen (in Russisch). - Resümee in Deutsch	40- 47
<u>Mikenberg T.</u> Zur Konkretisierung in der Übersetzung der "Kartoffelschellen"	48- 52
<u>Mirsky A.A.</u> Lexisch-syntaktische Eigenschaften der Satzmodelle in der deutschen Gegenwartssprache (in Russisch). - Resümee in Deutsch.	53- 58
<u>Mutt O.</u> Some Notes on Recent and Current Research into English and the Teaching of English (7): History of the Language	59- 67
<u>Otsmaa L.</u> Zu einigen durch Labialisierung bedingten Vokalveränderungen im baltischen Mittelniederdeutsch	68- 74
<u>Pankratz Y.</u> Morphology in the System of the Germanic Verb (a Typological Aspect) (in Russian). - Summary in English	75- 85
<u>Pikver A.</u> Interlingual Transformations in Translating English Noun Phrases into Estonian ..	86- 93
<u>Podolskaya L.</u> Some Ways of Expressing the Category of Possession (on the Basis of Non-cognate Languages) (in Russian). - Summary in English	94- 99
<u>Ridali H.</u> Zur Frage der er-Inchoativa im Deutschen	100-106
<u>Ristna V.</u> On the Comparative Study of a Text (in Russian). - Summary in English	107-112
<u>Rutskaya V.</u> On the Interdependence of the Structure of the Word and the Phonemic Changes in Northern Dialects of English (in Russian). - Summary in English	113-122
<u>Tuldava J.</u> Quantitative Investigation of Lexico-Semantical Groups in Estonian (in Russian). - Summary in English	123-152
<u>Vasilevitch A., Allmere R.</u> Psycholinguistic Approach to the Comparative Analysis of Estonian, English and Russian Color Terms (in Russian). - Summary in English	153-162

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Алвре П.</u> О признаках множественного числа в косвенных падежах прибалтийско-финских языков (эст.; рез. рус.)	3- 14
<u>Аристэ П.</u> Дополнения к некоторым редким этнонимам (нем.; рез. рус.)	15- 18
<u>Братусь И. Б.</u> Удвоение в языке африкаанс	19- 25
<u>Каганова Т.</u> О двуязычии в Канаде (2): языковая ситуация в Квебеке	26- 34
<u>Лепа К.</u> Некоторые особенности использования устойчивых словесных комплексов в немецкой художественной политической публицистике...	35- 39
<u>Малыгин В. Т.</u> Структурно-семантические особенности австрийски маркированных фразеологических выражений в сопоставлении с общенемецкими	40- 47
<u>Микенберг Т.</u> О конкретизации в переводе романа "Глухие бубенцы" (нем.; рез. рус.)	48- 52
<u>Мирский А. А.</u> Лексико-синтаксические свойства моделей предложения в современном немецком языке	53- 58
<u>Мутт О.</u> Некоторые заметки о современных исследованиях в области английского языка и его преподавания (7): история языка (англ.; рез. рус.)	59- 67
<u>Отсмаа Л.</u> О некоторых изменениях гласных, обусловленных лабиализацией в прибалтийском средненемецком языке (нем.; рез. рус.) ...	68- 74
<u>Панкрац Ю. Г.</u> Морфология в парадигматике германского глагола (опыт типологического анализа)	75- 85
<u>Пиквер А.</u> Межязыковые трансформации при переводе групп существительного с английского языка на эстонский (англ.; рез. рус.)	86- 93
<u>Подольская Л.</u> О некоторых способах выражения категорий посессивности (на материале неродственных языков)	94- 99
<u>Ридали Х.</u> Немецкие глаголы с префиксом <i>er-</i> , обозначающие начало действия (нем.; рез. рус.).	100-106
<u>Ристна В.</u> К сопоставительному изучению текста (на материале английского и эстонского языков).	107-112
<u>Руцкая В. Ф.</u> О взаимосвязи структуры слова и фонемных изменений в северных диалектах Англии	113-122
<u>Тулдава Ю.</u> Квантитативное исследование лексико-семантических групп в эстонском языке	123-152
<u>Василевич А. П., Аллмере Р. А.</u> Психолингвистический подход к сопоставлению эстонских, русских и английских цветоименований	153-162